

1947

19-28 - Директор

СВЕТА

ВОКРУГ

№ 1

За золотом Африки

По приглашению правительства Египта Егор Ковалевский сто лет на-

Е. П. Ковалевский

зад начал исследование золотоносных областей Африки. Он совершил путешествие по Голубому Нилу до истоков реки Тумат. Русский открыватель проник — первый из европейцев — в страну негров галла, открыл один из притоков Нила — реку Абул, реку Невку, на водоразделе Белого и Голубого Нила. Пользуясь советами путешественника, правительство Египта построило предприятия по добыче золота в ряде областей Африки.

Возвратившись из своего замечательного похода, Ковалевский издал двухтомное «Путешествие во Внутреннюю Африку». Эта книга не потеряла своего значения до нашего времени.

Составил Сергей Марков

А. Н. Радищев
и
В. Ф. Ловцов

А. Н. Радищев

В 1797 году А. Н. Радищев, возвращаясь из сибирской ссылки, встретился в Таре с капитаном Василием Ловцовым. За несколько лет до этой встречи Ловцов был командиром корабля «Екатерина», на котором совершил, вместе с поручиком Адамом Лаксманом, плавание в Японию. Это плавание было подготовлено при участии Григория Шелехова, известного деятеля Русско-Американской компании, создавшего планы торговых связей

России с Китаем, Японией, Филиппинами, Ост-Индией.

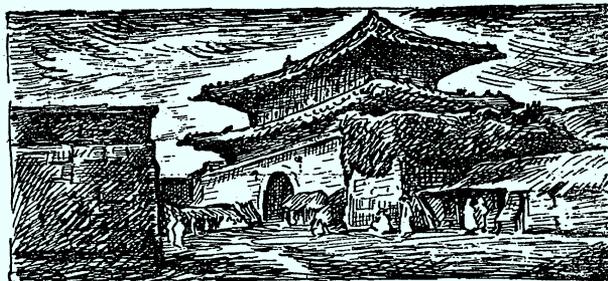
В. Ловцов был одним из выдающихся охотских мореходов, сотрудником Г. Шелехова. От Ловцова и мог узнать Радищев подробности о походе «Екатерины» к берегам Японии. Великий изгнанник собирал от сибирских мореходов сведения о пушном промысле на севере Тихого океана, о жизни племен Сибири и Аляски.

Русские люди в Корее

Русские моряки эскадры Тихого океана в 1897 году деятельно исследовали воды Кореи. Были произведены полная съемка архипелага Кордого, промеры входов для кораблей в шхерах Южно-Корейского

архипелага, обследованы районы порта Шестакова, Гензана и другие.

Пятьдесят лет назад Корею изучали русские исследователи: Путята, Стрельбицкий, Орановский и В. Л. Комарог

Руал Амундсен на Аляске

Руал Амундсен четверть века назад совершил огромный пеший поход по матерку Аляски. В сопровождении туземца-почтальона Амундсен отправился с мыса Барроу, недалеко от которого осталась на зимовку шхуна Амундсена «Мод», в аляскинский город Ном. Мыс Барроу—залив Коцебу—Диринг—Ном—таким был маршрут Амундсена. Он прошел по снегам Аляски 1600 километров, причем это был второй пеший поход Амундсена в этой стране. (Первые его скитания в об-

Руал Амундсен

ласти Юкона относятся к 1905 году.) Прибыв в Ном, Амундсен начал деятельную подготовку к воздушной экспедиции с Аляски в район Северного полюса.

1947

ВОКРУГ СВЕТА

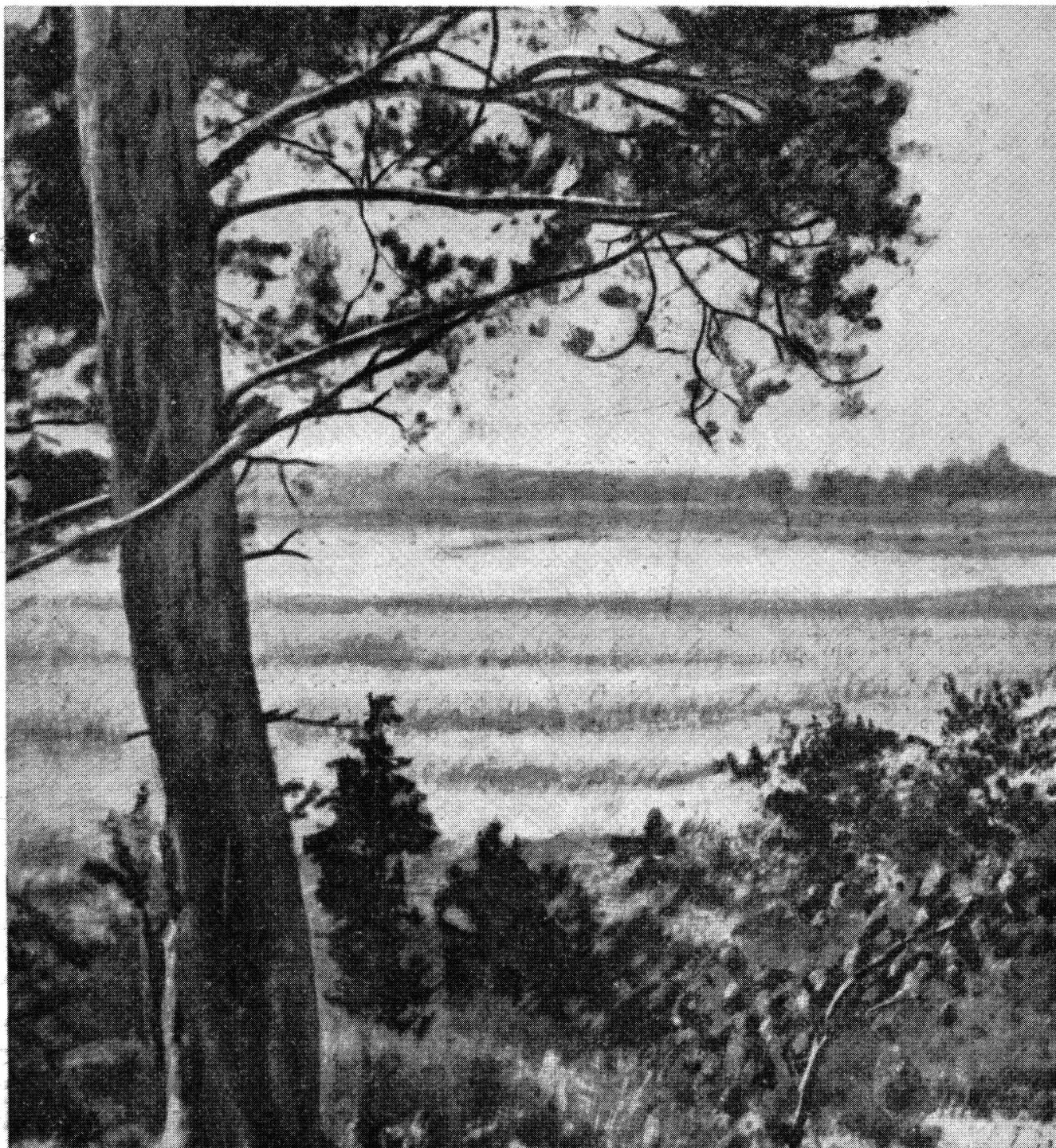

№ 1

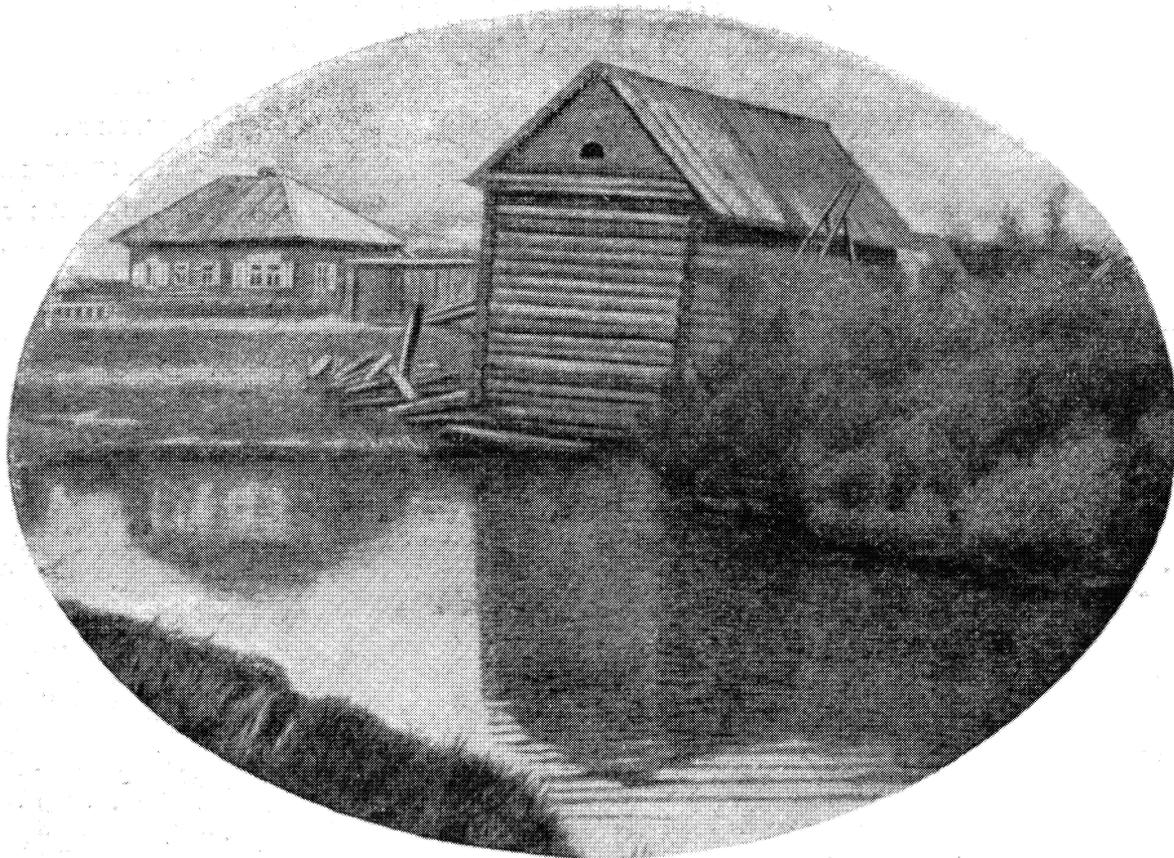
Январь

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

Журнал основан в 1861 году

Окрестности села Шушенского. Места прогулок В. И. Ленина.

АЛЕКСЕЙ КОЖЕВНИКОВ

Поездка в Шушенское

Недавно мне довелось побывать в селе Шушенском. Это село находится в глубине Сибири, в том ее южном уголке, который окружен Саянскими и Кузнецкими горами и известен под именем Минусинской котловины.

Далекий край. Шесть суток мчится скорый поезд от Москвы до Абакана. От Абакана до Шушенского еще почти сто верст на лошадях или на попутной машине.

Но дальность расстояния не пугает людей. Со всех концов Советского Союза едут они в Шушенское. Это далекое село, освященное великим именем Владимира Ильича Ленина, дорого миллионам людей.

Здесь в течение трех лет (1897—1900 гг.) Владимир Ильич отбывал царскую ссылку. Сюда в то время были обращены взоры всех истинных борцов за освобождение человечества. Здесь, в сибирской глуши, развивались Лениным идеи революции, идеи социализма.

Из Абакана в Шушенское нас выехало много. Ехали школьники, учителя, демобилизованные фронтовики. Был один из удивительных осенних дней...

Солнце было яркое, лучистое, ничем не затененное, но без того угнетающего жара, каким пышет оно здесь в июле и августе. Ветер дышал одновременно и теплом и прохладой. Воздух был чист, прозрачен, и виделось далеко-далеко. И везде шла работа: жали, молотили, копали картофель, ломали подсолнухи, убирали яблоки, арбузы, сеяли озимое. Навстречу нам то и дело пробегали машины с кузовами, полными зерна, яблок, арбузов. То и дело степенно проплывали вместительные телеги с пахучими снопами конопли либо махорки.

Мы ехали с песнями. Шоферы, трактористы, сборщики яблок, подсолнухов провожали нас, кто улыбкай, кто приветственным взмахом руки.

Наконец среди сжатых полей показались серые тесовые крыши. Шофер сбавил ходу, высунулся из кабины и сказал:

— Вот и Сушь!..

Здесь Шушенское называют кратко «Шушь» и очень часто «Сушь».

Песня оборвалась. Пассажиры, сидевшие кружком, лицом к лицу, быстро пересели по-новому, так, чтобы видеть, как из-за невысоких увалов возникают крыши, дома, улицы. Все стараются внимательно разглядеть и запомнить каждый дом: в нем, быть может, жил, бывал Ленин.

Улица, по которой мы едем, пересекается другой. На перекрестке небольшая площадь, посреди площади — памятник Ленину. Тут руководитель нашей экскурсии, старичок, преподаватель истории, стучит в кабину шофера, и машина останавливается около памятника. Ее немедленно окружает большая толпа ребятшек со школьными сумками — как раз время, когда в школы идет вторая смена, — и звонкие кричат нам:

— Вы к Ленину?

— Да, к Ленину.

— Мы покажем вам.

Руководитель экскурсии, бывавший тут не раз, прикидывается новичком и говорит:

— Покажите. Это недалеко?

— Близко. Совсем рядом! — радостно кричат ребяташки.

Мы идем в окружении веселой, приветливой ребячьей толпы. Ребятишки рассказывают наперебой, что Ленин здесь жил в двух домах. И тут же поправляют сами себя:

— Не сразу в двух, а сперва он в одном жил, а потом в другой переехал. Теперь в обоих музеи.

Шагов через сто они радостно объявляют:

— Пришли.

Мы останавливаемся, а ребята уходят дальше в школу.

На углу бойкой улицы, по которой все время идут пешеходы, гремят машины, у тихого, поросшего травой переулочка стоит одноэтажный деревянный домик.

Больше пятидесяти лет прошло с тех пор, как Владимир Ильич жил в нем—в первый год своей ссылки. Домик сильно потемнел, стал почти черен, но стоит еще прямо, на нем не видно никаких следов ремонта. В этих местах дома строят из крепчайшего горного леса—сосны, лиственницы,—и дома выстаивают по сотне лет.

На лицевой стене домика прибита доска с надписью: «Квартира Владимира Ильича Ленина во время пребывания в ссылке в с. Шушенском в 1897—1898 гг.».

Осмотрев домик с улицы, мы входим во двор. Двор, довольно большой, вернее, двор и приусадебный участок соединены в одно. Никаких хозяйственных построек нет. Весь участок засажен кустами сирени, жасмина и цветами. По нему проложены песчаные дорожки. На дорожках стоят скамеечки. На них сидят люди. Сидят тихо, а если и разговаривают, то шопотом.

Мы спешим в домик поскорей увидеть комнатку, где жил Владимир Ильич. На пороге нас встречает дежурная по музею, тихая, средних лет женщина.

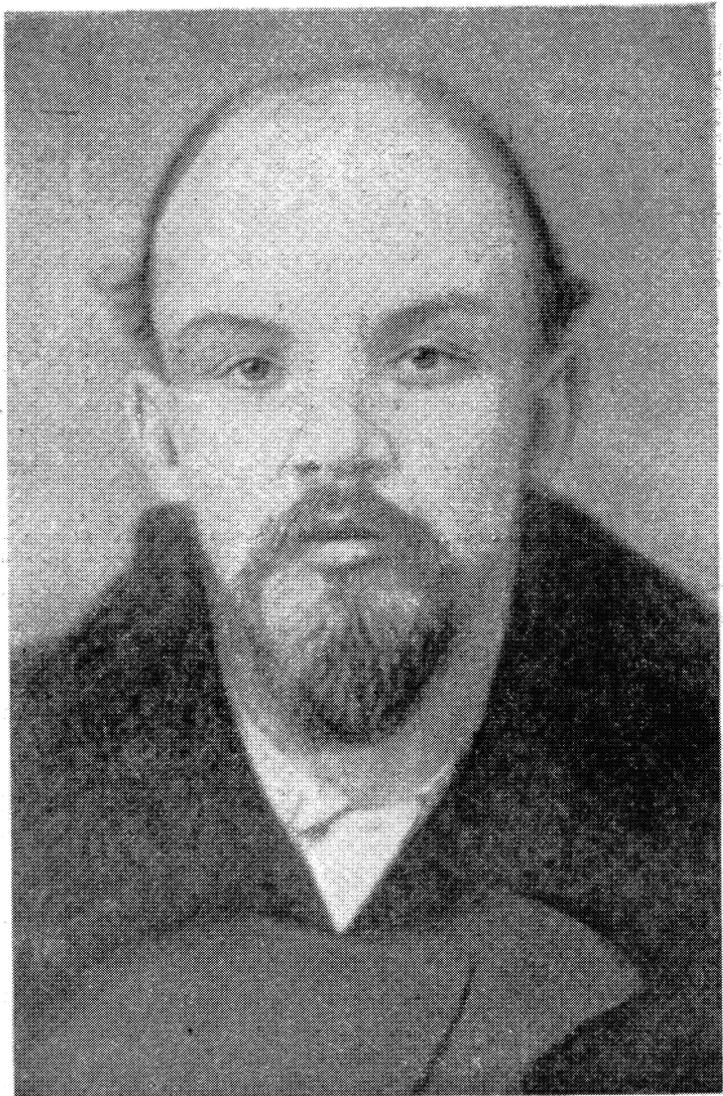
— В этом доме Владимир Ильич жил первый год ссылки,—рассказывает она.— Дом принадлежал крестьянину Зырянову, Аполлону Долмонтаевичу. Хозяева занимали три комнаты...

— А где жил Владимир Ильич?

— Здесь вот, в этой угловушке.

Все мы устремляемся туда. Но угловушка так мала, что половина посетителей остается за порогом, в прихожей, терпеливо ожидая, когда счастливицы уступят ей место.

В угловушке три окна: два глядят на улицу, одно во двор. Внутреннее убранство, насколько это было возможно, сохранено в том виде, каким было при Владимире Ильиче. Между окон на улице — небольшой прямоугольный столик, около него три про-

В. И. Ленин в шушенскую ссылку прибыл весной 1897 года. Ему тогда было 27 лет.

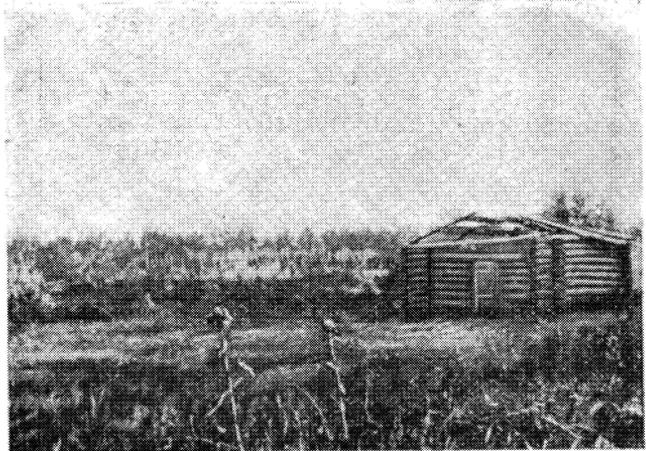
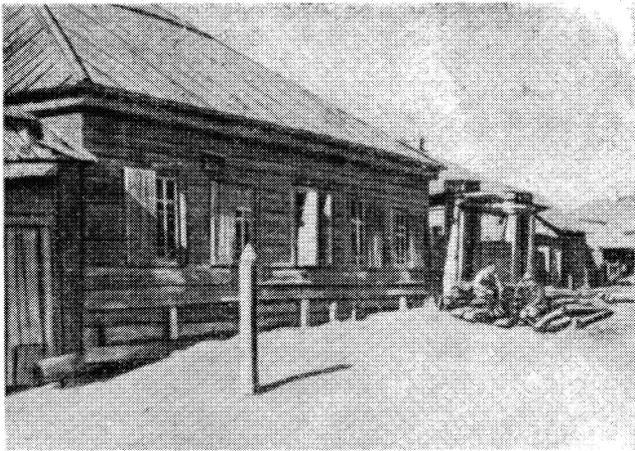
стых деревянных стула. У стены во двор деревянная кровать под серым грубым одеялом. Стол, кровать и стулья коричневого цвета. На столе керосиновая лампа без стекла и абажура. Над столом висит на стене барометр-анероид. В двух углах — маленькие треугольные столики. На них по стойке журналов: «Новое слово», «Отечественные записки», «Русская мысль», «Северный вестник».

Люди тихо, задумчиво, как в храме, стоят в этой бедной угловушке. А дежурная рассказывает, что у Зырянова до приезда Владимира Ильича была заезжая квартира, по прежнему — постоянный двор. Пустив на квартиру Ленина, Зырянов постоянный двор прикрыл, но по-старому к нему продолжали заезжать прежние знакомцы. За дверями комнаты Ленина был слышен топот ног, стоял говор. Ильича донимал едкий дым самосадной махорки. И поистине удивительно упорство Ильича: в таких условиях он работал ежедневно по многу часов. За три года ссылки в Шушенском Владимир Ильич написал тридцать научных работ и среди них одну из крупнейших в его литературном наследстве — «Развитие капитализма в России».

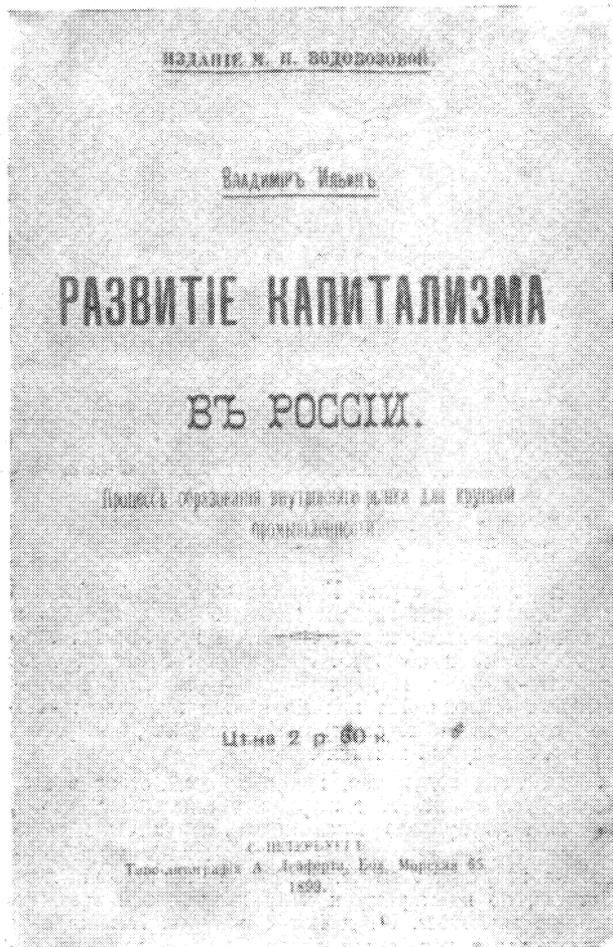
Через квартал от домика Зырянова, в другом тихом переулочке стоит домик Петровой. Он очень похож на зыряновский, того же преклонного возраста, но так же по-сибирски крепок. На фасаде доска: «Квартира Владимира Ильича Ленина во вре-

Дом Зырянова. Здесь В. И. Ленин жил первый год ссылки. Он занимал одну угловую комнатку. Дом стоит на углу главной улицы села.

Дом Петровой. Здесь В. И. Ленин провел два последних года ссылки. Дом Петровой стоит в некотором отдалении от главной улицы, на берегу небольшой речки Шушь. Справа — охотничья избушка. Бывало, что Владимир Ильич уходил на охоту на несколько дней, тогда он ночевал в этой избушке.

Обложка книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

в с. Шушенском в 1898—1900 гг.».

Вокруг домика молодой сад и цветник. В этот дом Владимир Ильич перешел в 1898 году, когда в Шушенское приехала Надежда Константиновна Крупская, бывшая тогда невестой Владимира Ильича. Надежда Константиновна, тоже высланная в Сибирь, приехала в Шушенское со своей матерью.

Ленин с семьей занимал в доме Петровой три комнаты. Эти комнаты содержатся теперь в том виде, как были в те далекие годы. Простые деревянные столы, стулья, кровати. И много книг по самым разнообразным вопросам — от философии до статистики.

Из домика Петровой мы пошли по путям ленинских прогулок. Рядом незаметно, неслышно струилась Шушь, задумчиво осенними жужлыми листьями шуршал тальник. Высоко в небе плыли белые облака. Как облака же, прихотливо вычерченные, стояли вдали Саяны, опущенные первым снегом.

Непередаваемое чувство волновало всех нас. Мы шли по тропе, по которой ходил Ленин, глядели на горы, на которые глядел он, — и от этого наша маленькая жизнь казалась нам значительной, величавой.

Вот бор, вернее, молодой сосновый лес. В нем нет многоохватных великанов, насчитывающих сотни лет жизни. Самым крупным деревьям разве что лет по сто. Судя по письмам Владимира Ильича, в его бытность в Шушенском, этот бор был сильно вырублен. Но теперь пней и порубок не видно. Народная любовь к Ильичу свято хранит этот лес.

Когда мы вошли в бор, одна из экскурсанток, студентка-хакассочка, остановилась перед молодой сосенкой и начала считать ей годы. Молодой сосне, когда у нее еще не начали отваливаться нижние сучья, как это бывает у сосен к старости, сосчитать годы очень просто. Ведь сосна растет этажами (мутовками), каждое лето выгоняет ствол вверх сантиметров на пятнадцать-двадцать и на вершине его венчик ветвей — мутовку. Сколько на дереве таких мутовок, столько и лет дереву.

Сосчитав годы одной сосне, хакассочка сказала:

— Нет, ты не видала Ленина: тебя при нем еще не было.

И пошла считать годы другой сосне.

Сосчитав, она сказала:

— Этой при Ленине было три года.

Тогда мы все начали считать годы деревьям, чтобы представить себе бор в ленинское время, чтобы угадать, на какие деревья Владимир Ильич глядел снизу, на какие сверху, какие бережно обходил, чтобы не примять, не поломать, под какими отдыхал в тени.

Из бора мы вернулись к домику Петровой, вошли в сад и долго сидели на скамейках перед увядающими цветами. Сидели молча, будто перед отъездом в далекий путь, когда человек собирает и накрепко укладывает в свое сердце самое дорогое из пережитого.

Потом молча встали, сели в машину и поехали из Шушенского — каждый к своему дому, и каждый увез с собой клад незабываемых переживаний...

МОСКВА-ТИКСИ

на летающей лодке

НИКОЛАЙ БОБРОВ

1. КУРС НА ДУДИНКУ

Мы идем над тундрой. — В слепом полете. — Самолет меняет курс. — Город, где все из дерева. — Успехи заполярных агрономов.

На архангельском аэродроме — острове посреди Двины — жаркая солнечная погода. Широкая река застыла в полуденном зное. Противоположный берег напоминает северные пейзажи русских художников. Там вековая тишь и покой.

Но здесь, на острове, иная картина. Уткнувшись в песок, покачивается на легкой волне огромная лодка. Почти опрокинувшись на бок, стоит на прибрежном песке пузатый бензозаправщик: по длинному шлангу с хлюпающими звуками переходит в прожорливые баки самолета горючее. Горючего надо взять много: предстоит ночной беспосадочный полет.

Тяжело нагруженная лодка «СССР Н-338», сегодня утром стартовавшая в Химках под Москвой, с трудом отрывается от воды. Курс нопд-ост — вначале над лесами, затем над тундрой — к северной оконечности Уральского хребта. Местность полужакрыта дымкой испарений и кажется пустынной и безлюдной.

Командир экипажа Бахтинов, пилотирующий самолет от Москвы, уходит отдохнуть. Впереди тяжелая ночь.

— Есть так держать! — говорит второй пилот Славин, оставаясь в рубке один.

— Где мы? — спрашиваю я штурмана, просыпаясь от холода.

— Проходим Печору.

Серая, в розовых отблесках заката, уходит назад величавая северная река. Мы летим над тундрой, за Северным полярным кругом. Становится еще холоднее: штурман, радист и оба летчика уже надели меховые куртки. За ил-

люминаторами все темнее и темнее. В пассажирской кабине яркий свет. Пассажиры спят. Среди них трое детей: мальчик лет семи и две девочки-школьницы. Они летят со своими родителями на зимовку в Тикси. Там они и будут учиться в средней школе.

Бросаю взгляд на карту, лежащую на столе перед штурманом.

Карта говорит, что в это время справа по борту уходит от нас скры-

тая во тьме полярная кочегарка — Воркута. Неведомое раньше заполярное селение стало промышленным центром, где в огромном количестве добывается уголь. Слева по курсу — там, за проливом Югорский шар, вода которого чуть светится отблесками долгой полярной зари, — расположено селение Амдерма. Здесь более десяти лет назад был найден и энергично разрабатывается сейчас ценный минерал флюорит, или плавленый шпат, — сырье для доменщиков.

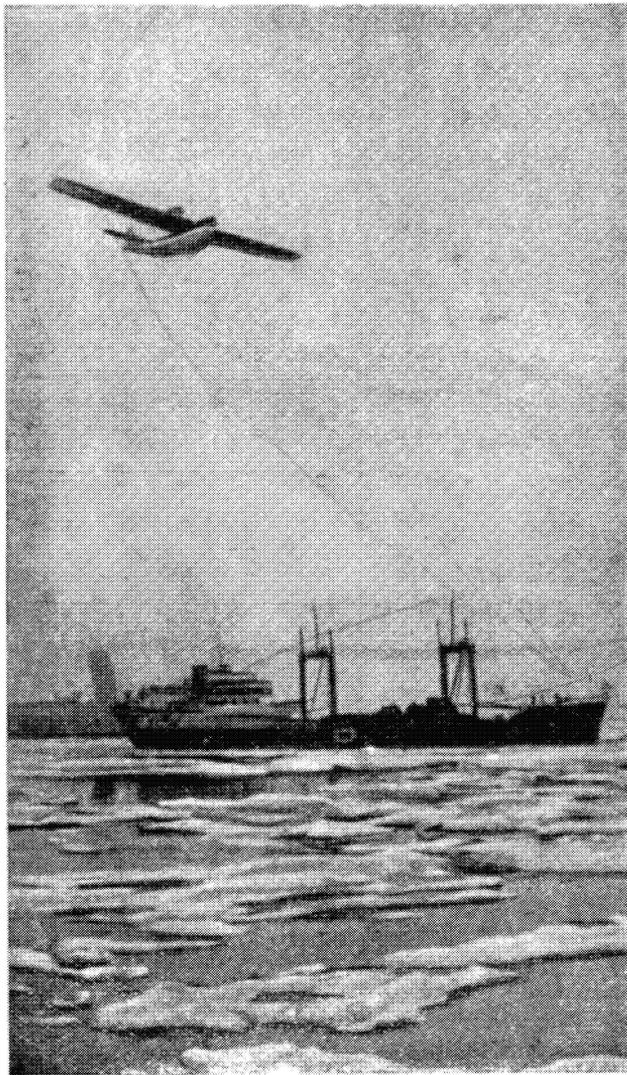
Следуя дальше над высокими облаками, вставшими над землей, самолет минует Урал, упирающийся здесь в Карское море, и приближается к реке Обь. Вот уж где, кажется, начнутся полярные пустыни! Но нет! Среди облаков показывается и медленно плывет под нами световое пятно. Это селение Салехарде — центр Ямало-Ненецкого национального округа.

Вы не бывали в нем? Представьте себе городок из деревянных домов, маленький, но благоустроенный, — обычный советский городок. Здесь в Доме ненца ежедневно — звуковое кино или играют артисты драмы. Нередко ставятся пьесы из жизни ненцев, написанные местным драматургом Иваном Федоровичем Ного.

Город известен своим рыбоконсервным комбинатом. Заслуженной славой пользуются его превосходные изделия из нельмы, осетрины и стерляди.

Вы можете увидеть в этом городе десятки и сотни ненцев, одетых зимой и летом в свои меха. Это их родная столица, которой они гордятся.

В городе много огородов, дающих населению свежие овощи, но основные занятия ненцев — оленеводство,

Море блестит в лучах яркого августовского солнца. На его глади плавают льдины.

На рассвете показался Енисей, за ним Игарская протока и сам город...

Игарка — город дерева. Все в нем деревянное: и двухэтажные дома, и мостовые, и тротуары.

промысел на пушного зверя, извоз. Отсюда в далекий Тобольск и Воркуту до сих пор существует зимнее сообщение в закрытых повозках с печками — так называемых «балках». Салехарде, однако, связан и воздушным путем с Воркутой, Амдермой и Новым Портом, что расположен в Обской губе.

Самолет находится в «слепом» полете сквозь густые облака, и по окнам его бегут струйки воды. Не видно ни земли, ни неба...

Но вот мы подходим к Обской губе, и здесь облачность словно тает. Глубоко под нами — черная вода, в ней плавают глыбы льда. Над еле виднеющимися впереди берегами громоздятся тучи. Справа от нас плывет серебряная луна, — какой огромной она кажется!.. Слева угасает холодная полоска зари.

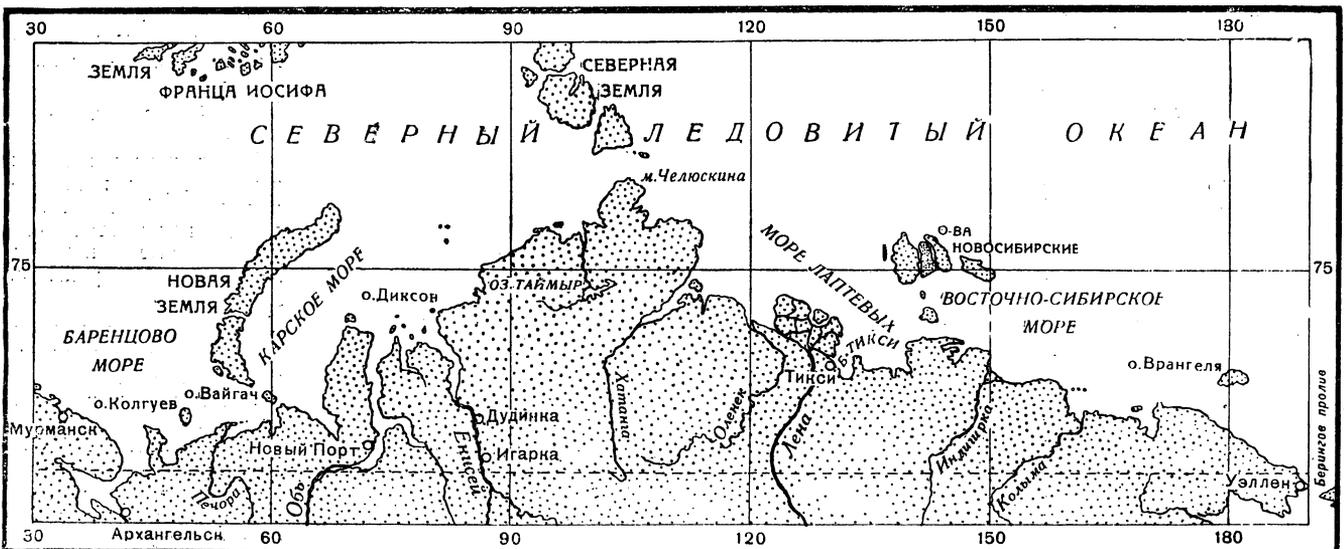
У берега Обской губы в нашем пути снова встает стена облаков. Мы пересекаем полуостров Ямал. Курс из Дудинку — селение в устье реки Енисей.

Уж более двенадцати часов длится полет. Какова-то погода там, впереди? Наш радист Олейник в напряжении. Он записывает очередную радиограмму. Погода всюду скверная. В Игарке только что прошел мокрый снег. Дудинка молчит.

Но вот радист докладывает радиограмму командиру:

— Дудинка не принимает — шторм!

Приходится идти на Игарку. Делаем крюк на юг. На рассвете, в серой мути горизонта, показался необъятный Енисей, за ним — Игарская протока и сам город. Десятки больших и малых самолетов стоят у берега и на якорях. Виднеются здания аэровокзала, гидроаэропорта, а вдали аэродром. Глаз успевает заметить огромные караваны судов, идущих по Енисею.

Карта северного побережья РСФСР.

Раздастся звук сирены, от крыльев отделяются и встают на свое место поплавки, — и самолет, вчера утром покинувший Москву, «приводняется» в молодом советском городе, родившемся в годы сталинских пятилеток, ими созданном.

В четыре часа по московскому времени (а по местному — в восемь) отправляемся на прогулку в город.

Дорога — широкий деревянный настил — идет среди таких же, как и под Москвой, огородов. Урожай картофеля, еще десять лет назад небывалого в Заполярье, в этом году особенно богат в Игарке.

Советские агрономы упорно трудятся, продвигая сельскохозяйственные культуры на Крайний Север. Сотрудница Института полярного земледелия и животноводства М. М. Хренникова создала новые методы обработки почвы в Заполярье. Применяя их, она стала успешно разводить за Полярным кругом картофель, капусту, брюкву, салат, щавель, лук. Здесь, в Игарке, в совхозе «Полярный» ею основан опытный пункт, превратившийся в 1946 году в научный и практический центр северного овощеводства. Десятки научных сотрудников института ведут здесь сейчас свою замечательную работу за Полярным кругом. Нет сомнений, что к 1950 году овощи будут самым обычным явлением на далеком Севере.

На берегу и на окраине города дышат огромные заводы, сырьем для которых служит преимущественно дерево. Игарка — город дерева. Все в нем деревянное: и двухэтажные дома старого и нового города, и мостовые, и «мостики» — тротуары.

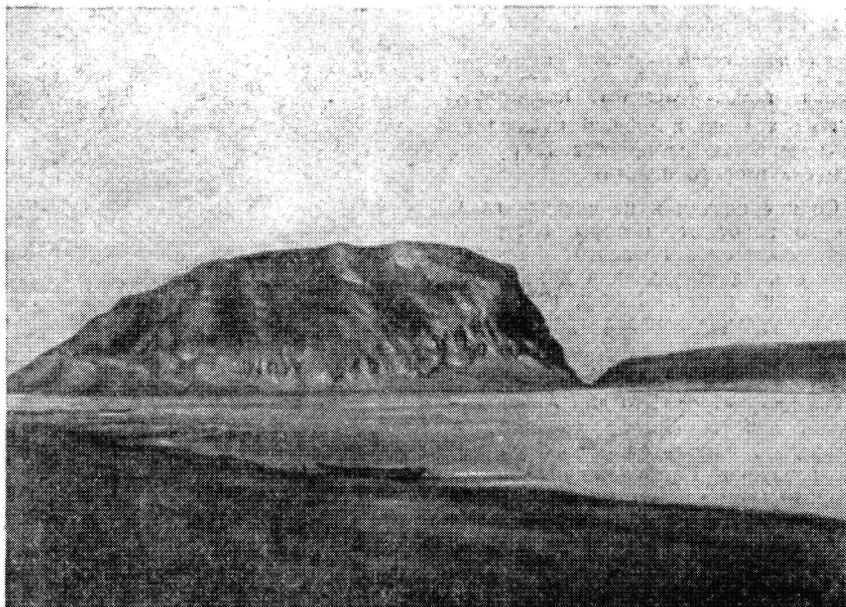
В порту на Игарской протоке — оживление. Только что пришел пароход «сверху» — из Красноярска. Среди пассажиров немало приезжих, пожелавших жить и работать в Арктике. С интересом осматривают они необычный город.

На втором этаже красивого двухэтажного дома Управления игарской группы полярной авиации — нечто вроде летного клуба. За огромным бильярдом сражаются летчики, инженеры, техники. Они прилетели сюда с самых отдаленных пунктов Арктики.

В стороне от «чемпионов» и обычных «болельщиков» до хрипоты в голосе спорит группа летчиков. Перед ними на стене географической карта.

— Да разве Игарка в Арктике? — доносится возмущенный голос одного из летчиков. С пренебрежением он тычет пальцем в место, где на карте обозначена Игарка.

— Ну, а где же Игарка, по-твоему? Ведь она же за Северным полярным кругом!

Массивной громадой высятся в устье реки Енисей остров Столбовой.

— Значит, по-твоему, и Мурманск в Арктике?.. Конечно, Мурманск на триста километров «выше» этого самого Полярного круга. Но ведь Мурманск — незамерзающий порт. Какая же это Арктика?.. Нет, это неверно! Арктикой мы можем называть только районы, расположенные севернее той линии, которая проходит через пункты со средней июльской температурой, равной 10 градусам тепла.

— А где же эта линия? — спрашивает кто-то.

— Значительно севернее Игарки, — заявляет первый из собеседников.

Спор прекращается. Все уходит в кинозал — смотреть фильм «Клят-

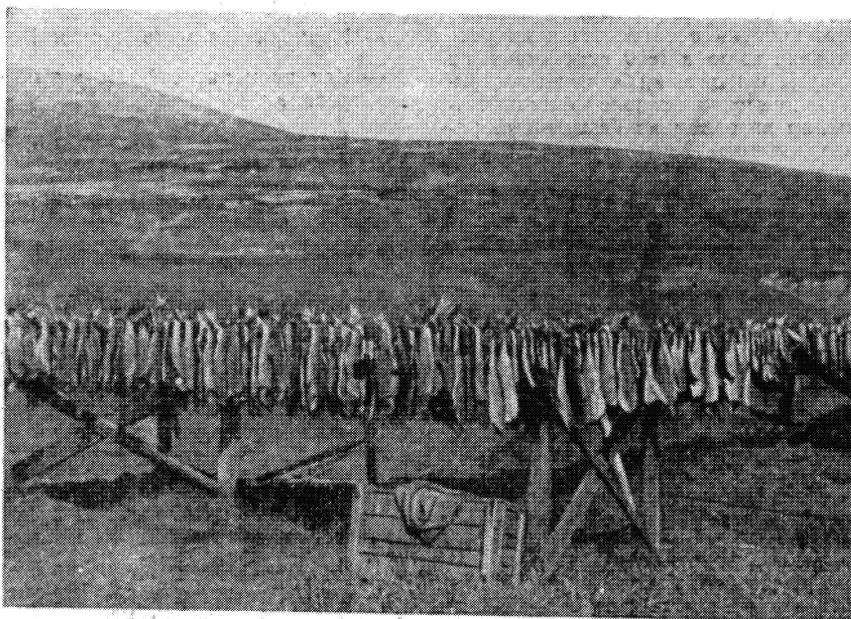
ва», прибывший сюда с нашим самолетом.

Незаметно проходит короткая полярная ночь. Телефонный звонок.. Сборы недолги. На катере едем в гидроаэропорт.

На высоких берегах Игарской протоки желтеют штабеля леса, приготовленного для отправки на морских пароходах, свободно заходящих сюда по Енисею. На окраине города и на берегу дымят трубы лесных заводов.

Шторм затихает: Хатанга готова принять наш самолет. После завтрака пассажиры и экипаж занимают свои места в самолете.

Взлет...

В устье реки Лены. На жердях сушится рыба — пища для собак.

2. ИГАРКА — ХАТАНГА

1 000 километров — рукой подать. — Рассказ инженера Великих. — «Железная гагара» летчика Каминского.

Как хорошо и удобно наблюдать за местностью из пилотской рубки, с места второго пилота!

Солнце позади и не слепит глаз. Мерно работают моторы. Штурман распределяет снос, проверяет поправку компаса, дает указания летчику об изменении курса. Внизу, под самолетом, уползают назад тундры, реки, озера.

От Игарки до Хатанги всего 1 000 километров. Это для Арктики — рукой подать! Погода хорошая, и управлять самолетом в таких условиях нетрудно. Командир приказал отдыхать всем членам экипажа. Бодрствуют лишь сам командир экипажа Бахтинов, механик и радист. Спят и пассажиры, умаявшиеся во вчерашнем ночном полете. Не легли еще дети: мальчик читает какую-то детскую книжку, одна из девочек пеленает куклу.

Пересекаем 70-й градус северной широты. Как далеко мы от Москвы: на 14 градусов севернее и на 57 градусов восточнее ее!

Тень самолета бежит по тундре слева и впереди от нас. Вот она уже переметнулась через реку Хету.

«Увидите Хету, передайте мой мысленный привет долганину Степану, — он кочует там с оленями. В тех местах я чуть было не потонул», вспоминаются слова, сказанные мне еще в Игарке полярником тов. Великих. В однообразии полета так легко возникает в памяти эта история.

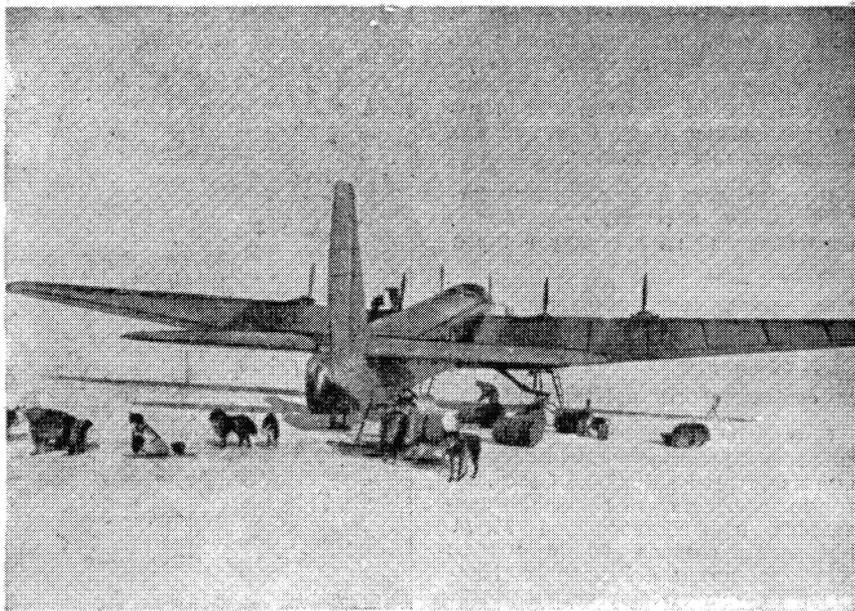
Инженеру Великих в дни Отечественной войны предложено было перебраться из бухты Косистой на один из аэродромов трактор. Смелого полярника не испугали ни расстояние почти в 1000 километров, ни морозы и пурга, ни безлюдье тундры. Путь протекал вначале благополучно, но на одном из безымянных ранее притоков Хеты трактор провалился под лед. К счастью, это произошло на мелком, хотя и с быстрым течением, месте. Не вытаскил бы трактора Григорий Павлович один. На помощь ему пришел случайно проезжавший долганин Степан.

Степан кликнул клич, и к месту аварии примчалось до двадцати оленьих нарт. Целое становище из чумов выросло на месте, называемом ныне «Трактор-бастах» («Трактор тонул»).

Трактор был вытаскен. Купанье в ледяной воде на машину не подействовало, а человека Степан повез к себе.

Гостеприимные долгане выходили инженера.

Он не заблел.

Старое и новое. Два средства сообщения в Арктике — самолет и собаки.

Он жил у них и с интересом присматривался к быту этого малочисленного, вымиравшего при царизме народа. Сейчас долгане обеспечены медицинской помощью, у них есть и школа, их детям доступно также высшее образование. Они снабжены всем, что требуется для охоты на зверя...

Великих ходил на охоту со Степаном. Удивило, как метко бьет росомаху этот долганин. Он стреляет, словно не целясь, поднимая дуло ружья снизу вверх. Однажды, подняв таким образом ружье, Степан не выстрелил.

— Что ты, Степан? — удивленно спросил инженер.

— Промахнулся мало, немного!

— Как промахнулся? Ведь ты и не стрелял?

— Потому и не стрелял, что промахнулся, патрон беречь надо...

Оправившись и набравшись сил, Великих поехал назад к своему трактору и благополучно доставил его на аэродром.

Кто-то трогает меня за плечо, — это штурман.

— Пересекли реку Медвежью! Сейчас пойдем над Хатангой, — кричит он, усаживаясь на освобождаемое мною место второго пилота.

Селение Хатанга — районный центр бассейна реки Хатанги — расположено приблизительно на 72-м градусе северной широты.

В прошлом году во время выборов в Верховный Совет СССР сюда приезжали голосовать местные жители. Огромное стойбище чумов, сотни оленьих и собачьих упряжек

появились в тундре. Гордые и радостные, приезжали сюда избиратели. И каждый вместе с именем своего кандидата называл и имя того, кто указал народам Севера путь к лучшей, счастливой жизни.

— Сталин — наш кандидат! — говорили они.

Внизу огромная река, на ней — морские пароходы, самолеты.

— Хатанга!

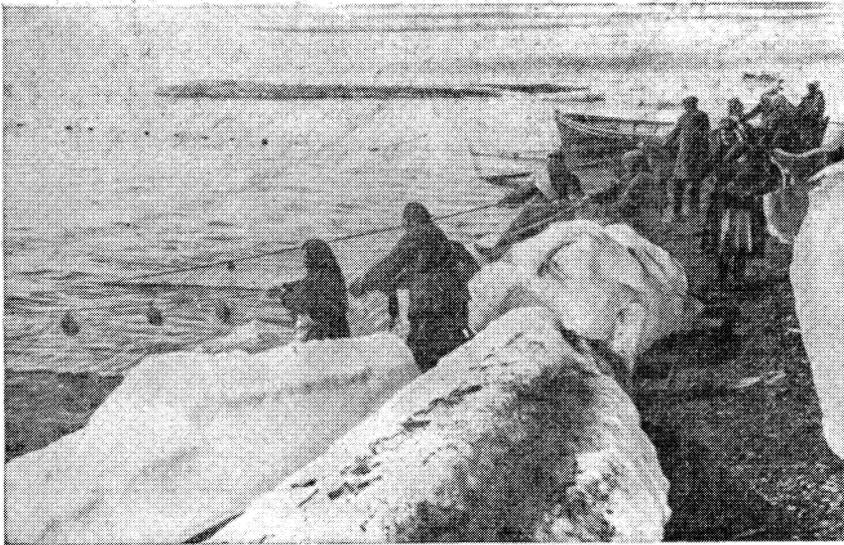
Река сурово принимает тяжело нагруженную лодку. Огромные волны сстрасают ее корпус. Такую посадку летчики называют «посадкой на шило».

На берегу — груды каменного угля, огромные ящики с грузом, сотни бочек с горючим. Старые, обшарпанные жилища первых поселенцев Хатанги теряются среди новых, свежесрубленных домов.

Юркий катер, проскользнув между поплавок и фюзеляжем, берет нашу лодку на буксир. На берегу ветер старается пригнуть человека к земле. Пассажиры уходят выпить чаю, согреться.

Высокий, средних лет, человек подходит к нам. Это полярный старожил — летчик Каминский. В последний раз мы встречались с ним в 1935 году во Владивостоке. Он впервые собирался тогда лететь на Чукотку.

Укрывшись от ветра за огромной грудой каменного угля (здешней, своего угля), мы беседуем с этим замечательным человеком. На его груди под распахнутой меховой курткой немало орденов и медалей. В дни Великой отечественной войны он водил советские боевые самолеты.

На севере Якутии наступила весна. Рыбаки вышли на летнюю путину.

Кто не знает пилота Каминского на советском далеком Севере? Это пионер полярной авиации, летавший здесь на еще не совершенных самолетах, в одиночку, почти не рассчитывая на чью-либо помощь в случае вынужденной посадки.

Местные жители не доверяли самолету и говорили: «Самолет работает на керосине, зверь не любит керосин, зверь уйдет, и охоты не будет».

Но очень скоро им пришлось изменить свое мнение об авиации. Весной 1936 года группа охотников из селения Наукан, что вблизи Уэлена на Чукотке, была унесена в море. Каминский в пургу на бреющем полете обследовал огромный участок Чукотского моря. Охотники были найдены и спасены, а Каминский и его «железная гагара» стали героями устного эпоса у народов Севера.

Каминский первым стал производить ледовую разведку в морях восточного сектора Арктики, отважно вылетая в море на одномоторном сухопутном самолете.

3. ПУТЬ НА ТИКСИ

Мы снова меняем курс. — В устье реки Оленек. — Так вот он, Тикси!

Пассажиры возвращаются из столовой. Заправка самолета закончена. К тому же наш командир спешит вылететь как можно скорее. Впереди непогода, туман...

— «Ни пуха, ни пева!» — прощается с нами Каминский.

И снова полет... Мы летим над однообразным пейзажем тундры. На карте местности не видно ни одного

селения. Лишь какая-то «Избушка Макара» изображена на ней.

Лишь через несколько часов мы видим справа селение Саскылах, районный центр бассейна реки Анабары. Мы уже летим над Якутской АССР, приближаясь к 73-му градусу северной широты. Там море Лаптевых, там бухта Тикси — цель нашего полета.

Хребет Сюрях Джанги, закрытый снегом, плывет не приближаясь. Суrowой красоты местность проходит под нами.

Но вот радист принимает радиogramму. Он быстро передает ее командиру экипажа, командир —

Штурману. Новый курс — и самолет идет на север, к морю Лаптевых, туда, где впадает полноводный Оленек. Тикси не принимает наш самолет. Там шторм.

Море Лаптевых блестит в лучах яркого августовского солнца. На его глади плавают льдины, на берегах лежит снег.

Но что это?! Почему так опрокинулся наш самолет?! Идем на посадку...

Внизу огромная река. Это — Оленек. Ее протяжение более 2 500 километров, ширина в устье — несколько километров.

Здесь расположено новое селение — Оленекское.

Люди, выбежав из домиков, буквально скатываются с горы, спеша встретить наш самолет. Огромные волны, разбежавшиеся по широкой реке, обдают брызгами козырек пилотской рубки, стекают с бортов. Штурман и радист на баке самолета держат наготове багры и швартовы.

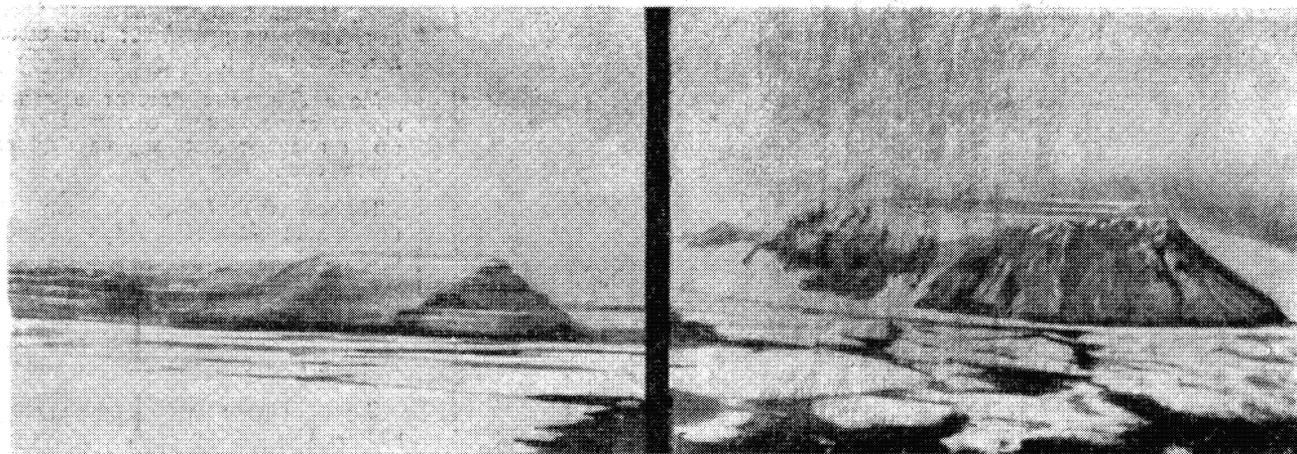
Худенький черноволосый человек без головного убора руководит причалом самолета. Его ноги по колени в воде, но на лице у него выражение неподдельной и искренней радости.

Это старый полярник, техник Николай Максимович Гутник. Он рад, что может обслужить сегодня наш самолет.

В маленькой конторе, рядом со своей квартирой, Гутник рассказывает историю создания этого поселка.

Эти плоты пришли сверху по реке Лене. Они составлены из бревен—материала для развертывающегося в Тикси строительства.

Острова Жанетты и Генриэтты.

Осенью 1946 года группа ученых, во главе с доктором географических наук контр-адмиралом Н. Н. Зубовым, во время длительной ледовой разведки пролетела на самолете над островами Жанетты и Генриэтты. Эти редкие снимки сделаны радистом самолета тов. Макаровым.

Возник поселок удивительно быстро.

Сюда, на пустое горное плато, Гутник пришел в 1944 году. Место оказалось подходящим. Дружный коллектив строителей, среди которого были как жена самого Гутника, так и жена другого техника, приступил к заготовке строительного материала. Женщины, не отставая от мужчин, поднимали бревна, выловленные в Оленеке. Первую зиму провели в палатках.

Местные жители — якуты — завели дружбу с коллективом, и каждая оленяная нарта или собачья упряжка привозила Гутнику в подарок по одному бревну. В полярной тьме вырастали первые дома...

И вот сейчас мы осматриваем с Гутником творение рук небольшого, руководимого им коллектива. Закачивается пристройка помещения для моторов. Вот здания столовой, двух жилых домов для служащих, пекарня.

С высокого плато виден противоположный берег реки Оленек и где-то вдали на горизонте полузакрытый дымкой горный край...

Там метет пурга.

Гутник с гордостью показывает нам первых поросят, прекрасно здесь акклиматизировавшихся. Скоро здесь будут иметь возможность съесть настоящую свиную отбивную из свежего, а не консервированного мяса.

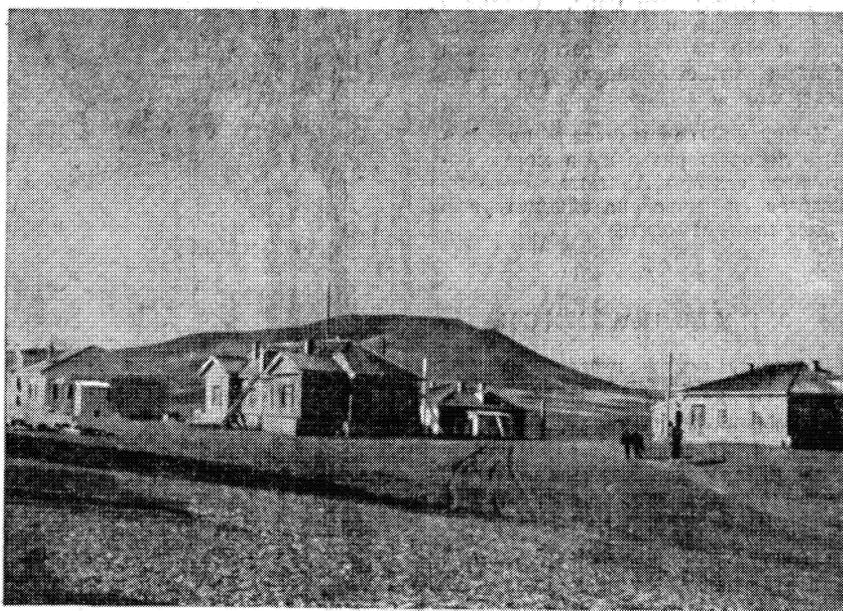
Рядом с конторой — обычная, городского типа квартира начальника. Шкуры белого медведя украшают комнату, где стоит детская кроватка. В ней четырехлетняя дочь Гутника, родившаяся здесь, в Арктике. Она жизнерадостна и здорова.

В столовой завтракают пассажиры и летчики. На столах огромные блюда со свежепросоленным, собственного улова максуном — нежной и чрезвычайно вкусной рыбой. В помещении столовой прекрасная мебель. Кресла и стулья — произведения собственного мастера. Печь, оригинальной северной конструкции, обита белой жстью, что придает комнате какой-то особый отпечаток жизнерадостности. И все это залито ярким вечерним солнцем осенней Арктики.

Но вот завтрак окончен. Довольные радушным и теплым приемом, гости благодарят обслуживавших их женщин. Наш радист уже связался по радио с несколькими рациями.

Тикси может нас принять.

Снова вереница людей, провожаемая хозяевами, вытягивается по берегу. Дети собирают последние цветы Арктики. Это яркие незабудки, презирающие ледовые морские ветры, необычайно красивые карминного цвета ванильники, занесенные юго-восточными ветрами из далеких

Тикси растет. Новые дома появились и на его окраинах.

субтропиков, и нежные, увядающие синеглазые колокольчики.

Волны Оленека спокойны, и река, равняющаяся по ширине двум-трем Волгам, размеренно катит свои волны. Мы легко отрываемся от воды.

Долго-долго тянется полет. По московскому времени уже пятый час вечера, по местному — более десяти, но все еще светло. Яркий отблеск зари дробится в водах огромной Лены, родившейся в пяти тысячах километров отсюда — в горах Байкала.

И вдруг — именно вдруг! — в полумраке, среди пустыни островков, показывается тихая, спокойная бухта. Мы видим сверху ярко освещенное электричеством оживленное селение. У пирсов стоят большие пароходы, по узкоколейке бежит мотовоз. В гидропорту колышутся на воде огромные самолеты. И над всем этим разворачивается полог необычайно синего полярного неба.

Поселок Тикси — самый северный во всем мире — растет не по дням, а по часам. Только в 1945 году «Тиксистой» сдал свыше семидесяти объектов и, помимо промышленных зданий, — 700 квадратных метров жилой площади. В городке — школа, магазины, амбулатория, больница, банк, почта, редакция газеты «Стахановец Арктики».

Для снабжения городка водой в августе закончен строительством трехкилометровый водопровод от озера Мелкое до порта.

Население обеспечено собственными овощами. Энергично развивается животноводство. Имеется и рыбный завод.

Но, конечно, самое замечательное в Тикси — морской порт. Десятки судов с голубыми полосками на трубах — отличительный знак арктического флота, — пришедших из Мурманска, из Владивостока, находятся в порту в разгар полярной навигации.

Наше путешествие закончено. И не верится, что мы отстоим от Москвы более чем на 90 градусов — на четверть земной окружности, а вылетели отсюда всего лишь позавчера!

4. «СРЕДИННОЕ МОРЕ» ВЕЛИКОГО ПУТИ

На побережье моря Лаптевых. — Мастера ледовой разведки. — Советские люди покоряют Север.

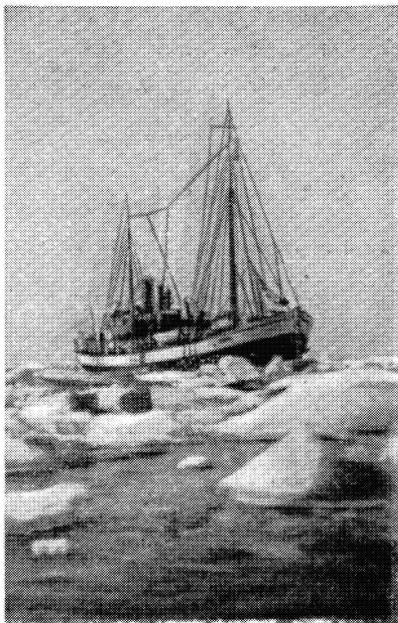
Бухта Тикси — не единственное новое селение, вызванное к жизни разработкой огромных богатств Севера.

За последние годы советские люди упорно «обживают» суровые берега. Особенное оживление наблюдается в Хатангском заливе. В районе залива были найдены уголь и соль.

Все шире разворачивается грандиозный Хатангский комбинат. Строится мощный порт с различными погрузочными механизмами и даже подъездными путями.

Новые поселки — Нордвик, бухта Кожевникова — центры снабжения топливом не только морского транспорта дальнего действия, но и речного, всех районов побережья, а в будущем — и Якутии.

В селении Сангархая, на правом берегу Лены, добывается уголь вы-

Гидрографические суда неустанно бороздят море Лаптевых.

сокого качества. В Сангархая имеется больница, клуб, школа для якутских детей. Здесь погиб первый летчик севера О. А. Кальвиц, открывший восточную трассу Северного воздушного пути. Скромный памятник Кальвицу, установленный правительством Якутской АССР, украшает селение Сангархая.

Основные жители речного бассейна моря Лаптевых — якуты, эвенки, эвены. Меньше здесь ненцев, якутиров. Все они занимаются главным образом оленеводством, рыбным и пушным промыслами.

Помогая развитию оленеводства, советское правительство организовало ряд оленеводческих совхозов. В них насчитывается до 100 000 оленей. Здесь в тяжелые периоды гололедицы, когда олень не может отгрызть мох копытом, его подкармливают сеном, хлебом. Ветеринарные врачи успешно борются с болезнями оленей.

Зимой, запрягая двух оленей в нарты и управляя ими длинной палкой — хореем, оленевод перевозит со скоростью до 25 километров в час на расстояние до 200 километров по 150—160 килограммов груза.

Другим другом жителя тундры яв-

ляется собака. Она охраняет оленьи стада от волков, помогает охотиться и служит прекрасным средством передвижения. Транспорт на собаках все еще имеет огромное значение в Арктике, несмотря на наличие вездеходов и тракторов. В ряде пунктов в бассейне моря Лаптевых на реке Омолое, острове Сагастырь, в Булуне организованы специальные собачьи питомники.

Весь бассейн моря Лаптевых богат рыбой, ценные породы которой имеют промысловое значение.

Ежегодно в короткие летние месяцы через море Лаптевых проходят советские корабли.

Море Лаптевых — это «срединное море» Великого Северного морского пути. Отсюда на запад проливом Вилькицкого, огнивая Таймырский полуостров с мысом Челюскин, уходят суда в Карское море и далее — в Баренцovo. Проливом Дмитрия Лаптева следуют они в Восточно-Сибирское море, далее — в Чукотское и Берингово. Первый путь связывает «срединное море» с портами Мурманск и Архангельск, второй — с Владивостоком. Совсем недавно мелководное, туманное море было почти не изученным, а поэтому и трудным для навигации. Сейчас этот участок Северного морского пути проходят десятки океанских кораблей, следующих сквозными рейсами, и сотни каботажных судов.

На помощь морякам пришли наука и техника. В Тикси регулярно работает постоянная Геофизическая лаборатория, руководимая видными учеными. Гидрографические суда «Ост» и «Вест» неустанно бороздят это море.

Зачастую суровая ледовая обстановка, характерная для Арктики последних лет, создает серьезные препятствия для моряков. Но у полярных моряков есть хорошие друзья — полярные летчики.

Первые полеты в Арктике были произведены русским летчиком Нагурским, совершившим (в 1914 году) ряд замечательных полетов в районе Новой Земли. Полетами советских летчиков Кальвица и Чухновского в 1924 году в Карском море было положено начало ледовой разведке.

С каждым годом воздушная ледовая разведка развивается все шире и шире. Полярные летчики и летом и зимой несут службу воздушного ледового патруля, достигая самых «высоких широт». Оснащенные по новейшему слову техники, самолеты «барражируют» над льдами, неся на своем борту не только экипаж, но и ученых — географов, океанологов.

В 1946 году вылетели в Арктику сотрудники Арктического научно-исследовательского института. Участвуя в полетах авиаразведки, они испытывали новый прибор для изучения рельефа морского дна. Также

в 1946 году во время ледовых авиаразведок была произведена аэрофотосъемка морских льдов на трассе Северного морского пути.

Постепенно налаживается управление арктической навигацией, основанное на строгих законах научного анализа. Наши исследователи во главе с лауреатом Сталинской премии В. Ю. Визе уже выработали систему вполне достоверных ледовых прогнозов, как долгосрочных, так и краткосрочных.

Так дружно работают в Арктике наши моряки, ученые и летчики, на практике добываясь, чтобы советские корабли следовали по Северному морскому пути безостановочно и безопасно, не боясь ледовых ловушек, в которых может заклинить любой ледокол.

В Арктике идет напряженная борьба с природой, и в этой борьбе бывают и жертвы. Но эти жертвы не пугают отважных полярных летчиков и моряков, закаленных в боях в дни Великой отечественной войны. Они не испугают ни одного полярника, отчетливо представляющего себе свои задачи, уверенного в том, что «Нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевицкая смелость и организованность».

Здесь, на берегах «срединного моря», в новом советском городе Тикси, вызванном к жизни трудом советских людей, с особенной ясностью видишь все величие задачи, поставленной перед полярниками Законом о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР: «Завершить в 1950 году работы по превращению Северного морского пути в нормально действующую судоходную магистраль».

Лугела

РОДИОН КОРКИА

Ясный летний день. Сверкает, переливается на солнце изумрудная зелень гор Чхороцху. Дорога то врывается в тувовые и каштановые рощи, то пробегает через тополевые, сосновые и еловые леса, то мчит мимо тунговых чайных плантаций.

Живописные, крытые черепицей и драбною дома стоят среди зеленых куш, словно невесты в толпе свадебных гостей. Дворики окаймлены рядами зеленых трифоллиатов. Серебристые тела эвкалиптов, изумрудная зелень фруктовых садов, темнозеленый бархат чайных плантаций — все это до того чарует и ласкает взор, что, кажется, без конца бы ехал по этой, охваченной зеленым пожаром дороге, которая берет свое начало в Цхакая.

В молодом, сверкающем свежей зеленью саду высится розовое здание райкома. Здесь, в кабинете секретаря райкома Варлама Мзарелуа, вы найдете простую переплетенную тетрадь. Перелистайте ее — и перед вами встанут жизнь и люди этого района. Тетрадь эта является как бы паспортом Чхороцху. Из него вы увидите, что Чхороцху очень молод: ему нет еще и пятнадцати лет. Небольшой, но чудесный участок земли. Гористая, покрытая густым лесом местность. На севере горделиво высится покрытый вечным снегом Кавказский хребет. Над ним то роятся, то таят облака, и зубчатая линия гор напоминает иногда застывшую в небе вспышку молнии.

Населения в Чхороцху немного: всего двадцать пять тысяч.

Все учатся, все грамотны. Газета и книга — неизменные друзья здешних крестьян.

В мягком, ровном климате Чхороцху, теплом зимой и прохладном летом, хорошо разводятся чай и зерновые культуры. Есть и виноград. Отлично прижились новые культуры — тунг, цитрусы, авкаллиты. Успешно развивается пчеловодство и шелководство.

Но самое замечательное в Чхороцху — это Лугела.

Что же такое Лугела?

— Идемте, мы вам покажем ее, — говорят нам.

И мы идем.

Вот деревня Мухури. В простой домашней одежде возится в своем саду старик-грузин. Это Бессарион Кебурия, один из старейших пионеров-летчиков нашей великой страны.

В центре Мухури, у самого моста, на правом, спускающемся террасами берегу, идет оживленная работа.

Обычно живые, сверкающие глаза Варлама Мзарелуа сейчас прямо-таки мечут молнии. Он рисует окружившим его рабочим картину недалекого блестящего будущего этих мест.

— Здесь будет разбит просторный красивый сад, — говорит он. — Здесь будет построен большой дом отдыха. Отсюда до Лугелы пройдет шоссе, дорога, постройка которой обойдется четыре с половиной миллиона. Тогда Лугела спустится с гор и встретится здесь с народом...

— Расскажите же нам, наконец, что такое Лугела, — просим мы. И нам наперебой говорят о ней — о чудодейственной воде, которая — в это время здесь все — станет знаменитой не только в нашем Союзе.

— В литре знаменитой в Европе, лучшей зольгенской воды, — говорит Варлам Мзарелуа, — всего три с половиной грамма кальция, а в лугельской — сорок шесть... Посудите сами, неужели это не стоит того, чтобы построить здесь курорт?!

Необходимое постановление правительства принято. Промышленное и лечебное значение лугельской воды установлено. Средства отпущены, курорт строится.

И здешние патриоты с гордостью описывают качества Лугелы, в их представлении вырастающие до предела волшебных, до «живой воды» народных сказок. От чего только она не излечивает!..

— Мы ничего не пожалеем, чтобы построить здесь курорт, — говорит старый садовник Тедо Шенгелиа. — Здесь провел свое детство товарищ Берия, — и ему ли не знать, какой силой обладает эта вода? И если здесь скоро будет построен курорт и Лугела станет достоинством народа, то все это благодаря его же заботам. А лугельская вода — это, я вам скажу, вода бессмертия. И воздух у нас такой, что человеческая жизнь здесь долговечна.

От Мухури до Лугелы целых пять километров. По правому берегу Хобис-Цхали, над самой пропастью, среди ореховых, каштановых, самшитовых и тувовых рош ветвея узкая тропинка.

Тропинка идет в гору, и чем выше, тем становится прохладнее. Наконец мы выходим на небольшое плато. Вот деревня — Лугела. На правом берегу Хобис-Цхали, в каштановом лесу, стоят, как два брата, два гигантских ореховых дерева. Они склонили ветви к самой реке, стремящей свои пенные воды в сторону Мухури. На левом берегу, у подножья высокой горы, проведена труба, по которой мощным потоком течет ручей, носящий имя этой деревни. Его вода холодна, прозрачна, горька на вкус. В течение суток источник дает 24 000 литров воды, но пока все это богатство теряется в реке...

Секретарь райкома мечтает:

— От районного центра Чхороцху начнется дорога. Курортники, съехавшиеся со всех концов Союза, найдут здесь благоустроенный парк культуры и отдыха, в kiosках — скурскую¹ и лугельскую воду. Отдохнув, они сядут в машину и поедут в Мухури. Там дом отдыха и санаторий, где они будут лечиться лугельской водой. Вода эта получит широкое применение также и в промышленности. Мы, местные работники, сделаем все, чтобы наша вода широко обслуживала народные массы и наши хозяйственные нужды.

Секретарь райкома — человек не только мечтает, но и действия. Он говорит товарищам:

— Надо провести дорогу к Лугеле, надо облегчить доступ к ней массам. В ближайшем будущем мы направим воду Лугелы по трубам в Мухури. Мы разобьем здесь, на этом берегу, сад, построим курзал. Это одна из важнейших работ нашего района по плану новой сталинской пятилетки...

¹ Скур — село, где бьет лечебный минеральный источник.

В. И. ЛЕНИН на ОХОТЕ

И. ДЕБРИН

Рис. Е. Номарова

ПИСЬМО ИЗ КРЕМЛЯ

В августе 1920 года Наумыч получил письмо. Это было для него полной неожиданностью: письма тогда в Нестерово приходили редко. Перечтя не раз каждую из бегло набросанных строк, Наумыч был и удивлен и обрадован. Писал ему земляк, работавший в Кремле. С изумлением вертел Наумыч записку и долго покачивал в раздумьи головой.

— Послушай, Татьяна, — сказал он сестре, — тут из Москвы мне пишут. В Нестерово собираются приехать столичные охотники, — просят приглядеть для охоты какие получше места да заказывают подыскать в деревне ночлег. Вот так история: слуханное ли дело, чтобы к нам, за пятьдесят верст от станции, приезжали городские охотники, да еще из Москвы!..

Письмо доставило Наумычу немало хлопот. Он вставал чуть свет, брал двустволку и уходил в лес. Со сноровкой опытного знатока примечал, где больше всего держится дичь. Наперечет вызнал поблизости каждый выводок тетеревов и куропаток. Хотелось, чтобы москвичи остались довольны.

Наконец все было готово. Гостей согласилась поместить у себя сестра Татьяна.

ВСТРЕЧА

Наступил условленный день. Волнуемый нетерпением, Наумыч не раз выходил на дорогу и подолгу озабоченно всматривался в просвет дымчато-синего леса, где за деревьями исчезал старый большак. Но даль была пуста: никто не ехал, никто не шел. Он начал уже сомневаться: может, никого и не будет?..

Однако после обеда, в самую жаркую пору августовского полдня, настороженный слух Наумыча уловил за перелеском прерывистое постукивание колес, и вскоре на дороге в облачке пыли показались две подводы.

— Не иначе — они! — И Наумыч обрадованно поспешил навстречу.

Четверо путников один за другим поспрыгивали с телег. Среди них Наумыч легко узнал своего земляка, приславшего письмо. Тот сразу же весело крикнул товарищам:

— Вот он, сам Наумыч!..

Приветливо пожимаая руку старому охотнику, каждый из приезжих называл свое имя и отчество.

Один, назвавший себя Владимиром Ивановичем, показался Наумычу знакомым. Будто такого он где-то видел. Это был человек невысокого роста, плотный, чрезвычайно живой. На его лице приметно выделялись рыжеватая бородка и аккуратно подстриженные короткие усы. В слегка прищуренных глазах лучилась добродушная улыбка. Одет он был в русскую, подпоясанную узким ремешком, синюю рубашку. На одном из ее рукавов внимательный глаз мог различить следы починки. На ногах у Владимира Ивано-

вича были простые сапоги, на голове — темносерая, с большим козырьком, кепка.

Все пошли за подводами к деревне. На коротком поводке у одного из приезжих бежала желто-пегая охотничья собака. Москвичи оживленно переговаривались, шутили, стряхивали друг с друга пыль. Отстав от общей группы, земляк, показав на Владимира Ивановича, шепнул Наумычу:

— Это наш самый главный охотник.

Наумыч и так уже видел, что Владимир Иванович чем-то среди других отличается и что к нему со стороны всех проявляется какое-то особенное уважение.

Владимир Иванович оказался очень простым человеком. Пока шли до деревни, он успел Наумыча о многом расспросить: и «как здоровье», и «как живет-ся», и об урожае, и об охоте.

Татьяна Трофимовна Трощенко радушно встретила гостей и провела их в избу. Около печи тотчас зашумел самовар.

Пока москвичи купались, Татьяна Трофимовна накрыла на стол. На краю его, на подносе, гостеприимно пыхтел и распевал на разные лады самовар. Владимир Иванович пригласил Наумыча первым занять место и быть «за хозяина».

За столом завязался непринужденный, шумливый разговор. Обсуждалась предстоящая охота, высказывались разные охотничьи пожелания, вроде того: кому сколько «промазать», кому удачу иметь. Владимир Иванович все время подшучивал над своими спутниками, заразительно смеялся и пожелания остаться «мазильой» с полной готовностью принимал на себя.

— Мне, — говорил он, — только бы в лесу побывать да дичь посмотреть. А сколько ее добыть — это не столь уж важно.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ОБРАЗ

Пока необыкновенные гости закусывали и пили чай, Наумыч не переставал присматриваться к Владимиру Ивановичу. Он упорно старался припомнить: где и когда его встречал? Небольшая рыжеватая бородка... Проницательные, прищуренные глаза... Широкий, открытый лоб...

Где же он все-таки его видел? Наумыч был твердо уверен, что разговаривать с этим человеком раньше ему не приходилось, а вот видеть — видал. И где-то близко.

Петроград?.. Да, да. Именно в Петрограде он впервые увидел и эти лукавые, смеющиеся глаза и рыжеватую бородку. Там же он слышал и этот, покоряющий своей искренностью голос.

«Неужели «он?» Наумычу и верилось и не верилось. Казалось немислимым, чтобы тот, к кому невольно склонялись все его догадки, мог приехать к ним в такой медвежий угол.

«Нет. Скорее всего я обознался», разубеждал себя Наумыч. Но в памяти его отчетливо вставал незабываемый случай в жизни. Это было в Петрограде, весной 1917 года. Наумыч служил тогда солдатом караульного батальона. И вот однажды на демонстрации ему довелось очень близко стоять к одному дому. А с балкона дома перед народом выступал с пламенной речью Ленин.

Пожилый смоленский крестьянин, из глухого Бельского уезда, одетый в солдатскую шинель, жадно ловил горячие, простые, ясные слова оратора и хорошо его запомнил.

Охотник из Москвы был поразительно похож на Ленина. И говорит так же, чуть-чуть картаво...

Но Ленина зовут Владимир Ильич, а не Владимир Иванович.

«Странное дело,—озадаченно прикидывал Наумыч,— что же такое со мной творится?»

Наумыч вдруг поднялся из-за стола, отошел к полочке, на которой лежала стопка старых, пожелтевших газет, и, не подавая виду, что он что-то ищет, стал торопливо перебирать газеты, номер за номером. И вот взгляд его остановился на знакомом портрете. Руки затряслись от волнения. Наумыч нашел то, что искал. Переводя глаза то с портрета на гостя, то с гостя на портрет, Наумыч решил: «Это он. Он, никто иной!»

Едва владея собой, он осторожно положил газеты на прежнее место и как ни в чем не бывало опять сел за стол. Его охватило радостное чувство. В последний раз он назвал соседа Владимиром Ивановичем, а потом, близко склонившись, тихо и приветно проговорил:

— А ведь на самом деле вас зовут Владимир Ильич. Я узнал вас, товарищ Ленин...

Владимир Ильич весело рассмеялся и, слегка приронувшись рукой к плечу сметливого хозяина, сказал:

— Вы не ошиблись, Наумыч. Узнали, ну и хорошо. Значит, будем еще раз знакомы.

После этого московские охотники перестали скрывать, кто они. В числе их был и брат Ленина — Дмитрий Ильич Ульянов.

БЕЛЬСКИЕ ЛЕСА

Охотники отдыхали недолго. Едва встали из-за стола, попросили Наумыча пройтись вместе с ними за околицу, посмотреть местность. Наумыч с радостью согласился. Он теперь готов был не расставаться с Лениным.

Через огород, мимо гумен и каких-то построек вся компания под предводительством Наумыча проследовала за деревню и взобралась на крутой зеленый холм.

С горы открывались необозримые лесные просторы. Слева начинался Зеленый остров, справа тянулись

Выскинские ляды, Длинная лощина, а еще правее — Солодилевские мхи и Запаго. Но все это было лишь частью Бельского полесья, которое далеко тянулось вдоль берегов Обши, то примыкая к ней вплотную, то отступая в сторону. Леса, краснохолмские, полизовские, чичатские, щучейские, ильинские и слободские, простирались стсюда к западу на сотню верст.

— Хорошо у нас, Владимир Ильич! — вырвалось у Наумыча.

— Да-а, хорошо, таежные места... Недаром их кто-то даже назвал «Бельской Сибирью». А что мне особенно нравятся, — гозорил Владимир Ильич, — так это — простор и тишина. Самое главное — тишина.

Под вечер Наумыч повел гостей показать охотничьи места.

Перешли речку, пересекли яровое поле и пошли к Зеленому острову. Мелкий осинник и березняк плотно обступал с обеих сторон узкую тропинку.

Трава уже начинала смачивать сапоги прохладной росой. Повеяло пряным запахом медуницы.

У ног Ленина бежала собака — английский пойнтер. Светложелтая, с кофейными пятнами на морде и шоколадными крапинками по всему телу, стройная и легкая, очень послушная.

— Тише, Чайка, тише!.. — время от времени унимал ее Владимир Ильич.

Чайка покорно повиновалась воле хозяина.

Миновав мелколесье, охотники вышли на край поросшего соснами мохового болота.

— Тут, — сказал Наумыч, — и тетерева есть, есть и куропапки. Можно поохотиться.

— А раньше вы здесь охотились? — спросил Владимир Ильич.

— Какое там! — ответил Наумыч. — Разве можно было? Засудят или ружье отнимут... Тайком от лесной стражи иногда, признаться, похаживали.

— Это любопытно. Нуте-ка, расскажите, расскажите. И Наумыч рассказал.

РАССКАЗ О ЛОСЯХ

— Был такой случай. В конце зимы 1914 года пришли в Зеленый остров лоси... Снег был глубокий. В одиночку охотиться за лосями тяжело, нехватит сил. Вот и собралось нас одиннадцать человек. Разрешалось тогда убивать только лосей — быков, а коров, лосих, трогать строго запрещалось. Но закон ведь в те времена был господский, его боялись, а не уважали. И даже делали назло, против закона.

Издали лось от лосих только по рогам и отличишь: у лосих рогов не бывает. Да вот, поди, распознай лося или лосиху в лесной чаще. Встревожишь лосей, начнут метаться по лесу, как ошалелые. Только треск стоит да пыль снежная вьется, а в ней какие-то тени бурые. Вот и разбери тут — лось или лосиха?..

Так и с нами случилось. Обошли мы по следам трех лосей и, как на грех, убили молодую лосиху. Тут слышу, товарищ кричит:

«Уходи, Иван. Барин с объездчиком. Наших ловят».

А порядок был такой: если лосиху убьет не один, а несколько охотников сообща, то штраф накладывался гораздо больший. Ну, составили протокол. Лосиную тушу барин себе забрал...

Стали мы соображать: как лучше выкрутиться из беды?

«Прими все на себя, Иван, — упраснивают меня приятели, — соберем тебе по рублю на взятку да по рублю на штраф».

Уговорили. Через две недели повестка. Прихожу к уряднику.

«Почему один? — кричит урядник. — Где остальные? Говори, кто с тобой был, кто стрелял? Всех судить будем...»

«Господин урядник, зачем судить? Я один виноват. Что хотите, то со мной и делайте. Обознался, стрелял по лосю, а попал в лосиху...»

Сбил я урядника с толку. Ну, кое-как, потихоньку, сторговался с ним. Уплатил штраф — десять рублей да столько же сунул на стол под бумажку. Урядник косил глаза на взятку и пригрозил, да мягко:

«Только вперед, смотри, не попадайся, а то — по-сажу...»

Владимир Ильич, выслушав рассказ, заметил:

— Такие люди, как этот урядник, за десятку не только лося, но и человека могли прстать.

За ужином Ленин почему-то опять вспомнил случай с лосем и спросил Наумыча:

— Ну, а теперь-то, в наше-то время, вы лосей не бьете?

— Нет, что вы, Владимир Ильич! Сейчас закон наш, закон твердый. Убивать лосей запрещено совсем. Пусть разведутся, а тогда видно будет.

— Вот это правильно. Лосей мало. Лосей нужно обязательно сохранить.

После ужина Ленин, оставив в избе ружье, сумку и петронташ, ушел с Дмитрием Ильичем ночевать на сеновал. Лег он прямо на сено, без подстилки. Татьяна Трофимовна предлагала и простыню и одеяло, но он от них решительно отказался:

— Свежее сено мне очень знакомо — уж позвольте мне прямо на нем отдохнуть. В Москве-то ведь такого удовольствия нет.

РЯБЧИКИ

Утро выдалось прекрасное. На небе пламенела заря, но солнце еще не взошло, когда охотники выступили из Нестерова. Луга и речка скрывались в тумане.

Владимир Ильич был в каком-то особенно веселом настроении. Много шутил, а поднявшись на поросший орешником пригорок, даже запел что-то вполголоса.

Не доходя до Зеленого острова, свернули в молодой осинник, заросли которого, вперемежку с ельником, тянулись, примыкая к сосновому бору, версты на две.

Здесь водились рябчики. Вокруг по кочкам краснела брусника: ее тут было много.

— Место самое подходящее, — заметил Владимир Ильич.

Чайка, крадучись, пошла по краю небольшой засеки и остановилась.

Охотники взвели курки. Дичь, повидимому, уходила, собака порывисто повела вперед.

Внезапно из-под носа Чайки с резким шумом поднялся выводок. Это были рябчики. Они взлетели и расцелись в отдалении по деревьям. Разглядеть рябчика на дереве очень трудно, но Наумыч наметанным глазом быстро обнаружил сидевшего в хвое густой ели хохлатого петушка. Движением руки он осторожно подозвал к себе Владимира Ильича.

— Смотрите, вон сидит, — прошептал он.

Ленин пристально вглядывался в лапчатые еловые ветви, но дичи рассмотреть не мог. Решил зайти с другой стороны. В это время — ф-рр-у! — рябчик слетел. За ним, над самой головой, сорвалось еще два. Выводок, перелетая с дерева на дерево, стал уходить в глубь леса.

Наумычу очень хотелось, чтобы стрелял Ленин, но Владимир Ильич сказал:

— Нет, Наумыч, я их что-то плохо вижу. Пусть уж лучше эти рябчики живут. Идемте дальше.

Вошли в Зеленый остров. Чайка все время старательно искала. Там, где были вчера вечером, она снова сделала красную стойку.

Чтобы удобнее было стрелять, Владимир Ильич зашел справа. Взлетел выводок. Раздался два выстрела, и две куропатки упали. Владимир Ильич поспешил их поднять.

— Давайте я понесу, — хотел услужить Наумыч.

— Нет, нет, зачем! — запротестовал Владимир Ильич. — Я сам.

Чайка снова продолжала поиски. Разбитый выводок таился в низких зарослях багульника и не мог уйти от преследования.

В это утро охотники добыли штук девять куропаток. Владимир Ильич был очень доволен результатами охоты.

Солнце поднялось и начало сильно припекать. Роса сошла. Решили сделать привал.

МУРАВЕЙНИК

Посреди Зеленого острова, в самом центре мохового болота, живописно возвышается гряда лесистых холмов. На холмах сохранились древние курганы. Кто тут жил, кого и когда здесь похоронили — никто не знает. Курганы заросли вековыми деревьями. Могучие сосны и ели, как сказочные великаны, стерегут покой неведомых могил. Места эти издавна славятся обилием грибов и ягод.

Охотники поднялись на один из холмов. Здесь был огромный старый муравейник. Его округлый красно-бурый конус резко выделялся на фоне хвои и листвы. Во все стороны от муравейника расходились очень оживленные, большие и малые муравьиные дороги.

Наумыч давно знал этот муравейник, но никогда не обращал на него внимания и безразлично проходил мимо. Владимир Ильич необычайно заинтересовался великолепным сооружением трудолюбивых насекомых. Он оглядел его со всех сторон, что-то измерил шагами, затем обошел весь лесной островок и, остановившись перед Наумычем, многозначительно сказал:

— Вот где, Наумыч, кипит жизнь. Прямо целый муравьиный Лондон. Посмотрите, как тут все стараются, спешат. Все у них делается сообща. Очень любопытно... Очень. А в болото ходов нет. Дорога у них круговая. Целый тракт. Охватывает весь остров.

Облюбовав себе место на одном из курганов, охотники расположились отдохнуть. Наумыч хотел развести небольшой костер, но Владимир Ильич предостерег:

— Не нужно. Здесь тепло, сухо, место высокое.

Наумыч понял: от костров передки лесные пожары.

— Мы и без костра обойдемся. Вот давайте-ка угощу вас горячим кофе, — предложил Владимир Ильич, снимая с ремня вместительную фляжку-термос, обшитую сукном.

Открыв у фляги крышку, Владимир Ильич налил в нее, как в стаканчик, кофе и подал Наумычу:

— Выпейте, Наумыч. На охоте это отличный напиток. Усталость он как рукой снимет.

Кофе, приготовленный Татьяной Трофимовной еще накануне, был теплый и сладкий. Ленин наполнил Наумычу еще стакан, а потом стал пить сам.

Владимир Ильич опустился на травянистый склон кургана. Лежа на спине, закинув под голову руки, он долго молча любовался глубоким синим небом.

НА СТАРОМ БОЛЬШАКЕ

Приближался полдень. Солнце палило, словно в июле. Чайке на жаре трудно искать новые выводки дичи, и продолжать охоту в эти часы было бесполезно.

Пройдя через поляну, заросшую редким ивняком и ольховым кустарником, охотники выбрались на старый большак и направились к дому.

По пути подошли к яровому полю. На нем убирали овес. Владимир Ильич, рассматривая пестрые крестьянские полоски, спрашивал у Наумыча, сколько после революции прибавилось у нестеровских крестьян земли, как они сумели ее поделить, сколько раньше было в Нестерове безземельных и малоземельных семейств. Спрашивал снова и насчет урожая: хватает ли своего хлеба? Интересовался: какие в первую очередь нужны для их деревни сельскохозяйственные машины? Есть ли жнейки и молотилки? Нужны ли они сейчас? И не только про всю деревню спрашивал, но и о состоянии отдельных хозяйств. Не один раз, увидев на полосе за работой большую крестьянскую семью, он спрашивал: что это за семья, как она живет, кто глава семьи?

Владимир Ильич ничего не упускал из виду. Он обращал внимание на повозки, на упряжь, на лошадей, на постройку.

Проходя деревенской улицей, Ленин подметил, что плохо берегут лес.

— Живете в лесу, — говорил он Наумычу, — а еще не привыкли считать себя настоящими его хозяевами. Раньше помещики и купцы, ради личной наживы, опустошали огромные лесные пространства. Теперь лес — народное достояние и должен расходоваться в интересах всего народа, по государственному плану. Поэтому все должно строго, очень строго охраняться. А ваших крестьян охватила какая-то жадность. Посмотрите, какие кучи бревен у каждой избы. Не слишком ли это много? А сколько свежих пней и срубленных деревьев встречали мы с вами в лесу?..

— Верно, — горько подтвердил Наумыч. — Велика еще наша мужицкая жадность. Каждый стремится захватить себе побольше. О народном добре еще не привыкли думать.

— Ничего, Наумыч. Местные советы примутся по-настоящему за работу. Все со временем наладится. Будет хорошо. — С искристым огоньком в глазах Владимир Ильич окинул взглядом поле, повернулся в сторону леса, взмахнул рукой и восторженно сказал: — А верно: привольно в ваших местах. Это напоминает мне енисейские леса, где пришлось бывать в молодости. В те времена в Сибири без охоты можно было пропасть со скуки. Там я и начал ею увлекаться. Любил бродить с ружьем.

На просьбу Наумыча — рассказать что-нибудь про сибирскую охоту — Владимир Ильич улыбнулся и кивнул головой:

— Как-нибудь поговорим об этом в лесу, на привале. — А потом, смеясь, добавил: — Да о чем, собственно, рассказывать?.. Ведь охотник-то я неважнецкий...

На крыльце Владимир Ильич снял с себя охотничью амуницию, отдал Наумычу ружье, сумку с дичью, термос, патронташ, а сам, взяв из чемоданчика полотенце, пошел с Дмитрием Ильичем купаться на Каменный вир.

На реке Владимир Ильич пробыл около часа и вернулся очень оживленный.

За столом было весело. Владимир Ильич много и от души смеялся. Несмотря на то, что рано встал, много ходил и вернулся из лесу в самую жаркую пору, — он был очень бодр и удивлял всех своей энергией.

После обеда Владимир Ильич прилегал отдохнуть, но отдых продолжался недолго. Часа за три до заката солнца охотники снова ушли в лес.

Вышли на вырубку. Трава здесь была выкошена. Кругом стеной стояли осины и березы.

— Чудесная пора! — заметил Владимир Ильич.

— Теперь в лесу хорошо, а вот скоро будет еще лучше, — отозвался Наумыч. — Наступит осень, станет осыпаться листва, начнется вылет глухарей на осины. Вот когда бы вам приехать сюда, Владимир Ильич. Поохотились бы мы тогда за глухарями. Здесь их много. Каждую осень на две делянки собирается сразу несколько выводков.

— Мне, признаться, бывать на такой охоте не случилось... Глухаринные тока немного знакомы, а вот как на осиннике бьют глухарей, — не представляю. Нуте-ка, расскажите, Наумыч. Штука, наверно, занятая.

Наумыч, обрадованный вниманием Ильича, с увлечением начал рассказывать об охоте на глухарей. Разговорился, но, спохватившись, спросил:

— Уж не много ль я вам про глухарей-то наговорил?

— Нет, нет, Наумыч, пожалуйста, продолжайте. Прошу, — убеждающе закивал ему Владимир Ильич. — Я, например, с удовольствием слушаю. Только вот приехать к вам на глухарей не смогу... Некогда.

Владимир Ильич был непроч и послушать Наумыча подольше и побродить с ним по лесу. Если случалось где-либо пробираться по очень дикой чаще, он тотчас же уступал дорогу Наумычу и говорил:

— Ну, ведите, ведите, следопыт.

Тому сначала было невдомек, что значит «следопыт». Думал, что Владимир Ильич просто шутит, а спросить стеснялся. После Наумыч узнал, кого зовут следопытом, и остался очень доволен.

РАССКАЗ ИЛЬИЧА

Домой возвращались уже в потемках.

В Нестерове заливалась голосистая «тальянка». На бревнах у избы Трошенковых сидели парни и девушки. Они шумели, смеялись, распевали частушки.

После ужина Наумыч напомнил о Сибири:

— Владимир Ильич, вы обещали рассказать про сибирскую охоту.

— Да, да, Наумыч, обещал. Я помню, что обещал, помню. Но что же мне вам рассказать? Мало у меня было каких-либо особенных охотничьих происшествий...

Если вас пристрастил к охоте дедушка, то меня увлекали в лес друзья, когда я жил в селе Шушенском. Приятели там у меня были очень хорошие. Ну, а метким стрелком я никогда не был. Вы, наверное, Наумыч, и сами в этом убедились?

— Нет, что вы, Владимир Ильич! Я понимаю ваш вкус к охоте... Вы все же расскажите что-нибудь, — просил Наумыч.

И Владимир Ильич рассказал, как, живя в сибирской ссылке, он ездил с товарищами на острова реки Енисей за зайцами и как ходил на утиные перелеты.

— Одно время, — говорил Ильич, — я удачно стрелял дупелей и тетерок, а осенью — зайцев. Был у меня приятель из политических ссыльных, так тот зайцев бил очень ловко и всегда приносил их с охоты помногу. Тайга начиналась не так уж далеко от нашего села. В ясную погоду вдаль были видны вершины Саянских гор.

Не хотелось Наумычу мешать отдыху Ленина, но все-таки полюбозыгривал и спросил, каких собачек держал Владимир Ильич в Сибири и с какими ружьями охотился.

— Собаки, — ответил Ленин, — у меня были неважные. Не везло мне на собак. Растил я как-то одного щенка, вырос из него «Пегас», а способной собаки так и не получилось. Была «Дженни», или, как мы ее просто называли, «Женька» — та умела ходить за дичью, обладала неплохим чутьем. Вообще собак я люблю. Собака для охотника не менее важна, чем ружье. С хорошей собакой и из плохого ружья добудешь дичь. А вот с плохой собакой — и дорогое ружье не поможет. А у меня никогда и не было дорогих ружей. В Сибири я сперва охотился с берданкой, ствол которой оказался чугуном. Однажды ружье упало на лед, и ствол этот разбился. А потом вот брат прислал мне простую, из недорогих, бельгийскую двустволку центрального боя. Этим ружьем я был очень доволен. Теперь у меня прекрасное ружье, свое, советское, из Тулы... Что касается всяких там охотничьих атрибутов, — то я их не признаю. Вместо ягдташа и тяжелых охотничьих сумок с побрякушками я предпочитаю носить в кармане ремешок и веревочки.

Ильич засмеялся.

— Лишь бы только дичь была, — добавил он, — а носить ее и на ремешке можно. Патронташ у меня был тоже самый обыкновенный — солдатский... Вот и все, пожалуй, Наумыч. Больше мне рассказывать нечего. А охоту я очень люблю. При сидячей жизни она даже совершенно необходима.

Спать, как и вчера, Владимир Ильич пошел на сеновал.

ВЫСКИНСКИЕ ЛЯДЫ

Утром встали по рожку пастуха. Было еще очень рано. В этот день решили поискать выводки тетеревов. Взяв новое направление, пошли к востоку от деревни — на Выскинские ляды.

Всходило солнце. Туман медленно расплывался и исчезал. На траве блестели и искрились капельки росы.

Выскинские ляды — молодой смешанный лес с большим количеством недавно расчищенных вырубок. Охот-

М. В.
ЛОМОНОСОВ

**Владимир Ильич Ленин на охоте в Бельских лесах.
(К очерку И. Дебрина).**

Автолитография художника Е. Комарова.

ников удивило необычайное по времени года оживление на вырубках, многочисленные голоса и звон кос.

— Что это значит? — спросил Владимир Ильич. — Почему так поздно косят? Трава ведь уже состарилась.

— Запоздали с сенокосом... — ответил Наумыч — Хлеба нынче поспели дружно. Убирали сразу рожь, ячмень и овес. Вот ляды и пришлось на время отложить.

— Какая пестрота, — показал Владимир Ильич на сенокосные участки. — Все полоски разной ширины. Есть сажень по десять, а есть и узкие, как межнички. Разве так удобно работать?

Он помолчал, а потом задумчиво добавил:

— Недалеко время, когда таких полосок не будет...

— Только теперь я по-настоящему понял, — вспоминает Наумыч, — на что еще тогда, в 1920 году, намекал Владимир Ильич в беседе со мной, когда говорил: «Как бы хорошо было выполнять все дела — косить и убирать — дружно, сообща, всей деревней».

Но случилось так, что Чайка прервала разговоры о будущем. В густой траве возле больших берез она сделала стойку.

— Владимир Ильич, гляньте, — поспешил предупредить Наумыч.

Ильич сразу встрепенулся и, любуясь отличной работой собаки, почти крикнул:

— Вижу, вижу. — Тут же он подхватил Дмитрия Ильича под руку и увлек за собой бегом к собаке.

Чайка стояла, вытянувшись в струнку. Ею найден был большой выводок тетеревов.

Владимир Ильич стрелял дуплетами. Тах... тах... — мимо. Он горячился. Чайка снова встала и снова Ильич палил. Упал молодой тетерев, уже испещренный черным пером.

Ленин стрелял семь или восемь раз. Подобрал трех тетеревов, он аккуратно подвязал их к ремню.

Выстрелы привлекли внимание косцов. Некоторые из них знали, что здесь охотится Ленин. Они бросали работу, подходили поближе и подолгу смотрели на необычного охотника. Некоторые всей душой старались помочь советом. То и дело можно было слышать: «Наумыч, прошлись бы вы к Залого. Третьего дня по дороге из Шлейна я там два выводка поднял...», «Вчера, Наумыч, мы спугнули тетеревов на Улинной лощине».

С Выскинских ляд охотники возвращались к деревне Крапивне.

Там им были приготовлены подводы для отъезда на станцию. Охотники подвигались по лесу тесной кучкой. По пути завернули в небольшую омшару. Под ногами хрустел сухой вереск. Плечо о плечо с Наумычем Владимир Ильич пробрался сквозь кусты на кочковатую полянку. На ней Чайка вдруг засуетилась и встала.

Ленин толкнул локтем Наумыча:

— Приготовьтесь. Сейчас стрелять будем.

И верно: не успел еще Наумыч и ружьем повести, как Владимир Ильич — бах... бах... по куропаткам. Выстрелил и Наумыч.

От выстрелов Ленина упала одна птица. Наумыч уверяет:

— Владимир Ильич, от вашего выстрела упала.

— Нет, Наумыч, это ваш трофей, ваш.

— Мне прямо удивительно стало, — изумлялся потом Наумыч. — Я доказываю, что хорошо заметил, как попал он, а не я, а Владимир Ильич лукаво так прищурился и говорит: «Ну, как хотите, Наумыч», — и пристегнул куропатку к своему поясу.

Дичи в это утро набили достаточно. Охота была удачной. Наумыч опять предложил:

— Давайте, Владимир Ильич, я понесу вашу добычу.

— Нет, нет, — решительно возражал Ленин. — Дичь носить — для меня одно удовольствие.

За все время охоты термос, дичь и сумку с некоторым запасом еды Ленин носил сам, а ходил он очень много.

Но никакой почти усталости в Ленине не замечалось. Он попрежнему, как и с утра, казался неутомимым. Лишь изредка снимал кепку и вытирал платком капельки пота на широком, светлом лбу. А иногда и подолгу ходил с открытой головой.

Напоследок Владимир Ильич готов был облазить с Чайкой каждый уголок пустошей. Он то и дело сворачивал с намеченного пути то вправо, то влево, в мелкие заросли и в заболоченные низинки.

ПРОВОДЫ

В Крапивне охотников ожидал неприятный сюрприз. Лошади, которые накануне были приготовлены для отъезда на станцию Оленино, сорвались с привязи и убежали неизвестно куда.

Владимир Ильич ничуть не огорчился. Наоборот, весело смеясь, заметил:

— Ну, что ж! Умные лошади. Домой они дорогу знают?

— Да куда они денутся! Найдутся. Дома будут, — растерянно отвечал молодой, незадачливый возница.

— Ну, если домой дорогу найдут, тогда совсем хорошо. Лишь бы не пропали, — успокаивал паренька Владимир Ильич. — А мы доберемся, не тужите.

Он позвал к себе Наумыча:

— Мы, Наумыч, потихоньку пойдем по большой дороге, а вы как-нибудь подыщите новых лошадей и на них догоните нас. А мы немного пройдемся, посмотрим окрестности. В дороге больше увидим, чем сидя здесь — на одном месте...

И они зашагали большаком по направлению к станции.

Наумыч быстро вернулся в Нестерово, нанял пару лошадей, перегнал их в Крапивню и запряг в приготовленные подводы.

В следующей деревне он уже нагнал путников.

Владимир Ильич до самого Оленина ехал на передней подводе вместе с Наумычем.

— Расставаться с Владимиром Ильичем мне было тяжело, — вспоминал потом Наумыч. — За три дня я так привязался к нему, будто мы целый век вместе прожили... А он, должно быть, заметил, как я волновался, и не знал, что говорить. Молча я смотрел в глаза Владимиру Ильичу. Он тоже, — как сейчас помню, — взглянул на меня так ласково, улыбнулся, протянул руку и на прощанье сказал: «Когда будете в Москве, Наумыч, обязательно заходите ко мне в гости...»

— А в Москву, я так и не собрался. Не пришлось мне еще раз повидать Ильича, — сокрушенно говорил Наумыч. — Да... Не стало его. Как попаду в места, где мы с ним охотились, всегда вспоминаю дорогого человека. Ленин передо мною, как живой. Старую, уже ноги стали плохи, а все же туда, где бывал, где останавливался Ленин, наведываюсь каждое лето. Пройдусь по следам Владимира Ильича, вспомню все. И на сердце станет легко, как будто помолодею на двадцать лет. Что и говорить: никогда не забудутся эти места...

* * *

Разные люди приходили и приезжали к Наумычу с расспросами о Ленине. Бывали у него пионеры, писатели, художники, кинооператоры, охотники, и всем он старался поведать правду о трех, мало кому известных днях в жизни Владимира Ильича.

Бережно сохранил Наумыч в своей памяти черты великого учителя, вождя и самого простого человека.

Закарпатье живет по-новому

Н. КАЛЬМА

ПЕРВЕНЦЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Мы приехали в Рахово в воскресный день. По единственной в селе улице пестрыми, нарядными группами ходили гуцулы в расшитых бисером меховых безрукавках, коротких горских штанах и фетровых шляпах, украшенных букетиками цветов. Отдельно гуляли девушки — сами похжие на цветы, в длинных оранжево-золотых юбках и вышитых яркими шелками рубахах.

Вся эта праздничная толпа говорила на певучем украинском языке, грызла зерна жареной кукурузы — «мелая», собиралась кучками у корчмы — послушать новости, попробовать вина нового урожая.

Был погожий и свежий осенний день. Селение, зажатое подмышкой у Карпатских гор, было необыкновенно живописно. Белые гуцульские «хижи», разбросанные на разной высоте, казались барашками, рассы-

павшимися по выгону. На колокольне отзванивали часы, стучал мотор электростанции. Потом раздалось гудение самолета, и тень «У-2» распласталась над ущельем. Самолет покачал крыльями и, спустившись очень низко, сбросил мешок с почтой. Рассмешив молодежь, в страхе закрестилась старуха-гуцулка. Мешок подняли и отнесли на почту. Так Рахово сообщается с миром.

В этот день в Рахове происходило два события: открылась первая окружная комсомольская конференция, и в кино показывали фильм «Клятва». На конференцию прибыли посланцы тридцати трех комсомольских организаций Раховского округа. В небольшом зале окружка, прочно уставив ноги в тяжелых, подкованных ботинках, сидели смуглые горцы-лесорубы, мускулистые сплавщики леса — бокараши, шахтеры из соляных рудников Солотвина, рабочие химического завода из Больших Бычков.

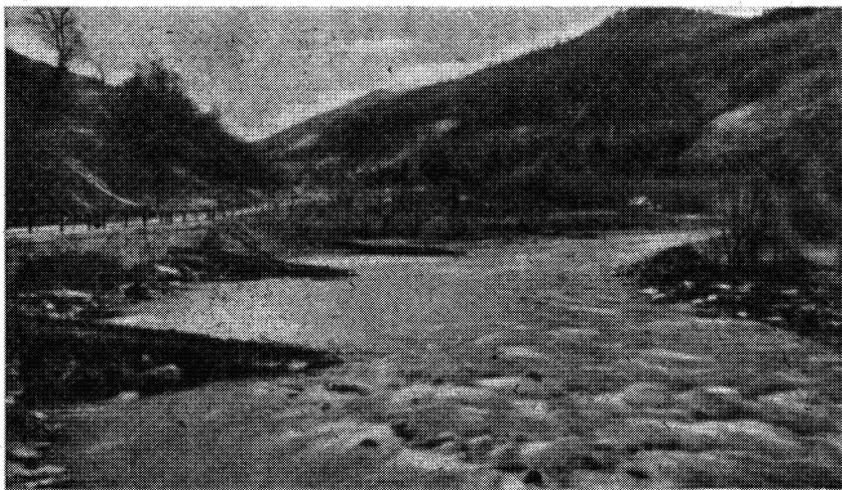
В этот день в Рахове открылась окружная комсомольская конференция.

Все, что для нас, советских людей, стало привычным, прочно установившимся, само собою разумеющимся, для этих новых комсомольцев полно новизны, прелести, еще невиданной высокой справедливости. Они с волнением говорят о школах ликбеза в селах, о новых школах, которые открываются для крестьян, о помощи многодетным матерям — мероприятиях, в этих местах неслыханных. Им еще внове чувствовать себя хозяевами своих фабрик, заводов, рудников, а не наймитами какого-нибудь фабриканта или помещика. На химическом заводе в Больших Бычках комсомольцы, впервые услышав о социалистическом соревновании, раньше всех заключили между собой договоры и сейчас работают с вдохновением. Многие из них выполняют нормы на двести процентов.

Нужно было видеть всех этих делегатов конференции — серьезных, часто совсем еще юных, но уже полных сознания своей ответственности перед страной и теми, кто их послал.

С трибуны говорилось обо всем: о сталинской пятилетке и о политкружках, о посылке комсомольцев на учебу в Ужгородский университет и в консерваторию, о постройке клубов и больниц, о работе с детьми, о новом комбинате, который строится в Рахове.

Потом комсомольцы смотрели фильм «Клятва». На экране они

Разнообразна и на редкость красива природа Закарпатья.

Второй по значению город Закарпатской Украины — Мукачево.

увидели Горки и, — среди природы, похожей на ту, что окружает Рахово, — дом, в котором жил и умер Ленин. Воеет стужа, — такая, как бывает в Карпатах. Стоят сосны, — почти такие же, как карпатские «смэреки». Вот из дома выходит товарищ Сталин. Гул прокатывается по кинозалу. Люди встают, они хотят лучше рассмотреть своего вождя. Старик-гуцул просовывается вперед.

— Я хочу зреть, я хочу бачить!.. — повторяет он, шамкая беззубым ртом.

— Та сидайте, уйко, — нетерпеливо говорят ему, — уси хочут бачить Сталина!..

Одиннадцатого ноября 1944 года народ Закарпатья написал письмо Сталину, в котором высказал свое самое заветное желание: воссоединиться с великим народом-освободителем, войти в семью советских республик.

По всему Закарпатья люди надели вышитые украинские рубашки и записки. На берегах Ужа и Латорицы пели «Реве та стогне Днипр широкий». Под народным манифестом о воссоединении Закарпатской Украины подписалось 350 тысяч человек.

С тех пор прошло всего два года, но поразительно много сделано за такой короткий срок!.. Законы и промышленность, здравоохранение и школы, газеты и магазины, земельная реформа и театры — все это уже есть.

Буйно расцвела жизнь, а ведь решительно всю ее систему здесь пришлось перестраивать наново!..

Сейчас же за станцией железной дороги лежат под навесом покрытые рогожей станки, турбины, котлы. Это оборудование будущего картонно-бумажного комбината, который строится в Рахове. Подальше, в ущелье, гуцульские юноши и девушки везут по узкоколейке первые строительные материалы. Очень волнующее зрелище — площадка будущего огромного предприятия и первые шаги строителей. На площадке еще стеной стоит кукуруза, растет картошка, а на Тисе, по пояс в воде, ловкие и сильные бокараши проталкивают застрявшие на перекатах бревна и заготавливают для комбината уже вторую тысячу кубометров ле-

са. Закарпатская «смерека», ближайшая родственница нашей сосны, будет сырьем для комбината, и здесь же, на берегах Тисы, строители получают необходимый камень для стройки.

Кроме основных богатств Закарпатья — леса и соли, в области есть нефть, железная руда, каолин, различные мраморы, минеральные источники, виноградники, уголь, замечательные фруктовые сады. Сплошной яблоневой аллеей тянется шоссе от Рахова до Ужгорода — основная магистраль Закарпатья.

Сейчас на Закарпатья восстановлены почти все предприятия, разрушенные оккупантами. К 1950 году Закарпатская Украина должна стать одной из передовых жилищных и благоустроенных областей.

Нет такого дела на Закарпатской Украине — большого, среднего или малого, которое не становилось бы сейчас же всенародным делом. Строят вокзал в Мукачево — и на стройку выходит весь город. В Иршаве крестьяне по собственному почину осушают болота, под Свалявой корчуют пни, чтобы отвоевать у природы новые сотни гектаров земли. Народ строит школы, клубы. Сейчас нет ни одного села на Закарпатья, где не было бы клуба.

В селе Гукливое Воловецкого округа стоял полуразрушенный дом. Крестьянин Мучичка и его друзья-комсомольцы осмотрели дом.

Ужгород. Дом в новой части города.

Через реку Уж, близ Ужгорода, перекинулся большой железнодорожный мост.

— А что, если приспособить его под клуб?.. — спросил ребят Мучичка.

Молодежь заволновалась: перед каждым развернулась заманчивая перспектива: занимательные вечера, лекции, танцы, читальня, занятия драмкружка.

К вечеру были готовы рамы, драмкружковцы месили глину и обмазывали стену. Мучичка настилал полы, строгал двери. Девушки мыли стекла для новых окон.

Я видела этот просторный клуб, построенный руками молодежи. На открытие его собралось все село. Деревенские музыканты настраивали скрипки. За кулисами крохотной сцены гримировались рабочие МТС Швора и Ледовый — они играли сегодня главные роли в пьесе «Маруся», которую ставил драмкружок. И нужно было видеть, с какой гордостью показывали мне юноши и девушки села свой клуб.

В СОЛЯНОМ ДВОРЦЕ

На берегу Тисы расположен Солотвин — центр соляной промышленности Закарпатья. В Солотвине я спустилась на глубину 202 метров в соляную шахту имени Хрущева. Как много каменной соли в районе Солотвина — точно еще не установлено, но ученые предполагают, что пласты ее залегают на 300 метров в глубину. Сейчас здесь работают две шахты, и они дают ежедневно 850 тонн соли.

Под землей, на глубине 200 метров, я попала в сказочный дворец, с обширными и высокими соляными залами, арками и сводами.

По пояс голые ребята скалывали соль. Соль отваливалась неровными серыми глыбами. Глыбы эти тут же размельчали и, наполнив солью вагонетки, поднимали их в лифтах на поверхность земли.

Впервые за двухсотлетнее существование солотвинских рудников здесь созданы молодежно-комсомольские бригады. Визавер — бригадир комсомольцев — худой, черноглазый паренек — поднял шахтерскую лампочку. Радужно заблестели, заиграли на сводах, на стенах тысячи огней, и куда-то, в немыслимую вышину, ушел потолок. Это было похоже на алмазный дворец из детской сказки. А когда среди соляных колонн заработал сварщик в железном забрале и голубые искры побежали во все стороны, буда ответные отсветы на стенах, стало уже совершенно по-сказочному.

Комсомольцы гордились своим алмазным дворцом и старались показать его во всем его великолепии. Молодежные бригады ежедневно выдают по двести процентов продукции и все еще переживают чувство людей, впервые осознавших, что такое социалистическая собственность: шахтерам еще внове, что рудники принадлежат не какому-то акционерному обществу капиталистов, а им самим.

В Солотвине я впервые услышала песню о Верховине — одну из тысяч здешних песен, — тоскливых и поющих на невыразимо печальный мотив:

*Горы, наши горы,
Наши бедны горы!
На вас я печально*

*Устремляю взоры.
Кроете ли в недрах
Для нас лучшую долю?
Или готовите
Вечную неволю?*

Эта песня — одна из тех, которые сложил народ Закарпатья в долгие годы мадярского владычества.

ТО, ЧТО НИКОГДА НЕ ВЕРНЕТСЯ

Закарпатья оказалось на перекрестке больших дорог европейской истории. Кто только не угнетал эту маленькую область! Немцы, мадяры, даже татары побывали здесь в незапамятные времена.

Народ был оттеснен в бесплодные горные районы. Его история — это история постоянных притеснений, вымирания, нищеты, бескультурья.

Природному украинцу Закарпатья было отказано в праве на свое имя, ча родную речь.

В школах, учреждениях, на улицах, в быту мадяры насаждали свою культуру, обычаи, язык. Даже письма из школы домой молодые украинцы не имели права писать на своем языке. За издание собственной газеты и журнала украинцы жестоко преследовались.

Мадьярские капиталисты хищнически завладели всеми богатствами Закарпатья. Все в краю принадлежало крупным собственникам, все вывозилось в Венгрию и Австрию: соль, лес, даже знаменитые тячевские яблоки целыми вагонами шли в Европу.

После первой мировой войны Закарпатья вошло в состав Чехословакии. Судьба закарпатского народа несколько облегчилась, но попрежнему он продолжал жить в слепых «хижах» и пахать землю на козлах.

В тот день, когда немцы оккупировали Прагу, мадяры снова ворвались в Закарпатья. Это был страшный период, о котором здесь сейчас вспоминают с ужасом и негодованием.

Десятки тысяч жителей Закарпатья были увезены оккупантами в лагеря смерти, главным образом в Освенцим, и там уничтожены.

В Ужгороде и Мукачево я встречалась с молодежью, чудом спасшейся из Освенцима. Вера Вайс — двадцатилетняя девушка, мать кото-

рой немцы удушили в газовой камере Освенцима, бежала из лагеря накануне грозившей ей казни.

У этого двадцатилетнего существа — тусклые глаза, в лице ни кровинки, и когда она сейчас улыбается, то эта улыбка все еще похожа на болезненную гримасу.

Все это ушло, стало не забытым еще, но уже неповторимым прошлым. Новая, светлая жизнь настала в Закарпатье. Ее принесла с собой Советская Армия, освободившая страну от угнетателей.

ЗАКАРПАТЬЕ СЕГОДНЯ

Главные города Закарпатской Украины — Ужгород и Мукачево — чисты, зелены, нарядны.

Дороги Закарпатья полны деятельной жизни: едут грузовики, нагруженные лесом для строительства, бочками для винных и пивоваренных заводов, шпалами для новых веток железной дороги. На круторогих волах крестьяне везут сено, поросят, овец. Проезжает платформа, полная корзинок только что срезанного винограда. По сторонам шоссе на полях стрекочут молотилки, звенят электрические пилы на лесопилках, маленькие химические и мебельные фабрики полны шумом возрожденного труда.

Раньше Закарпатская область не могла развить своей легкой промышленности, потому что венгерские фирмы забивали ее, привозили свои товары и всеми силами мешали местному производству обуви и одежды. Теперь будут построены свои фабрики: обувная в Мукачево, швейная и трикотажная — в Ужгороде.

До сих пор вся область обслуживалась только дровяным топливом; даже промышленные предприятия и железные дороги потребляли дрова. А сейчас в районе Мукачева и Иршавы углеразведка уже обнаружила большие угольные пласты, и все предприятия и железные дороги Закарпатья будут работать на своем угле.

Железные дороги, соединяющие Закарпатье с Западной Украиной и зарубежными странами, будут электрифицированы. Уже началась подготовка к строительству Рика-Тереблинской гидроэлектростанции мощностью в 18 тысяч киловатт. Почти на каждой горной речке будут построены мелкие гидроэлектростанции. кото-

рые дадут свет даже в самые отдаленные горные «хижи».

Закарпатье издавна славилось своей мебелью. Здесь есть целые роды, в которых от отца к сыну, от деда к внуку передавалось искусство резьбы по дереву. Каждая вещь — полка, шкаф, буфет, мелкие вещицы — сделана красиво, с большим вкусом — не оторвешь глаз.

К концу пятилетки все мебельные фабрики будут расширены, чтобы выпускать в год не менее трех тысяч гарнитуров мебели из бука, дуба, граба, ясеня, то есть всех сортов дерева, которыми славится Закарпатье.

Разнообразна и на редкость красива природа Закарпатья. От темных суровых вершин Говерлы и Попа Ивана, с наплывающими облаками, иссиня-зелеными кронами «смерек», спускаешься к буковым лесам Верховины.

Часто встречаются здесь округлые лесистые поляны, где пасется скот и где старшему пастуху принадлежит честь разжигать вечерний костер. На дорогах почти нет случайных прохожих. Изредка встретится полуголый, как древний языческий бог, лесник с ружьем, перекинутым на открытую смуглую грудь, в шляпе с петушиным пером, в кожаных штанах, или пастушок в козьей шкуре — молчаливый, одичавший за долгие месяцы жизни в горах. Чем ниже, тем все мягче пейзаж. Вот уже мы на равнине с частыми селениями, с развалинами старинных замков, с черепичными кровлями домиков и верандами, увитыми глицинией. Здесь мужчины ходят в коротких, домашних, широчайших штанах, доходящих только до икр, и холщевых длинных рубашках. А их «дружины» повязывают головы черными платками и поверх платков надевают широкополые соломенные шляпы.

По сторонам дороги спокойными круглыми грядами вздымаются небольшие холмы, с которых сбегают виноградники и фруктовые сады.

На картине одного из самых известных художников Закарпатья — Борецкого — изображена женщина, несущая ребенка. У женщины — величавое, суровое и открытое лицо.

— Я хотел показать мою родину, — сказал мне Борецкий.

И правда: эта женщина олицетворяет собой народ Закарпатья — чистый сердцем, привыкший к труду, верящий в свои силы,

Спорт вообще, а лыжный в особенности, очень распространен в странах Северной Европы — в Норвегии, Финляндии и даже в Швеции. На лыжах здесь привыкают ходить с самого раннего детства и не оставляют этого занятия порой до самого преклонного возраста.

В Норвегии, являющейся родиной лыж и лыжного спорта, выросло немало выдающихся профессиональных лыжников, спортсменов мирового класса. Этому во многом способствуют благоприятные местные природные условия — сильно пересеченная местность, свободные от обильной растительности склоны высоких гор, продолжительная, суровая и снежная зима. На лыжные соревнования в Норвегию ежегодно приезжают группы иностранцев.

Любопытно, что среди гостей, как правило, бывает много датчан. Страстные спортсмены, они не могут заниматься зимним спортом у себя на родине. Дания — небольшая страна, совсем близко расположенная от Скандинавского полуострова. Однако по своим климатическим и природным условиям Дания значительно отличается от Скандинавских стран. Здесь почти не знают зимы. Всегда тепло, снег — большая редкость.

Многие датчане, объединенные в различные спортивные клубы, предпринимают в зимнее время своеобразные экскурсии в Норвегию, чтобы походить там на лыжах, заняться «слапомом», попрыгать со знаменитых трамплинов. Конечно, такие поездки доступны далеко не всем любителям спорта в Дании: участвовать в них могут только богатые люди да профессиональные спортсмены.

Но молодежь Дании не хочет мириться со своей бедностью. Специальные общества любителей лыжного спорта занимаются... закупкой снега в Норвегии и ввозом его в Данию. В зимние месяцы на баржах, возвращающихся из Норвегии после очередного торгового рейса, порой удается привезти некоторое количество норвежского снега. Норвежцы не принадлежат к людям, у которых «зимой снега не выпросишь», но зато перевозка снега обходится недорого.

Как только баржи пришвартовываются в порту Копенгагена или какого-нибудь другого города Дании, снег немедленно сгружают и везут на ближайшие стадионы. Там он спешно разбрасывается по полю и укатывается специальными большими деревянными катками. Импровизированная «лыжная лавина» готова, и сотни спортсменов — юных, великовозрастных и пожилых бегают по ней на лыжах, втыкая в тающий снег короткие бамбуковые палочки.

Надо торопиться. — пройдет день-другой, и от импортной зимы не останется и следа!.

Т. В.

ИЛЬЯ ЗРЕНБУРГ

Люди, которые приезжают из Европы, быстро меняются; Америка умеет плавить умы и сердца. Американский народ образовался из смешения разноплеменных пришельцев. Многие иммигранты еще сохранили родной язык. Здесь выходят газеты на десятках европейских языков: итальянские, польские, немецкие, испанские, русские, сербские, еврейские, украинские, чешские и другие. Возле Чикаго имеются целые районы, где не услышишь другого языка, кроме немецкого. Названия городов говорят о происхождении: есть свой Лондон, несколько Римов, четыре Москвы, Ньюкестль. Каждая национальная группа сохранила свои особенности; однако дети иммигрантов, не говоря уж о внуках, чувствуют себя американцами. Быстро ассимиляция облегчается тем, что в Америку приезжают люди, которые все потеряли у себя на родине; даже если новый дом им не по душе, они понимают, что возврата нет, и угоривают себя, что попали в обетованную землю.

Казалось бы, в этой разноплеменной стране, объединенной молодым патриотизмом, должно царить национальное равенство. Между тем Америка, не знавшая феодализма, установила у себя другую иерархию — расовую.

Аристократия — это англичане, шотландцы, ирландцы; за ними идут скандинавы и немцы; потом — французы и славяне; много ниже — итальянцы; еще ниже — евреи и китайцы; еще ниже — порториканцы; наконец — внизу лестницы — негры.

Американцы любят пить смеси из различных крепких напитков — коктейли. Коктейлей много; есть один, с виду похожий на радугу: ликеры — желтый, изумрудный, малиновый, — не смешиваясь в рюмке, ложатся разноцветными пластами. Я часто вспоминал этот коктейль, видя расовые пласты Америки. Как странно, что идея «расовой чистоты» находит самых ярких защитников в стране, которая сильна смешением различных племен! Можно любить или не любить коктейли, но трудно себе представить бармена, изготовляющего смеси, который настаивает на чистоте, органичности и выдержанности приготовленного им напитка. А вот в Америке я видел множество расистов, которые твердят о превосходстве «американской расы» над всеми другими народами.

Из книги об Америке. Фото заимствованы редакцией из негритянского журнала «Евону», выходящего в США.

В войне против гитлеровского расизма Америка сыграла видную роль; однако расизм здесь имеет законное хождение. В различных документах проставлено, какой расы человек: «белый» или «цветной». Если у человека «цветной» прадедушка, он значит «цветным» и подвергается множеству ограничений. Мы были гостями американского правительства, и я не раз усмеялся, думая, что сделали бы представители Государственного департамента (Министерства иностранных дел), которые нас сопровождали, если бы в Америку попал Александр Сергеевич Пушкин..

Я был в Нашвилле у одного адвоката, который долго меня убеждал в том, что есть «низшие и высшие расы». Он повторял теории Розенберга и других идеологов Третьего рейха. Потом он показал мне портрет своего брата, погибшего на Рейне. Я сказал: «Это горькая ирония истории — ваш брат погиб, сражаясь против той теории, которую вы защищаете». Адвокат пожал плечами: «Мой брат погиб за Америку».

Антисемитизм в Америке — бытовое явление; многие его не замечают, им кажется естественным, что тот или иной хозяин нанимает только «арийцев» или что имеются гостиницы, куда не пускают евреев. Один американец мне говорил: «Это нестрашно — если еврея не возьмут здесь, он найдет работу там. Не пустят в одну гостиницу — пойдут в другую. К счастью, у нас достаточно комфортабельных гостиниц». Как понять такому американцу, что, кроме комфорта, есть человеческое достоинство?.. Расизм в Нью-Йорке вынужден маскироваться, но камуфляж никого не обманывает. Нельзя, например, написать: «Гостиница «Виктория». Евреев не пускают». Пишут иначе: «Гостиница «Виктория». Ограниченная клиентура, церковь близко». Все хорошо знают, что значит эта формула, и еврей уж не зайдет в «Викторию». Еврей также хорошо знает, что озера, находящиеся в штате Куннектикот, очень живописны, но опасны: купаться в них разрешается только «арийцам».

В Нью-Йорке живут два миллиона евреев; есть среди них бедные и богатые, знаменитые и никому неизвестные; по конституции они — полноправные граждане, но ежедневно они ощущают на себе расовую дискриминацию. При приеме во многие университеты существует (разумеется, камуфлированная) «процентная норма». В некоторых кварталах ни за что не сдадут квартиру еврейской семье. Редко еврея принимают на государственную службу.

На западном побережье парии — это китайцы; их и пустят ни в дом, ни в гостиницу, ни в ресторан. Имеются клубы и общества, куда не может проникнуть итальянец — это ведь тоже представитель «низшей расы». Особенно трагична судьба негров; их в Соединенных Штатах свыше двенадцати миллионов, и, когда американцы твердят о своих правах, мы можем возразить, что один из десяти американцев лишен простейшего права — быть человеком.

В Вашингтоне один изысканный американец, обладатель яхты, пригласил нас покататься по Потوماку. Пейзаж был идиллическим. Мы увидели негров в лодочке. Жена владельца яхты сказала: «Видите, им никто не запрещает кататься по реке...» Она ждала, что я растрогаюсь, но я рассердился и сказал все, что я думаю о расовом угнетении.

Нью-Йоркцы любят подчеркивать либерализм Севера: «Наши деды сражались против рабства». В городах Севера и Юга имеются памятники солдатам, погибшим на войне 1861—1865 годов. Южане прославляют «защитников свободы» (то есть рабства), северяне — «победителей». Да, на поле боя победил Север; армии рабовладельцев были разбиты. Но не раз, когда я ездил по Америке, мне казалось, что победили побежденные: Юг не только сохранил все навыки рабовладельчества, но передал их Северу.

«Институт для изучения общественного мнения» недавно провел анкету: нужно ли предоставить «цветным» равноправие в работе (только в работе!)? 34 процента опрошенных высказались за смягчение расовой нетерпимости, 56 процентов за ее полное сохранение.

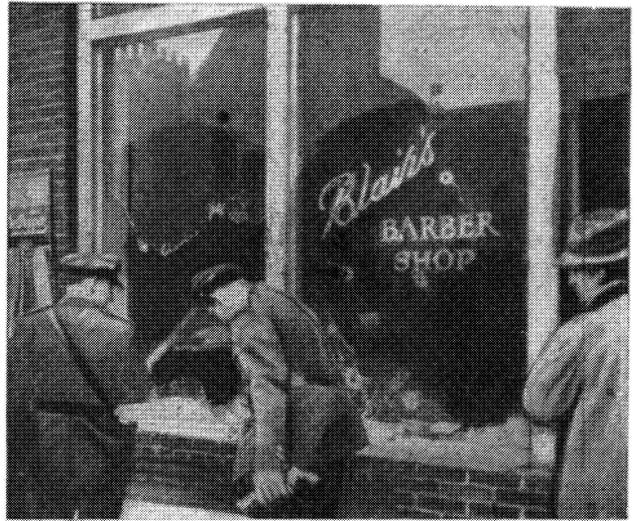
Расизмом гонители заразили даже гонимых. Среди негров есть своя аристократия — мулаты. Я слышал, как один негр говорил о негритянке: «Я ее не достоин, у нее почти светлая кожа...» Я встречал негров-антисемитов и евреев, уверовавших в превосходство белой масти над черной.

* * *

Частенько я убегал из центра Нью-Йорка в Гаарлем — это город негров, черное гетто. Там вдоволь грязи, нищеты и мало там великолепной американской техники. Но люди там веселее, проще, человечнее; толпа на улицах Гаарлема напоминает толпу южноевропейского порта. Негры живут, в Гаарлеме, потому что в других кварталах им не сдают помещения; и трущоба

Полиция обыскивает негров на улицах города Колумбия.

Негритянская парикмахерская в Колумбии, разгромленная толпой с участием полиции.

в Гаарлеме стоит дороже, чем приличная комната в другом квартале. Негры живут в Гаарлеме, а утром они отправляются работать в «белые» кварталы: они — мусорщики и лифтеры, посыльные и печники, сторожа и каменщики. Они — черные, следовательно, для них черная работа. Их обирают, ими помыкают, над ними издеваются.

Теоретически в Нью-Йорке существует равноправие рас. Нельзя выгнать негра из ресторана, сказав ему: «Уходите, потому что вы — негр». Но можно сказать: «Все столики заняты», даже если все столики свободны. Закон законом, а ни в один добропорядочный американский ресторан негра не пустят. Я хотел пригласить знакомого негра — журналиста и музыканта — к себе; я жил в гостинице на четырнадцатом этаже; меня предупредили, что негров не подымут на лифте, скажут, что лифт испорчен.

Нью-Йорк считается самым прогрессивным городом Америки; я был в редакции одного из самых прогрессивных журналов этого самого прогрессивного города. Редактор хотел блеснуть передо мной своей прогрессивностью, он сказал: «У нас работают также негры, сейчас я вам представлю одного», — и показал негра-курьера.

Я подружился с неграми; в них не только много сердечной доброты, они люди той стихии, которая мне дороже всего, — искусства. В Америке множество чудес, есть здесь все, в том числе искусство — самые роскошные музеи, самые большие симфонические оркестры, самые крупные издательства художественной литературы. Но в Нью-Йорке часто сердце грызет тоска... Я вспоминаю чудесную сказку Андерсена о богдыхане и соловье. Владыке Китая подарили заводную игрушку, механического соловья, он пел так же хорошо, как настоящий, притом он всегда был под рукой и пел не когда ему хотелось, а когда заводили завод. Но вот приблизилась смерть; она стояла над покинутым богдыханом; он хотел заглушить ее голос, и тщетно он просил механического соловья: «Пой» — машина испортилась. Спас богдыхана живой соловей, которого он давно изгнал из своего сада. Негры — живые соловьи Америки. И когда я тосковал по искусству, я убегал в зачумленный Гаарлем. Негры — лучшие музыканты, лучшие певцы, лучшие танцоры, лучшие мимы; они одарены высоким чувством ритма, в них нет механичности. Когда они играют, кажется, мертвый встанет из гроба. Их песни печальны, как их судьба, но вдруг детская улыбка прерывает жалобу, и нигде так не веселятся, не радуются жизни, как в трущобах Гаарлема.

Подстреленный полицией, на улице города Колумбия лежит, истекая кровью, негр.

В центре Нью-Йорка имеются театры, где играют негритянские труппы; играют они прекрасно, и белые им охотно аплодируют. Но если негр-актер захочет перекусить в соседнем ресторане, его преспокойно выпроводят. Нью-Йорк еще не пережил смертельной тоски богдыхана — и живой соловей еще в ссылке...

* * *

В Государственном департаменте нас спросили, какую часть Америки мы хотим осмотреть. К. М. Симонов сказал, что его интересует кино, и он желает побывать в Голливуде. Генерала Галактионова редакция одной из крупнейших газет пригласила в Чикаго. Когда я произнес слово «Юг», американцы замолкли; потом мне возразили — это далеко и там недостаточно комфорта. Я ответил, что из Москвы до Вашингтона дальше, чем из Вашингтона до Миссисипи, и что я был военным корреспондентом — после землянок и блиндажей я не боюсь отсутствия комфорта. Я хотел посмотреть Юг и потому, что мне сразу пришли по душе негры, и потому, что запомнил книги, которые читал в детстве, — о горе черных, и потому, что люблю романы современных американских писателей — Фолкнера и Стейнбека, посвященные Югу.

Юг мне обещал показать южанин, сын адмирала, левый журналист Гильмор. У него был хороший «бюик» и несколько недель свободного времени. Мы с ним разговаривали по-французски. Государственный департамент направил со мной редактора журнала «Америка» г-на Нельсона. С ним мы говорили по-русски. В пути к нам присоединился один из наиболее по-

пулярных нью-йоркских журналистов Сэм Графтон — он захотел написать несколько очерков о встрече советского писателя с южными рабовладельцами. С Графтоном мы говорили по-немецки. Мои спутники захотели именоваться на русский лад — по имени и отчеству: Бил Бенедиктович Нельсон, Даниэль Горадиевич Гильмор. Сэм Нознович Графтон, войдя в лачугу, где ютились три негритянские семьи, воскликнул: «Я не думал, что это возможно!..» Я тогда сказал ему: «Наконец-то дядя Сэм встретился с дядей Томом».

Поезд. Удобные полупустые вагоны, белые пьют виски и дремлют. Переполненный вагон — черные. Проливной дождь, остановка трамвая. Подходит вагон, он пуст, но негритянки с детьми остаются под ливнем — места, отведенные для негров, заняты. Парк, надпись: «Цветным не входить». Магазин обуви — негр должен выбрать ботинки, не примеряя их, — после того как черный примерял ботинки, их нельзя предложить белому. Сколько мне говорили американцы о своих свободах — свобода печати, совести, передвижения! Увы, забыли об одной свободе — примерять ботинки...

Во всех южных штатах существует закон о «разделении рас»; расовая дискриминация здесь не обычай, но государственные законы. Негры не имеют права присутствовать на собраниях белых, не смеют войти в церковь, где молятся белые, разумеется, не должны и мечтать о театрах или кино для белых.

Я исколесил четыре штата: Теннесси, Алабаму, Миссисипи, Луизиану. Я видел много прекрасного: и строительство долины Теннесси, где выросли прекрасные города с удобными коттеджами; и старину Нью-Орлеана, и горы, и широкие реки, и лазурь Мексиканского залива. Но на каждом шагу я видел то, что страшнее всего: оскорбление человека человеком. На Юге, как и на Севере, превосходные вокзалы. Я хотел бы прославить страну, где столько сделано, чтобы облегчить будни человека, но я не могу ее прославить: на превосходных вокзалах я видел воючие, темные закутки с вывеской: «Для цветных». Нас пригласил к себе владелец хлопковых плантаций. Он жил в хорошем доме, окруженном старыми деревьями. У него были жена, нарядная и белая, дети, белые и нарядные. Вокруг трудились потные черные рабы. В доме плантатора были все чудеса Америки: от мощного радиоприемника, который принимал Ташкент, Мельбурн и Андорру, до вращающегося вентилятора. Я заговорил о муках негров. Плантатор, улыбаясь, ответил, что нельзя подходить к неграм, как к людям: «Это скорее животные...» Ни радио, ни вентилятор не отразились на умственном развитии этого рабовладельца. Уходя от него, я сказал моим попутчикам: «Это не человек, а, скорее, животное...»

* * *

Дельта Миссисипи — хлопковые плантации. Земля принадлежит белым, они ее сдают черным. «Арендаторы» должны отдавать половину собранного хлопка землевладельцу, другую половину они обязаны продавать ему же, причем цену на хлопок устанавливает хозяин, а гроши, которые получают негры, они могут тратить только в лавке, которую держит все тот же хозяин. Может быть, для американских юристов это — аренда, на самом деле это — рабство. Я видел владельцев земли, они же — скупщики хлопка, они же — торговцы обувью, керосином и солью. Я вспомнил картинки, которыми когда-то обклеивали сигарные коробки, — рабовладелец с кнутом и пестрые негритянки на плантациях... При мне такой владелец покрикивал на старых негров: «Эй, Джон, живее!..»

Я зашел в лачугу; в ней ютятся двадцать три человека; спят вповалку. О, как далеко отсюда до прославленной американской техники, до искусственно охлаждаемого воздуха и суперкомфорта! Здесь нечем

дышать, лохмотья и зловоние. В сверхгигиенической Америке люди живут звериным бытом. Негритянка мне рассказала, что ее сестра умерла от родов: позвать доктора муж не мог,—он за год заработал сто восемьдесят долларов, а врачу нужно было заплатить шестьдесят. Я видел семью в семь человек, они все вместе заработали за год триста долларов; другая семья из четырех душ заработала двести долларов. Владелец плантации считался мелким плантатором. Он жаловался, что прошлый год был неудачным. Я спросил, сколько же он заработал за год; он ответил: «Очень мало — всего двадцать пять тысяч долларов...»

Один из рабовладельцев Луизианы объяснил мне: «Вы не знаете негров, они живут, как в раю, им ведь ничего больше не нужно...» Школы при плантации не было; зато для негров устроили церковь с черным пастором. Умирая от непосильной работы, старые седые негры поют аллилуйю. Один негр мне сказал: «Я верю, что на том свете есть два рая — для белых и для черных и что рай для черных не хуже...» Он не мог себе представить и рая без расового разделения.

Грустно молчали мои попутчики — и Бил Бенедиктович, и Даниэль Горацневич, и Сэм Нознович. А рабовладелец, смущаясь, говорил: «Кушайте орехи. Пейте виски. Хорошо, что русский гость приехал к нам. Ведь в России есть тоже хлопок?..» Я глядел на ярко-желтую реку, на широкую Миссисипи. Я знаю, что такое человеческое горе, и все же на берегах этой реки я не находил слов: мне стыдно было глядеть на людей.

* * *

За последние годы Юг переменялся: выросли большие индустриальные города. Еще патриархальны и романтичны Ливингстон или Качез. А Бурмингам напоминает промышленный центр Севера: такие же заводы, такая же Мэн-стрит. Напрасно в Вашингтоне обижали Юг: комфорта на Юге вдоволь.

В Бурмингаме находятся огромные металлургические заводы. Современное оборудование; среди рабочих много черных; и вот кажется, что ты на хлопковой плантации — южанам удалось совместить ультра-

современные станки с древнейшим рабством. На заводах негры выполняют самую тяжелую работу, они не могут быть ни сталеварами, ни механиками, ни электротехниками. Чернорабочий-негр получает в час на пятнадцать центов меньше, чем чернорабочий-белый.

Расизм проник в толщу американских рабочих: здесь много темных людей, которые умеют пользоваться холодильником, а думать не умеют. Они гонят: «Пусть хозяин и зарабатывает хорошо, нам тоже перепадает...» У них еще нет классового сознания. Многими профессиональными союзами руководят авантюристы или продажные демагоги; эти люди говорят рабочим, что беда не в личности белых хозяев, а в черной коже изголодавшихся «конкурентов». В годы войны нехватало рабочих рук; на заводы Севера брали негров, стараясь при этом выиграть столько-то долларов — негры дешевле. Гнев рабочих обрушился не на белых эксплуататоров, а на злосчастных негров. Только недавно образовались прогрессивные профсоюзы, объединяющие белых и черных рабочих. Такие союзы имеются далеко не повсюду. А другие — расистские объединения — не хотят допустить негров к квалифицированной работе; были на этой почве и забастовки и настоящие погромы.

В Бурмингаме рабочие-негры живут бедно и одиноко. Негритянское гетто города состоит из лачуг. Над неграми висит одиночество, это — отверженные. Я был у одного негра; это — председатель «черной» секции прогрессивного профсоюза, человек смелый и мыслящий. Меня поразила в нем та мудрость, которая дается годами горя и борьбы. Ему удалось включить недавно негров в профсоюз. Я спросил его, какие у него отношения с белыми товарищами. Он ответил: «На работе хорошие». — «Бываете у кого-нибудь из них? А к вам приходят белые товарищи?» — «Никогда».

* * *

По конституции Соединенных Штатов, в выборах имеют право участвовать все граждане и гражданки, независимо от того, какой они расы. Однако негры в

Один из эпизодов охоты за неграми в штате Теннесси. Среди участников — матрос и солдат, оба в военной форме.

южных штатах лишены права голоса. В штате Алабама три миллиона жителей, из них миллион сто тысяч — негры. А среди избирателей штата четыреста девяносто шесть тысяч белых и четыре тысячи негров. В Бурмингаме негров, которые достигли двадцати одного года, — сто тридцать тысяч, а в избирательных списках всего-навсего тысяча четыреста негров — из ста негров позволяют голосовать одному. В штате Миссисипи негры составляют половину населения — и половина населения штата лишена права голоса.

Как обходят южные штаты федеральную конституцию? Способов много. Во-первых, налог, который взимается с голосующих. Негры на Юге — это нищие; для них несколько долларов — богатство; много лет негр мечтает о Гаарлеме, как о рае: он знает, что никогда не накопит денег на железнодорожный билет. Как ему уплатить налог голосующего? Кроме налогов, имеются экзамены: избиратель должен «понимать конституцию». Ясно, что «экзаминаторы», приверженцы расизма, режут всех негров. Рассказывают, что одному негру-профессору предъявляли на «экзамене» различные документы, требуя, чтобы он их «толковал». Наконец «экзаминатор» дал ему газету на китайском языке: «Вы понимаете, что здесь написано?» Профессор ответил: «Понимаю. Здесь написано, что

У дверей госпиталя. Раненый солдат-негр, сражавшийся в рядах американской армии против германского фашизма.

никогда вы не допустите негров к урнам». Наконец, если негр заплатил налог и выдержал «экзамен», блистатели рабства сумеют хорошими дубинками отвратить непрошеного избирателя. Что и говорить, на Юге умеют «толковать» конституцию!

Я вспоминаю, как некоторые американские газеты возмущались югославами: правительство Народного фронта лишило права голоса лиц, помогавших оккупантам, — около двухсот тысяч человек были вычеркнуты из избирательных списков. Американцы протестовали: «Какие же это всеобщие выборы?» Те же самые американцы считают вполне естественным, что миллионы американских негров (среди них и те, что сражались за свободу Америки) лишены права голоса. Мне остается спросить американцев: что справедливее — лишить права голоса человека с черной совестью или с черной кожей?

* * *

Защитники расовой дискриминации говорят: «Нельзя предоставить равноправие неграм, потому что негры лишены культуры». Действительно, расисты делают все, чтобы лишить негров просвещения. Бил Бенедиктович Нельсон в Нью-Йорке мне много говорил о постановке народного образования: «До шестнадцати лет все американцы обязаны посещать школу...» В штате Миссисипи Бил Бенедиктович больше не говорил о народном образовании: мы увидели подростков, которые не умеют читать, мы увидели детей черных, которые никогда не видели школы, — с младенчества они знают одно — каторжный труд.

Нельзя сказать, что рабовладельцы — защитники культуры для белых: они вообще предпочитают кнут букварю. В штате Миссисипи учитель — это нищий: в год ему платят шестьсот долларов. Что касается учителей, которые учат черных, они не только нищенствуют — они должны унижаться перед белыми. Когда белый инспектор приезжает в школу для черных, он называет учителя по имени: «Эй, Бил!.. Эй, Джон!..» — даже если инспектору двадцать пять лет, а учителю пятьдесят; и учитель обязан почтительно отвечать белому: «Я вас слушаю, мистер Смита...»

Как-то в штате Алабама все суммы, предоставленные на народное образование, отпустили белым. Для очистки совести вызвали профессора-негра и стали ему объяснять: «Бюджет ограничен, деньги уже израсходованы, придется вам обойтись...» Негр ответил мудро: «Вы правы — здесь образование еще нужнее белым».

Я встретил на Юге много образованных негров — ученых, писателей, врачей, учителей, адвокатов. Нужно ли говорить, что на фоне Юга, где чересчур много белых дикарей с дипломами, эти культурные негры кажутся светлым пятном? Я побывал в редакциях негритянских газет, где энтузиасты, которым ежечасно грозит расправа, отстаивают права человека.

В частном университете Фиск семьсот студентов — негры и негритянки. Они будут врачами, учителями, адвокатами, но они смогут лечить только негров, учить только черных детей и выступать на суде только, если судят «цветного». Профессора-негры не имеют доступа в публичную библиотеку. Профессор Бреди, известный химик, рассказал мне, что он не может работать в лаборатории правительственного университета. Я провел в университете Фиск несколько прекрасных часов, я видел молодость, которая ищет правду. Учится там одна девушка; она говорит по-русски — наполовину русская: мать — одесситка, отец — негр. Она светлая и не похожа на негритянку; но в ее паспорте проставлено: «цветная», — и для нее закрыты все двери.

В Нью-Орлеане я познакомился с одним архитектором; это был рыжий веснучатый человек. Он оказался приятным собеседником и поразил меня широтой своих познаний. Я пригласил его в кафе, он отказался, не объяснив причины. Потом друзья мне объяснили, что он известен в городе как «цветной» и, следовательно, не имеет права заходить в кафе.

Ловкие владельцы газет печатают несколько специальных полос для негров. Белый не заглянет в эти страницы. Если белый на улице развернет негритянскую газету, его ударят или оскорбят. Если белый на Юге публично заявит, что черные такие же люди, как белые, его убьют.

* * *

Юстиция на Юге мало чем отличается от суда Линча.

В Пессемере негр ехал в трамвае и на несколько дюймов перешел границу, отделяющую места для белых от черных. Водитель ранил негра, который бросился бегать; за ним погнались жандармы и, нагнав, добились его. Судья объявил, что в примерном наказании наглому негра, который занял место для белых, он «не видит состава преступления». В городе Колумбия белые устроили погром, убили двух негров, а двенадцать негров ранили. Суду преданы не нападавшие, а потерпевшие — тридцать негров. Они никого не убили, они виновны в том, что их не убили.

Негры на Юге никогда не бывают присяжными, и суды Юга никогда не оправдывают негров. Зато, если на скамью подсудимых случайно попадут люди, совершившие над неграми самосуд, все знают, что убийц оправдают. Линчевание на Юге — это пикник, развлечение. На линчевание выезжают с сендвичами и виски. Ни один негр на Юге не может спокойно уснуть, — может быть, именно его через час повесят на дереве. Когда в том или ином городе давно не было линчевания, негры томятся: кто будет ближайшей жертвой? Я много раз слышал раздирающую сердце негритянскую песню, она называется «Странный плод», — это песня о повешенном негре, которого раскачивает ветер.

* * *

Они умеют не только вешать, — они умеют прославлять веревку. Когда-то у рабовладельцев была лишь плеть, теперь они обзавелись «идеологией». Во главе расистов стоит сенатор Бильбо. Его выбирают белые жители Миссисипи — черные лишены права голоса, и белые выбирают Бильбо, потому что белые боятся черных. Сенатор Бильбо — рыжий красноносый демагог, который на избирательных митингах пьет молоко, а в кулуарах сосет виски. В дни молодости Бильбо требовал поголовного выселения негров из Америки. Хорошо бы выглядели рабовладельцы без рабов! Впрочем, все понимали, что Бильбо говорит о выселении негров в Либерию для красного словца. Белые не хотят расстаться с дешевой рабочей силой, но они боятся, что негры могут осмелеть и потребовать прав; они за сенатора Бильбо, потому что они за плетку, за катушку, за суды Линча.

Когда японцы напали на Соединенные Штаты, белые решили, что черная кожа не может служить препятствием к мобилизации; свыше миллиона негров были призваны защищать Америку. Негры хорошо сражались против немецких расистов, но тупость американских расистов преследовала и негров-солдат. Однажды в эшелоне ехали военнопленные немцы и солдаты-негры; на вокзале немец провел в ресторан, а черных солдат отправили на кухню. Негры протестовали, — выступил с речью в парламенте негр-депутат. Были большие митинги. Кое-где вспыхнули бунты. Один негр покончил с собой на ступенях вашингтонского Капитолия, чтобы выразить свое возмущение. Газеты сообщили об этом происшествии; вряд ли оно смutilo рабовладельцев.

Негры-солдаты вернулись в города Юга. Они увидели, что в Париже или в Риме никто не смотрит на черных, как на прокаженных; и даже самые отсталые негры поняли, что есть на свете нечто более человеческого, чем «демократия» демократа Бильбо. Еще недавно белые говорили о черных, как о глупых, но

Известный американский певец и актер-трагик негр Поль Робсон в роли Отелло.

добродушных животных. Теперь белые боятся: а вдруг неграм надоеет петь аллилуйю в ожидании очередного повешения?..

Негры Севера, пользуясь относительной свободой, устраивают общества, издают газеты; они организовали недавно конгресс: началась борьба «цветных» за равенство. Эта борьба будет очень трудной, ибо расизм вошел в плоть и в кровь американцев. Я видел на Юге и реакционеров и сторонников прогресса, но даже среди последних я не встретил ни одного свободного от расистских предрассудков. Один из самых благородных людей Юга, яростный противник рабства, защитник негров, мне рассказывал о страшной, несправедливости; мы проговорили полночи, и беседа была душевной. Я спросил его, как лично он относится к неграм. Он задумался, ответил не сразу: «Вы знаете, что я защищаю негров. Я стараюсь к ним хорошо относиться. У нас прислуга негритянка. Когда она рожала, я позвал доктора. И все-таки для меня это не люди... Вчера я играл с маленьким ребенком прислуги и вдруг поймал себя на мысли, что играю не с ребенком, а с милым щенком...»

Из книг, из газет я знал, как живет неграм в Америке. Но одно дело знать, другое увидеть и почувствовать. В Америке я не открыл никакой «Америки». Я хорошо знал, что такое небоскребы — сколько раз я их видел на экране. Но сидя в кино, я не понимал, что значит идти по улице, когда с двух сторон сорокаэтажные дома. Так и с неграми — только в Миссисипи я понял, какими дикарями могут быть люди с университетским образованием и с первоклассными пылесосами.

Один вашингтонский журналист сказал мне: «Вы настроены антиамерикански...» Я удивился: «Почему вы так думаете?» — «Но ведь вы симпатизируете неграм». Как я мог ему объяснить, что симпатизировать неграм, это не значит быть антиамериканцем, это значит симпатизировать и американцам, желать, чтобы они стали шире, гуманнее, да и умнее...

В ГОСТЯХ У ИТАЛЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Путевые заметки

З. ДЕМЫШЕВА

Всего десять-одиннадцать летних часов отделяют Москву от Рима.

Самолет пролетает над советскими городами, над селами и деревнями, с окружающими их огромными земельными угодьями колхозов и совхозов, над территориями Румынии и Югославии. Небольшие узкие полосы земли, разделенные межами, говорят нам о господстве мелкого крестьянского хозяйства в этих странах.

Затем пейзаж резко меняется. Минут тридцать мы летим над ровной синей поверхностью Адриатического моря. Погода безветренная, море спокойно.

— Смотрите, берег! — кричит член нашей делегации, Герой Советского Союза Катя Рябова.

— Итальянский порт Бари, — сообщают из кабины экипажа.

С востока на запад, от Адриатического моря к Тирренскому, пересекает Италию.

Самолет летит на небольшой высоте.

Хорошо виден красивый Неаполь. Апеннинские горы подходят здесь к самому берегу моря, образуя живописный скалистый Соррентский полуостров. Курится слабым дымком Везувий.

От Неаполя до Рима самолет летит менее часа. Приземляемся на

аэродроме Чампино, в шестнадцать километров от Рима.

Первыми людьми, которых мы встретили на территории Италии, были американцы. Самолет принимает американский офицер. В киоске — английские и американские журналы и книги. В ожидании само-

лета по залу прогуливаются богато одетые англичанки и американки. Местный радиоузел транслирует английские фокстроты. Итальянцев здесь не видно.

Аэродром Чампино, как и другие итальянские аэродромы, порты, заводы, находится под контролем англо-

В г. Верчелли (Северная Италия) навстречу делегации советской молодежи вышло большинство жителей города.

американских оккупационных властей.

По дороге от Чампино к Риму мы встречаем памятники античной, рабовладельческой культуры, известные нам еще по страницам школьных учебников. Слева от автострады вьется Старая римская дорога—Виа-Аппия. Она помнит походы римских легионов. Справа — развалины акведука — древнего римского водопровода. Вспоминается Владимир Маяковский:

*Как в наши дни
вошел водопровод, —
сработанный
еще рабами Рима...*

Рядом с памятниками древней культуры — руины современных зданий, взорванных во время войны немецкой отступающей армией или англо-американской авиацией.

* * *

Вот и Рим. В городе почти нет разрушений. Но городской транспорт работает плохо, трамвайная сеть очень мала, автобусов и троллейбусов нет, а такси не по карману даже среднему итальянцу, не говоря о рабочем. Для трудящегося человека остается только велосипед.

Рим можно назвать городом-музеем: почти в самом центре города высятся развалины древнего римского цирка — Колизея.

Неподалеку от Колизея развалины римского Форума.

Но нас удивило, что исторические памятники в Риме почти не охраняются.

Современные здания, не представляющие ни архитектурной, ни

исторической ценности, расположены рядом с изумительными в архитектурном отношении зданиями эпохи Возрождения. Самое замечательное из них — собор Святого Петра, бессмертное творение великих архитекторов, ваятелей и художников — Микель-Анджело, Рафаэля, Бернини.

Не хочется отходить от собора. Красотой этого здания, совершенством архитектурного ансамбля площади, на которой оно построено, можно наслаждаться часами.

* * *

Стены домов, заборы, торговые ларьки и даже тротуары — все написано и оклеено избирательными лозунгами и плакатами.

Меньше чем за неделю до нашего приезда в стране происходили выборы в Учредительное собрание и референдум. Итальянский народ должен был решить, каким будет политический строй: останется ли в стране монархия, или будет учреждена республика?

На окраинах города, где живет трудящееся население, чаще всего можно было увидеть на стенах такие лозунги:

«Да здравствует республика!»,
«Долой короля!»,
«Долой монархию!»,
«Голосуйте за коммунистов!»

Ближе к центру города, в кварталах, населенных буржуазией, крупными чиновниками и дельцами, избирательные лозунги звали к другому. Они свидетельствовали о политическом настроении итальянской буржуазии, итальянской аристократии: «Да здравствует монархия!», «Да здравствует король!»

Стены домов и заборы некоторых центральных улиц были сплошь разрисованы значками христианско-демократической партии: срезанный сверху овал, с вписанным в него крестом, призывал отдать голоса кандидатам христианско-демократической партии.

В ожесточенной политической борьбе победили демократические силы Италии, победил народ, проголосовавший, большинством в два миллиона, за республику. Итоги голосования были известны, но власти медлили с провозглашением республики. Король еще пытался удержаться. Монархия не хотела уходить без боя.

* * *

Мы ехали в Северную Италию, в Пьемонт, в гости к жителям города Биелла. Здесь, в Северной Италии, во время ее оккупации гитлеровскими войсками, развернулось сильное партизанское движение. Партизанские отряды, действовавшие вначале (летом и осенью 1943 года) в одиночку, несогласованно, кто во что горазд, постепенно организовались в мощные соединения, имевшие свои зоны действия. Политическое руководство ими осуществляли Комитеты освобождения Италии.

Партизаны нападали на немецких оккупантов и итальянских фашистов, разрушали их коммуникации, освобождали селения и города.

Значительная часть партизан состояла из молодых патриотов. Это была молодежь, откликнувшаяся на призыв Пальмиро Тольятти (руководитель коммунистической партии Италии) смыть позор, которым фашизм покрыл Италию, освободить родину руками самих итальянцев.

Нас сопровождали в Биеллу молодой парень и девушка партизанские в этих краях. В окрестностях Биеллы расположены крупные фабрики, изготавливающие шерстяные изделия, высокосортные сукна. Наши спутники рассказали нам, что самые большие предприятия принадлежат здесь капиталисту Дзения.

Во время войны в этом районе были крепкие партизанские отряды. Они держали район в своих руках. Дзения, конечно, здесь не было. Он был вместе с фашистами Муссолини и немецкими нацистами.

— А где сейчас Дзения? — спросила я.

— Сейчас он здесь.

— Что же он делает? — не унималась я, уверенная в том, что Дзения в тюрьме или его собираются судить.

— Делает миллионы на своих фабриках, — с горькой усмешкой ответил мне наш молодой спутник.

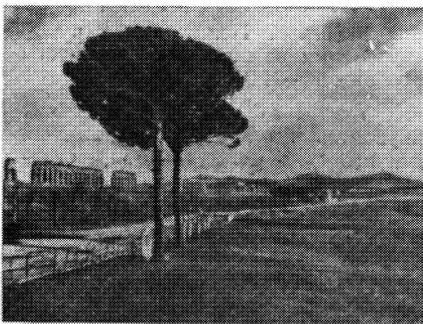
Многие из крупных помещиков и капиталистов сотрудничали с фаши-

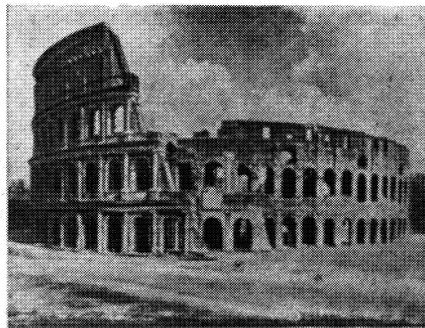
В Милане у здания городского комитета «Фронта молодежи» советскую делегацию тепло приветствовала итальянская молодежь.

Рим. Самое замечательное здание эпохи Возрождения — собор св. Петра.

Рим. Старая римская дорога — Виа-Аппиа.

Рим. Почти в самом центре города высятся развалины древнего римского цирка — Колизея.

стами, но итальянское правительство не конфисковало их собственности и не подвергло их заслуженным наказаниям.

* * *

Мы посетили Венецию. Каждому из членов делегации очень хотелось побывать в этом необычном городе, построенном на крошечных островах, о существовании которых сейчас даже не подозреваешь. Кажется, что дома вырастают прямо из воды.

После оживленных улиц Рима, Генуи, Милана, Турина, с их шумным уличным движением и разнообразным транспортом, венецианские улицы кажутся очень странными: здесь не увидишь ни трамвая, ни автомобиля, ни извозчика, нет и велосипедистов. По многочисленным каналам и каналам медленно движутся гондолы,

сплывают маленькие лодочки, быстро проносятся моторные лодки.

Тепло и радушно мы были встречены представителями городской власти и передовой молодежью города. В честь советской молодежной делегации театральная молодежь Венеции дала концерт русской музыки. Вечером было устроено народное празднество на Большом канале. Было проведено и собрание городской молодежи.

На собрании актива демократической молодежи к нам подошел высокий худой юноша с длинными черными вьющимися волосами. Обращал на себя внимание его костюм: брюки цвета хаки и такая же широкая рубашка, с небольшим напуском, и большой красный шелковый галстук-косынка. Это форма партизанских отрядов, носящих славное имя Гарибальди—знаменитого итальянского революционера, посвятившего всю свою жизнь борьбе за национально-независимую и демократическую Италию, за лучшее будущее

своей страны. Герцен, лично знавший Гарибальди, говорил о нем, как о человеке «с простотой ребенка и отвагой льва».

Несмотря на то, что война кончилась, партизаны до сих пор сохранили свою организацию. На все торжественные мероприятия они являются в своей форме.

Юноша был взволнован, черные глаза его горели.

— Считаете ли вы справедливым, что итальянские партизаны не имеют работы, а фашисты занимают высокие посты и развертывают антисоветскую пропаганду? — спросил он.

Не дожидаясь нашего ответа, он продолжал:

— Было бы уместным провести радикальную чистку — изъять фашистских преступников. Ведь она еще не была проведена в Италии или же была проведена в минимальных размерах.

Действительно, фашистские молодчики свободно разгуливают по Италии и продолжают заниматься своими грязными, антинародными делишками.

Это они открыто призывали к борьбе против республики и монархий, за монархию.

Вооруженные выступления монархистов имели место в Неаполе, в Таранто, в Бари.

Проекты монархистов вызвали мощный протест народа. По итальянским городам прокатилась волна митингов и демонстраций.

В Риме на Пьяцца дель Пополо (Площадь народа) собрался двухсоттысячный митинг республиканцев. Самыми многочисленными были колонны коммунистической партии (итальянская компартия насчитывает в своих рядах более двух миллионов членов).

Коммунисты несли красно-бело-зеленые национальные флаги и красные знамена. Шли и республикански настроенные рабочие-католики, входящие в христианско-демократическую партию.

Небольшими группами были представлены: Партия действия, на красном знамени которой изображены меч и пламя; Республиканская партия, со своей эмблемой — зеленым листочком на национальном флаге, и анархисты. Черно-красные полотнища знамен последних кричали об их политическом несогласии со всеми остальными партиями.

Одни колонны встречались возгласами приветствия, другим свистели.

В этой грандиозной двухсоттысячной толпе, где было трудно найти отдельного человека, выделялось несколько старых, седобородых, высокого роста мужчин в красных фланелевых костюмах, красных шапочках и больших белых косынках на шеях, повязанных, как пионерский галстук. Это были сподвижники Га-

Венеция. Здесь не увидишь ни трамвая, ни автомобиля: по многочисленным каналам медленно плывут gondолы. На снимке — Большой канал.

рибальди: всего лишь несколько человек, оставшихся в живых. Они несли красное знамя. На трибуне появился министр внутренних дел, социалист Ромита.

— Давай республику! — кричит народ. — Мы заставим уважать результаты референдума!..

— Я надеюсь, что через несколько часов я буду говорить с вами от имени итальянской республики. Надо, чтобы республика родилась при максимальном спокойствии и порядке, — отвечает Ромита.

Народ безмолвствует.

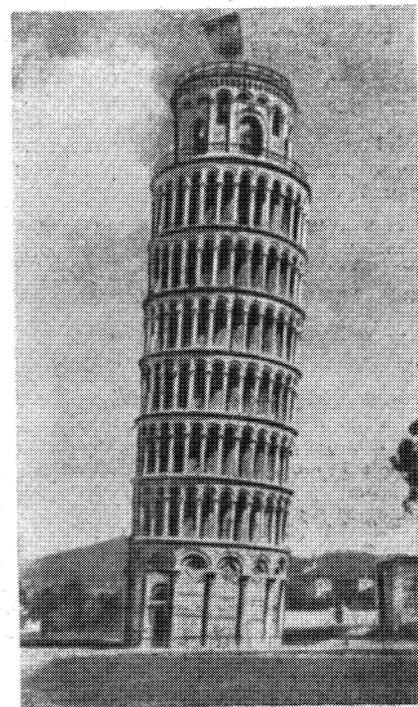
— Республика покажет, что мы порвали с прошлым, — продолжает оратор.

К великому огорчению итальянского народа слова Ромиты не оправдались. Деятельность первого республиканского правительства в первые месяцы его существования показала, что оно не хочет решительно порвать с прошлым, что оно очень далеко от выполнения требований народа как в области внутренней, так и в области внешней политики.

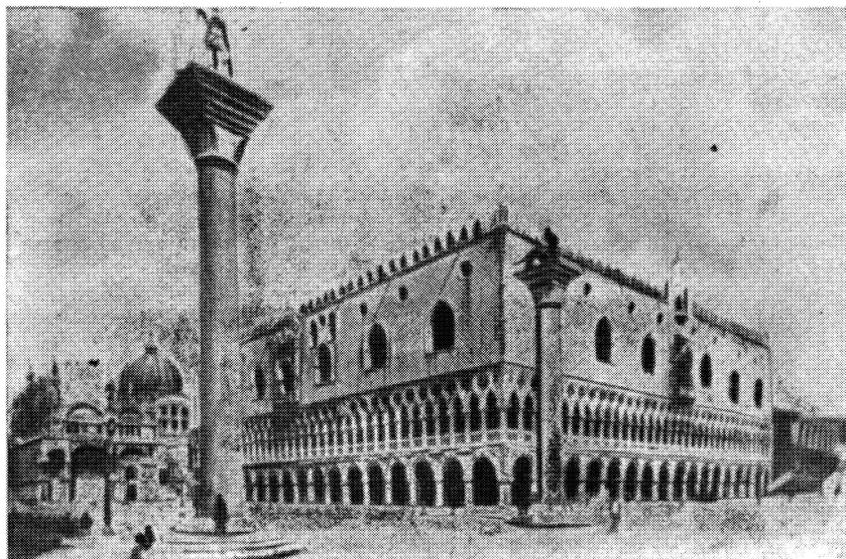
* * *

Ливорно, до войны один из крупнейших промышленных и портовых городов Италии, сильно разрушен бомбардировками союзной авиации.

Почти полностью уничтожены авиационный и стекольный заводы. Ливорнские судостроительные заводы, строившие раньше торговые и военные корабли не только для Италии, но и для других государств, сейчас не имеют заказов, не строят новых кораблей. Разрушено много жилых зданий, но в них живут. Стиранное белье, вывешенное из выбитых окон для просушки на улицу, свидетельствует об этом.

Пиза. Знаменитая «Падающая башня».

Венеция. Одно из красивейших зданий — Дворец дожей.

Восстановительные работы почти не производятся. В Ливорно, как и в других городах, пострадавших от войны, мы не видели строительных лесов, не слышали звуков пилы и молотка.

В городе трудно найти работу.

Более двух миллионов безработных насчитывается сейчас в Италии. С каждым днем это число увеличивается.

Для страны с населением в сорок миллионов — это очень большая цифра.

* * *

По приглашению профсоюза батраков мы поехали на хутор Сельме. Хозяйство было зерновое: выращивали пшеницу и рис.

Мы приехали в рабочее время — шла прополка риса. Это очень тяжелая и очень вредная работа.

По плантации, залитой водой, медленно подвигалась вперед длинная цепочка людей. На прополке заняты главным образом молодежь и женщины. Работают согнувшись, по колени в очень холодной воде и грязи, а сверху палит жаркое солнце.

Весть о приезде советской молодежи быстро облетела поля. Со всех сторон к нам бежали люди. Нас окружили плотным кольцом. Саша Маринов, член нашей делегации, вынул пачку советских папирос и предложил закурить. С минутой окружавшие нас женщины поколебались, но затем к коробке потянулось сразу много рук. Она мгновенно была опустошена.

Бойкая девушка в старом, вероятно отцовском, сюртуке попросила и коробку.

Никто не закуривал. Большинство женщин и не курило. Папиросы были тщательно завернуты в бумажки или тряпочки и спрятаны.

— Это на память о Советском Союзе, — сказали нам работницы.

Они наперебой расспрашивали нас о жизни в нашей стране. Завязалась оживленная беседа. Разговорчивый Петро Мартини, парень лет девятнадцати, поведал нам о жите-бытье молодежи хутора.

— Земля эта принадлежит помещикам Верга, — рассказывал он. — Работают здесь сто восемьдесят батрацких семейств. Некоторые батраки в течение всей своей жизни работают в этом хозяйстве. Здесь родились и выросли их дети и тоже остались работать у Верга. Куда пойдешь?.. Мне девятнадцать лет, но я не знаю ни одного случая, чтобы сыновья или дочери батраков нашего хутора поступали учиться в среднюю или высшую школу...

Петро говорил правду. В университетах и средних школах Италии мы не встречали детей рабочих и крестьян.

* * *

Мы побывали в Генуе, одном из крупнейших центров и красивейших городов Северной Италии.

Любезные друзья из местного комитета демократической организации «Фронт молодежи», по приглашению которой мы и приехали в Италию, показали нам достопримечательности своего города. Генуэзцы — большие патриоты.

В здании муниципалитета хранятся: урна с прахом Христофора Колумба и скрипка Страдивариуса, принадлежавшая лично Паганини. Только лучшие скрипачи мира, приезжая в Геную, получают право пользоваться ею, давая концерты.

Франко Диодатти — партизан гарибальдийской бригады, сражавшейся на севере Италии. В настоящее время Диодатти входит в состав генуэзского комитета «Фронта молодежи».

В этой же комнате хранится под стеклом подлинник современного нам документа о сдаче в плен итальянским партизанам немецкого адмирала. Генуэзцы с гордостью показывают этот документ.

Вечером мы были в генуэзском клубе «Фронта молодежи».

У входа большая доска. На ней изложены требования организации, ее программа:

- «Труд и справедливая зарплата.
- Профессиональное обучение.
- Обновленная школа, открытая для всех.
- Спорт, свободный и народный.
- Здоровые развлечения.
- Право выбирать с 18 лет».

Добиться выполнения этих задач — значит получить возможность жить, свободно трудиться, учиться и культурно отдыхать.

Но жизнь, свободная и счастливая, завоевывается только в упорной борьбе. Это знала и знает демократическая молодежь Италии. Это подтвердил нам собственным примером один из членов генуэзского комитета «Фронта», горячий юноша Франко Диодатти, дважды приговоренный фашистами к смерти и дважды бежавший из-под расстрела.

Глядя на этого юношу, мы вспоминали Гарibaldi и его сподвижников: такая же самоотверженность и готовность биться с врагами своего народа.

Франко Диодатти, вместе с другими патриотами, сражался с фашистами на севере Италии. Сейчас он с меньшим энтузиазмом борется за выполнение «Шести требований» «Фронта».

«Вся молодежь едина в борьбе за свое будущее» — было написано на

одном из красных полотнищ, висевших в зале.

«Фронт» объединяет все молодежные организации и входит в состав Всемирной федерации демократической молодежи.

Реакционные силы пытаются использовать молодежь в своих целях.

Христианско-демократическая партия приказала своим молодежным организациям выйти из «Фронта молодежи» и даже исключила недавно из своих рядов двух молодых католиков, возвратившихся из поездки в Советский Союз, только за то, что они стали рассказывать правду о СССР. Между тем молодые католики ездили в СССР с согласия итальянских властей. Целью поездки являлось укрепление дружбы между молодежью двух стран.

Руководители социалистической молодежной организации, вошедшие в прошлом году во Всемирную федерацию демократической молодежи, сейчас делают попытки расколоть международное демократическое движение и создать социалистический интернационал молодежи.

* * *

Демократическая молодежь Италии полна горячих симпатий к советскому народу и к товарищу Сталину.

«Мы с надеждой обращаем наши взоры в сторону Советской России, так как уверены, что только оттуда может притти обновление человеческого общества», писали нам рабочие компании Бирра Перони.

Итальянская молодежь в течение многих лет фашистского господства была лишена возможности получать правильную информацию о нашей стране. Фашистское радио, фашистские газеты распространяли самые клеветнические сообщения о Советской России. Реакционные газеты занимаются этим и в настоящее время.

Но итальянская молодежь хочет знать правду о нашей стране, о жизни и работе советской молодежи.

Такой интерес говорит не только о любознательности молодых итальянцев — это свидетельство больших чаяний и надежд, которые возлагает итальянская молодежь на республику, на новое, республиканское правительство.

Хочется верить, что итальянская молодежь сумеет осуществить свое желание:

«...добиться демократических свобод и создания такой общественной организации, которая обеспечила бы рабочим право работать за справедливое вознаграждение, которая обеспечила бы перестройку страны в духе свободы и справедливости и ликвидировала все поводы к эксплуатации человека человеком...»

Михайла Васильевич Ломоносов (1711—1765)

Величайший деятель русской культуры XVIII века, первый русский академик, М. В. Ломоносов был и одним из первых русских географов. В 1757 году Ломоносов встал во главе Географического департамента Академии наук. Великий ученый предпринял первые шаги к изучению и разработке природных богатств Урала и Сибири, трудился над созданием точных и хозяйственно-полезных карт России.

Выдающейся была роль Ломоносова в освоении Северного морского пути. Уроженец Севера, Ломоносов гениально предвидел значение Северного морского пути для экономического процветания нашей родины, с исключительной для своего времени полнотой изучил условия плавания судов в полярных морях и составил проект экспедиции Северным морским путем — одно из наиболее замечательных произведений русской полярной литературы. «Когда желаемой путь по Северному океану откроется, — писал Ломоносов, — тогда свободно будет укрепить и распространить российское могущество на востоке».

В наши дни потомки Ломоносова, «Нолухбы российские», осуществили мечту ученого. В новой сталинской пятилетке Северный морской путь становится нормально действующей магистралью.

ТАЙНА КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Проф. Б. АПОЛЛОВ

Ни в одной стране нет таких больших и глубоких озер, какими богата наша родина.

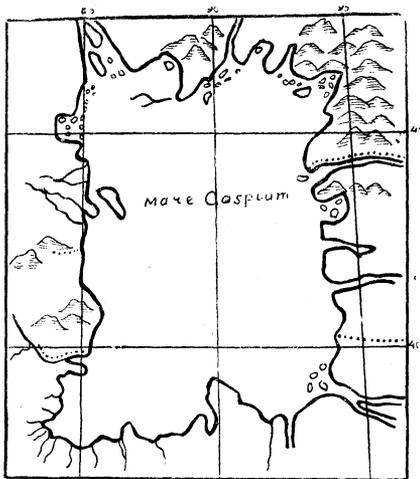
Каспийское море — величайшее озеро мира (422 000 кв. км), Байкал — глубочайшее (1 552 м.). Более 130 000 озер лежит в пределах СССР, многие из них совершенно не изучены, другие известны красотой и несметными богатствами своих вод.

На берегах многих озер протекали главные события нашей истории. Есть у нас и озера, отличающиеся удивительными свойствами. Над разгадкой их десятками лет трудятся ученые. Каспийское море — одно из таких озер. Еще в древности за свою огромную величину и бешеный нрав оно получило название моря и удержало его до наших дней.

Великое озеро-море постоянно меняло свой лик, свои размеры. В этом и состоит главная его особенность. Оно то наступало на север и принимало холодные воды Ледовитого океана, откуда и проник в Каспий тихий житель Севера — тюлень, то устремлялось на юг, к Индийскому океану, то распространялось далеко на восток и сплывало с Аральским морем, смягчая климат, изменяя на время унылые пейзажи пустынь. При отступании и таянии ледников Каспий переносил и сбрасывал свои воды далеко на запад — в Черное море, в Атлантику.

Много исторических событий видело Каспийское море. Оно служило границей между Азией и Европой. Одни народы проходили его берегами, другие селились на них, создавая здесь города и целые государства.

Не менее сорока названий получил за свое многовековую историю Каспий. «Каспий—Пруд Солнца, откуда каждый день поднимаются лучи быстрого Гелиоса», пост о нем великий Гомер. Эллинские певцы называли его «тихо текущей рекой Океан»; летописец Нестор называет его Хвальнским: «а вчетверть семьюдесятью жерлы Волга в море Хвальнское». Азиатский Колумб — знаменитый путешественник Марко Поло — называет его Бакинским.

Карта Каспия по Адаму Олеарию.

Много имен дано было Каспию, и в каждом из них запечатлелся особый народ, особое время.

Ученым древности не легко было составить истинное представление о величине Каспия, о сложных очертаниях его берегов. Поэтому ему придавались на картах самые разнообразные очертания. Аравитянин Едриси в 1 000 лет до нашей эры рисовал море-озеро в виде эллипса, вытянутого по меридиану, и называл его «Георгиево море».

Птоломей во II веке нашей эры называл Каспий «Гирканским морем»; на карте Птолемея Каспий имеет вид эллипса, но вытянутого по параллели; в него выдаются реки Арас и Окс, — так называл Птоломей Сыр-Дарью и Аму-Дарью.

Много столетий спустя известный путешественник Адам Олеарий (1635 г.) составляет хотя и более правдоподобную, но все же далекую от действительности карту Каспия.

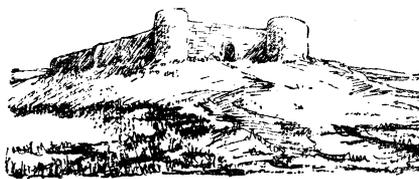
Трудность составления достоверных карт объясняется также и тем, что Каспий действительно много раз менял свои очертания. Там, где теперь звучат на его берегах песни, — некогда вздымались волны, закручивая гребни в белую пену. Там же, где сейчас шумят в непогоду волны, а в штиль спят зелено-синие воды моря, — поднимались когда-то острова, селения, города.

Исследования современных ученых, основанные на данных геологии и других наук, дают возможность восстановить картину постепенных изменений лика Каспия. Так, можно считать установленным, что примерно 400—500 тысяч лет назад Каспийское море, сокращаясь под действием ледников, уменьшивших сток рек, дошло до размеров современной его южной части. Там почти сходились тогда на небольшой территории дельты рек Волги, Куры, Узбоя. Древняя Волга — «Палео-Волга» — несла к Апшерону с Великой Русской равнины кварцевые пески, размытые морем; Узбой нес в свою дельту разнообразные породы, размываемые на пути от высот великана Памира до Красноводска.

Другая великая перемена произошла спустя 100—200 тысяч лет. Отступили, стали огромные ледники. Они отдали Каспию свои воды, и он вновь превратился в огромное море, во много раз превосходящее его современные размеры. Так на протяжении сотен тысячелетий менялись очертания берегов Каспия. Не раз изменялась при этом и величина его поверхности. Но вот, казалось, успокоился, умиротворился старик и зажил ровно и спокойно. С 1830 по 1932 год, то есть более 100 лет, он почти не менял своего уровня, в отдельные годы то повышая его, то понижая не более чем на 70 сантиметров.

Однако с 1932 года уровень моря пошел вниз. Вновь начала меняться география моря. Остров Челекен теперь уже полуостров. Залива Гассаг-Кули не существует. «Чистый бан» — подводная мель в северной части моря, на которую во время его спада в былые времена опускались чайки, теперь стала островом. На нем появилась буйная растительность, он на 2 метра возвышается над уровнем моря, и уже человек построил на острове свои первые жилища. Залив Комсомолец тоже отделился и, вероятно, скоро высохнет. Как в сказке, поднялась из глубины Бакинской бухты крепость, более 700 лет находив-

шая под водой. Эта крепость была раньше известна только по преданиям и легендам. Арабы построили ее в XIII веке на подступах к городу Баку и назвали ее Салхим. Крепость, сложенная из известняков, должна была защищать город. Предания передают, что очертания Бакинской бухты были тогда иные, она была меньше, остров Нарген и некоторые другие были полуостровами. Тешерь, в сентябре 1946 года, мы смогли свободно гулять кругом крепости, осматривать ее, измерить высоту оставшихся стен. Спустившись под воду в водолазных костюмах, сотрудники нашей экспедиции изучали следы древней дороги, которая, по преданию, вела от ворот крепости к Девичьей башне — другому памятнику арабской культуры, сохранившемуся в Баку. Стены крепости значительно разрушены морскими волнами, но примечательный ее вид, восстановленный на нашем рисунке по соображениям А. В. Вознесенского, показывает ее внушительные размеры.

Вид крепости Салхим в начале XIII века.

Причину затопления крепости мы находим в трудах известного географа XIV века Марино Сануто. Начиная с 1251 года, наблюдатели отмечают ежегодное снижение уровня Каспия «на одну палею», то есть на 28 сантиметров. Сануто говорит, что после одного крупного землетрясения «уже многие города затоплены и Каспийское море соединилось с морем Тана (Азовским)».

Почему же была затоплена крепость Салхим? Можно предположить, что опускание холма, на котором стояла крепость, произошло не без участия землетрясения, но, кроме того, еще поднялся и уровень самого моря. Это — одна из многих загадок Каспия, которые предстоит еще разрешить.

Найденные нами в 1946 году огромные каменоломни севернее Дербента, часть которых находится еще под водой, а также найденные экспедицией Академии наук Азербайджанской ССР в районе Апшеронского пролива погребения на глубине 1—1,5 метра дают основания предполагать, что в прошлое время, ранее XIII века, уровень Каспия стоял много ниже современного.

Теперь уже достоверно установлено, что уровень Каспия зависит от прихода и расхода его влаги. Сток рек, впадающих в море, дает слой толщиной в 79 сантиметров. Атмосферные осадки дают слой толщиной в 18 сантиметров, сток подземных вод — в 1 сантиметр. Всего же Каспий получает в год 98 сантиметров, испаряет в среднем тоже 98 сантиметров. Если приход

Стены крепости Салхим, вышедшие из воды в наши дни.

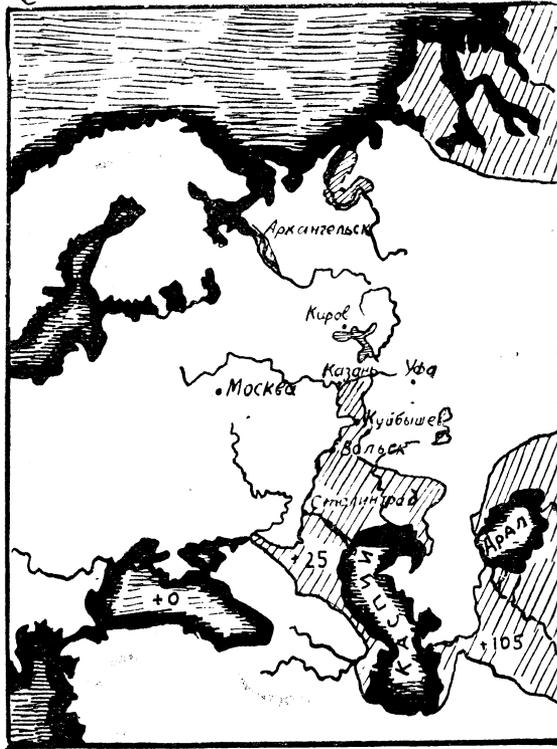
влага в отдельные годы превышает расход воды на испарение, то уровень Каспия поднимается; если же он меньше, то уровень падает.

В 1830 году в Баку впервые стали наблюдать за уровнем моря по рейке и затем продолжали эти наблюдения ежегодно. За этот сравнительно краткий в жизни моря период наиболее высокий уровень в Баку был в 1837 году — 396 сантиметров, в 1932 году он упал до 311 сантиметров, а в 1945 году — до 134 сантиметров.

Наблюдения за уровнем интересны не только потому, что они дают возможность изучать режим моря. Разница уровней характеризует приход и расход влаги, то есть дает возможность судить об изменениях климата. Вот почему изучению уровня Каспия уделяется большое внимание.

Нам удалось несколько глубже проникнуть в тайны Каспия и довольно точно восстановить ход изменений его уровня, начиная с 1730 года.

Как известно, между температурой воздуха в бассейне Волги и ее средними стоками в течение года существует связь. А ведь от стока Волги и зависит в первую очередь уровень Каспия. Наиболее длительные метеорологические наблюдения производились на станции Ленинград, где имеются данные по температуре воздуха, начиная с 1743 года. Ленинград лежит на пути движения теплых воздушных масс к верховьям Волги, поэтому его данные представляли для нас большой интерес. Изучив данные метеорологиче-

На протяжении тысячелетий менялись очертания берегов Каспия. Затрихованные пространства в отдаленные геологические эпохи находились под водой.

ских наблюдений по Ленинграду, мы получили возможность восстановить уровень Каспия, начиная с 1750 года. Оказалось, что уровень Каспия в 1945 году был наиболее низким за последние 200 лет.

Почему же Волга сократила свой сток?

Объяснение этому, хотя и не исчерпывающее, кроется в климатических особенностях последнего десятилетия. Период времени между 1930—1940 годами был наиболее теплым за последние 200 лет в Москве, Ленинграде, Копенгагене и Берлине.

Средняя температура воздуха в 1930—1939 годах достигала здесь +5,4, то есть сделалась выше, чем обычная средняя годовая температура Курска (+5,2), хотя Курск расположен на 900 километров южнее.

Современные исследования показывают, что эти изменения связаны с увеличившейся активностью солнца, с возникающими на его поверхности пятнами, возмущениями. Уловить эту связь не так легко. В тропическом поясе с увеличением числа пятен температура понижается, а в умеренных поясах возможно как повышение, так и понижение температуры.

Установлено также, что увеличение солнечной активности влияет на интенсивность перемещения масс воздуха. В 1931—1940 годах над морями Советской Арктики произошла смена антициклонного холодного режима на цикло-

нальный, более теплый. В 1931 году в советских арктических морях было сплошное сто процентное поле антициклонов, а в 1940 году поле антициклонов составляло только 11 процентов. В результате изменился режим льдов, началось общее потепление климата, и сток рек уменьшился.

Некоторое влияние на изменение уровня моря могли оказать и геологические процессы, если бы они проходили в больших масштабах, но этого в последние годы не было замечено. Вероятнее всего, что их влияние весьма мало для малых отрезков времени.

Какие же еще возможны причины, вызвавшие уменьшение стока рек и падение уровня Каспия? Такой причиной могла в известной мере явиться и деятельная работа человека. Общий культурный рост нашей страны поднял урожай, а ведь каждый грамм зерна требует, чтобы растение испарило 600 граммов воды! Мы орошаем большие пространства, мы задерживаем снег на полях, мы создаем водохранилища для водоснабжения городов и промышленных предприятий.

Сколько же забирает человек воды из Каспия? Немного. Вероятно, от 4 до 7 процентов от стока рек. Расчеты показывают, что климат действует в два-три раза заметнее, чем человек. Однако необходимо считаться с тем, что климат будет изменяться, в то время как расход воды человеком будет исключительно расти. Поэтому весьма важно полнее и точнее выяснить, сколько воды берет и сколько будет брать человек.

Значение Каспия для нашего социалистического хозяйства очень велико. В наиболее «урожайные» годы он дает до 35—40 процентов улова рыбы в Советском Союзе. Из его вод в заливе Кара-Богаз-Гол осаждается сульфат — ценное сырье для химической промышленности. Воды Каспия, испаряясь, питают реки Средней Азии.

Вот почему советские ученые самых разнообразных специальностей тщательно изучают поведение Каспия. Их задача — выяснить, как будет в дальнейшем изменяться его уровень и состав его вод, как будет вести себя рыбное население и что необходимо сделать, чтобы беспрепятственно развивать все отрасли народного хозяйства, связанные с водами Каспия.

В Академии наук СССР проблемой Каспийского моря занимается специальная «Каспийская комиссия». В состав ее входят виднейшие биологи, климатологи, гидротехники. Нашими учеными разработан проект обводнения Каспия, основанный на использовании богатейших водных ресурсов северных рек. Успехи современной гидротехники позволяют не только задерживать падение уровня Каспия, но и пополнить его водами, насколько это необходимо для народного хозяйства.

Современный вид Каспийского моря. Зачернены участки, выступившие из-под воды.

Богатства Кара-Богаз-Гола

Каспийское море — величайшее озеро в мире, и притом озеро бессточное. Самая большая река Европы — Волга, а также реки Урал, Кура и другие несут свои воды в Каспийское море. Вместе с водой реки несут и растворенные в ней соли. Около 100 миллионов тонн соли вносят реки в течение года в Каспийское море, из них около 80 миллионов тонн вносит Волга.

Казалось бы, соленость Каспийского моря должна повышаться, и в конце концов море должно осолониться, но в действительности этого не происходит. Средняя соленость воды Каспийского моря 12—15‰, а у устья Волги и других рек — много меньше.

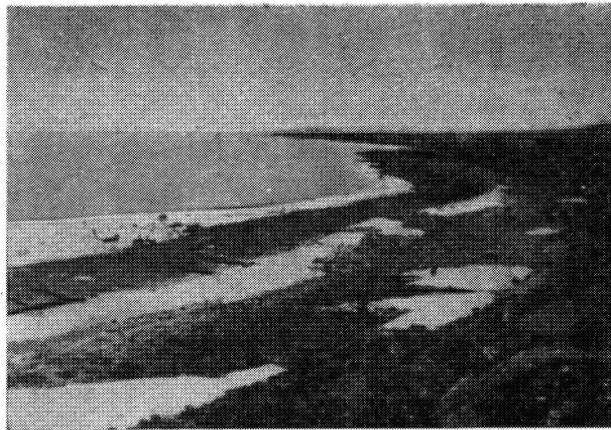
Происходит это потому, что Каспийское море располагает мощным опреснителем — заливом Кара-Богаз-Гол.

Залив Кара-Богаз-Гол занимает площадь свыше 18 000 квадратных километров. Лишь изредка выпадают на его поверхность скудные осадки, не превышающие 100 миллиметров в год.

Каждый год в заливе испаряется слой воды в 1 250 миллиметров. Следовательно, на такую же величину должен был бы понижаться уровень и воды в заливе. Но этого не может произойти, так как залив соединен с Каспийским морем проливом, шириной в 200 метров и длиной около 10 километров, через который вода из моря устремляется мощным потоком в залив. Здесь вода испаряется, а соли,

1 Примечание. Значок ‰ (промилль) обозначает количество всех заключенных в воде солей, приходящихся на 1 000 граммов воды.

2 Количество осадков измеряется в метеорологии столбом жидкости, выпадающей на единицу площади, причем высоту столба жидкости принято измерять в миллиметрах.

приносимые морем, остаются в заливе и постоянно повышают соленость его воды.

В зимний период, когда температура воды несколько понижается, соли выпадают из раствора на дно в виде кристаллов сернокислой соли натрия — мирабилита, образуя за зиму слой до 10 сантиметров толщины. Волны выбрасывают кристаллы мирабилита на берег, где они скапливаются в огромном количестве.

Таким образом, основной поставщик соли для Каспийского моря — пресная Волга — с течением времени осолоняет Каспий, а соленый залив Кара-Богаз-Гол опресняет его, как это ни звучит неожиданно.

Уже в первые годы после Октябрьской революции В. И. Ленин указал на необходимость освоения ценного минерального сырья — солей Кара-Богаз-Гола — и организации здесь одного из мощных центров советской химической промышленности.

Промышленное освоение солей Кара-Богаз-Гола началось еще во второй сталинской пятилетке. Новая пятилетка развития народного хозяйства нашей страны предусматривает дальнейшее расширение добычи и переработки солей Кара-Богаз-Гола.

О. Шебалин

Подводные вулканы

На земном шаре зарегистрировано свыше 430 вулканов, как непрерывно действующих, так и совершенно потухших. Расположены вулканы по земной поверхности не равномерно, а по так называемым поясам разлома земной коры, к которым приурочены не только вулканы, но и центры землетрясений. Первый пояс — средиземноморский — проходит через средиземные моря: европейско-африканское, австралийско-азиатские и американские. Второй — тихоокеанский — расположен у самых берегов Тихого океана, образуя здесь своеобразное «огненное кольцо».

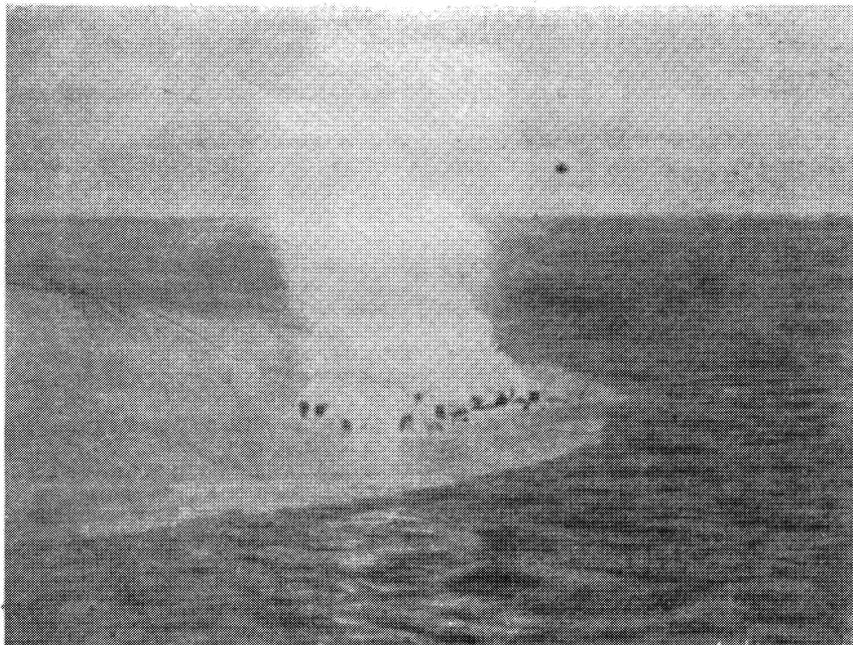
Замечательно, что на 145 вулканов, так или иначе проявивших свою деятельность, начиная с 1750 года, около 100 расположены на островах.

Весьма интересны подводные вулканы. С тех пор, как появилась возможность точного и быстрого измерения океанских глубин с помощью эхолота, в тех же поясах разлома земного шара было обнаружено очень много вулканов, вершины которых находятся на разных глубинах, вплоть до 1 000 метров под поверхностью моря.

Деятельность этих подводных вулканов проявляется самым различным образом. Иногда подводное извержение происходит полностью на глубине. Так, например, в июне 1852 года в Атлантическом океане было отмечено подводное извержение, сопровождавшееся на поверхности океана очень сильным и неправильным волнением.

В 1806 году к востоку от острова Самоа был отмечен густой вулканический дым, поднимающийся с поверхности океана.

В 1928 году экспедиция на судне «Дана» на юге от островов Фиджи в

течение нескольких дней пересекала полосы плавающей на поверхности океана пемзы.

В 1796 году в Алеутской гряде из глубин моря поднялся вулкан — остров Иоанна Богослова (53°34' северной широты и 167°54' западной долготы).

На прилагаемой фотографии показан новый вулкан, открытый английским военным судном «Уранус» 12 февраля 1946 года на 31°57' северной широты и

140°01' восточной долготы. Фотография снята 13 февраля 1946 года с самолета, специально посланного для этой цели. Длина нового вулканического острова около 270 метров, ширина около 180 метров. Появление нового острова, поднявшегося из морских глубин, представляет значительный научный интерес.

Проф. Н. Н. Зубов

ШОРОХИ под ЗЕМЛЕЙ

ВАДИМ ОХОТНИКОВ

Рис. В. Высоцкого

(Научно-фантастический рассказ)

— Я его слышал уже несколько раз... Понимаете, как будто кто-то невидимый ходит по половицам, и они тихо так поскрипывают... Шорох такой... очень странный!

Директор шахты пожал плечами.

— Пустяки, — сказал он. — Это чисто нервное... Да вы не волнуйтесь!

А про себя подумал:

«Вот еще, — кто бы мог ожидать? Такой здоровяк на вид, и вдруг — психоз! Шорохи под землей чудятся».

Петренко, приземистый и широкоплечий человек с загорелым лицом, нервно поднялся с места и принялся расхаживать по кабинету.

— Всегда в одно и то же время... — сказал он, останавливаясь перед директором и глядя на него в упор. — И движется. Тихо так шуршит и уходит куда-то вдаль...

— Пустяки, — повторил директор. — Горных духов, как известно, не бывает, а с непривычки в шахте мало ли чего не покажется. Я сам лет двадцать назад, когда первый раз в шахту спустился, помню, отбил здоровеннейший кусок карналлита, он как рухнет, так тут такой гул пошел, точно несколько человек к выходу побежало. Ну, думаю, где-то обвал... Прислушался: тихо. Это мой кусок, оказывается, грохот такой вызвал... Вы отдохните денек, да и за работу с новыми силами. А шорохи... Шут с ними! Под землей каких только звуков не бывает.

— Да нет же! — нетерпеливо возразил Петренко. — Вы не подумайте чего такого... Я сам много разных звуков слышал на своем веку. Недаром ведь акустическую аппаратуру изобретаю. Вы знаете, что чувствительность прибора, с которым я сейчас работаю со своими помощниками, очень велика. Мы слышим, как двигаются электровозы, работают врубовые машины, — и все это на расстоянии многих километров. Один раз, представьте себе, совершенно отчетливо услышали шум подземной реки... Реки, которую не видел ни один человеческий глаз.

Но то, что слышится теперь... Вы меня извините, это очень странно. Я просто теряюсь в догадках.

Директор каллевой шахты, Николай Иванович Губанов, изобразил на лице сочувствие. Но он без особого удовольствия слушал взволнованную речь украинского ученого. Ну, какие там звуки слышны под землей! Какое, собственно говоря, это имеет отношение к непосредственной работе?

Директора беспокоило другое.

Вот уже две недели продолжают на шахте испытания новой аппаратуры, предназначенной для местной геологической разведки. Стране нужно огромное количество калиевой соли — жизненного сока, повышающего плодородие земли. Добыча калийных удобрений должна быть резко увеличена по сравнению с довоенным уровнем. А тут серьезный человек, ученый, от которого он с надеждой ждет новых открытий, увлекся какими-то посторонними вещами...

Петренко привез на шахту разработанную им новую акустическую аппаратуру. Ее действие было основано на том, что мощный звуковой сигнал, посланный в землю, отразившись, должен был вернуться в специальный приемник и рассказать о структуре слоев, на которые он натолкнулся. Так обстояло дело в теории. На практике же звук уходил в землю и терялся в толще горных пород. Правда, при этом звук отражался и преломлялся там, как луч солнца, упавший в воду, но к приемнику возвращалась настолько ничтожная часть его, что по показаниям прибора нельзя было представить достаточно яркой картины подземных богатств. Требовалось внести какие-то усовершенствования в аппарат.

«Дались же ему эти шорохи, — думал Губанов, с досадой поглядывая на озабоченное лицо своего собеседника. — Нет, уж, видно, придется вести разведку обычными методами. А жаль: прибор Петренко обещал значительно ускорить все дело...»

Стук в дверь прервал размышления директора. Вошел высокий су-

хопарый человек в круглых роговых очках. Это был кандидат физико-математических наук Шабалин, работник одного из исследовательских институтов Ленинграда. Здесь, на шахте, он испытывал свой аппарат, тоже предназначенный для разведки соляных пластов.

— Ну, как успехи? — спросил директор, пожимая сухую, костлявую руку ученого.

Тот поправил очки и огорченно развел руками.

Метод Шабалина заключался в том, что в толщу земли посылались на разведку радиоволны определенной длины. Радиоволны по-разному отражаются от различных горных пород, и на экране приемного устройства в аппарате Шабалина появлялось условное изображение, рассказывающее о геологическом строении земных недр. Так было не только в теории, но и при лабораторном испытании прибора. Но вот в шахте дело не ладилось: какая-то дымка начинала застилать экран через несколько минут после начала работы. Все пропадало в этом тумане. Шабалин бился изо всех сил, менял волну, даже переделывал свой прибор, но пока безрезультатно.

Петренко, замолчавший было на минуту, снова оживился.

— Я вот рассказываю сейчас Николаю Ивановичу про странные явления в шахте, — сказал он, обращаясь к коллеге. — Какие-то звуки непонятные слышны, даже когда наш генератор звука выключен.

— Звуки? — рассеянно переспросил Шабалин. — Ну и что же?

— Через час этот звук опять должен появиться.

ли нами исследовано очень хорошо. А ваши звуковые колебания, вы меня извините, еще требуют изучения и изучения...

Наконец в комнате наступило молчание.

— Куда вы, Петр Тимофеевич? — обратился директор к Петренко, заметив, что он встает с места.

— Пойду, — хмуро ответил тот. — Аппаратуру готовить. Через час примерно этот звук опять должен появиться.

— Странный человек... — пробурчал Шабалин, усаживаясь поближе к директорскому столу. — С ним совершенно нельзя вести научных споров. Горячится. Вы слышали наш разговор?

Директору было неудобно признаться, что он почти ничего не слышал.

— Да, конечно. Но вы тоже, по-видимому, не правы, Константин Сергеевич. Так же нельзя. — с упреком проговорил Губанов. — Надо бы помогать друг другу. А у вас что получается? Споры без конца. Человек нервничает от неудач. Надо внимательнее к нему...

— В науке споры неизбежны. Без этого не придишь к истине. Да вы только послушайте... Он уверяет, что звук распространяется под землей таким образом, словно...

— Не хочу слушать ни про какие звуки, — отмахнулся рукой директор. — Я не специалист в акустике, и мне в этом не разобираться. Дайте мне хорошо работающий прибор для разведки, пусть он будет основан на любом принципе — на вашем, на петренковском, — лишь бы работал. Вот что сейчас нужно. Ведь производительность-то мы должны увеличивать в совершенно исключительных масштабах! Вы знаете, что такое калий?

И Шабалин был вынужден опять выслушать взволнованную речь Губанова о значении калиевой промыш-

ленности в народном хозяйстве страны.

— Я ведь старый калиевик. Вы только вспомните, — с убеждением в голосе говорил Губанов, — что в царской России совершенно не добывали калия! Америка и по настоящее время не имеет своих калиевых рудников. А у нас?! Да ведь мы теперь на первом месте в мире по разведанным запасам калия! Только разрабатывай! Одно только наше Верхнекамское месторождение располагает запасом, превышающим все остальные запасы калия в мире почти в пять раз... В солях, которые мы добываем, содержится не только калий, но и магний. А разве построить современный самолет без магния?! Понимаете, какое дело? Мы ждем от вас помощи. Дайте усовершенствованный аппарат, который бы быстро и точно отвечал на вопрос: стоит ли вести проходку в данном направлении? А Петренко какими-то там таинственными звуками заинтересовался. У вас тоже не ладится... И даже неизвестна причина, почему появляется эта дымка на экране, которая все портит.

Губанов взял в руки пресс-папье, сделанное, как и весь письменный прибор, из белоснежного шлифованного под мрамор карналлита, и повернул так, что тысячи искр засверкали на полированной грани.

— Я понимаю ваше нетерпение, — возразил Шабалин. — Но не всегда в лабораториях можно все предусмотреть. Дело ведь совершенно новое... А откуда берется эта дымка, ума не приложу...

— Конечно, не все сразу — уже мягче отозвался директор. — Но уж очень вы спорите все с Петренко. Какая-то неприязнь, по-моему, зародилась между вами. Каждый думает главным образом о том, чтобы возторжествовал именно его метод. Вы не хотите смотреть на это дело в общегосударственном масштабе.

Шабалин стал необыкновенно серьезным.

— Ну, в этом вы ошибаетесь, — проговорил он твердо и с укором в голосе. — Успехи в развитии народного хозяйства мне дороги так же, как и Петренко и вам. Научные споры совсем не означают личной неприязни. Мне нравится Петренко и самый стиль его работы — с размахом, с добросовестным изучением каждого факта. Но что касается его теорий, те некоторые из них представляются мне...

— Ну, хорошо, хорошо. — торопливо сказал директор. — Ведь вам, кажется, пора на испытания?

— Между прочим, — заметил, уже уходя, Шабалин. — поведение Петренко со вчерашнего дня стало каким-то странным... Вы не находите? Или это мне так кажется.

«Надо будет заняться ими вплотную, — подумал Губанов, когда Шабалин ушел. — Что-то у них там неладное...»

— Легкий такой шорох... и медленно передвигается с места на место...

Ленинградец покосился на Петренко.

— Да не заблуждаетесь ли вы? — спросил он. И тут же рассказал о случае, который произошел однажды во время сейсмической разведки рудных залежей. Сейсмограф, установленный на поверхности земли, зарегистрировал землетрясение силой в десять баллов. Между тем почва под ногами исследователей была совершенно спокойной. При проверке выяснилось, что неподалеку от сейсмографа в ямку в земле попал лягушонок. Он пытался выбраться и произволил легчайшее сотрясение почвы. Чувствительность же прибора была так велика, что он зафиксировал это, как сильные толчки.

— Вот и у вас тоже, — добавил он, — мышь какая-нибудь ползает... Усиление звука в вашем аппарате настолько сильно, что муха за слова сойдет, а мышь, как поезд, будет шуметь... в вашем ухе...

— Да нет же! — окончательно разгорячился Петренко. — Ведь звук-то идет из толщи земли... Какая там мышь! Вы просто смеетесь... Конечно, вы не верите в эффективность звуковой разведки...

«Ну, вот, кажется, начали ссориться, — вздохнул про себя Губанов. — Самолюбие проклятое заедает. Нет того, чтобы спокойно разобраться в сути дела. Общими бы усилиями... А то каждый считает свой метод наилучшим и готов на рожон лезть».

Директор задумался и почти не слушал спорящих.

— Ну, это вы уж оставьте, — доносился голос Шабалина. — Проникновенные радиоволны в толщу зем-

Сказочен подземный мир карналитовой шахты! Он поражает прежде всего своими яркими красками, каких не ожидаешь встретить под землей. Как разнообразна мозаика стен! Она составлена самой природой из ромбических кристаллов разной величины и цвета. Сверкающие грани образуют причудливые молочные-белые, зеленые и красные узоры. Они меняют свои очертания при каждом перемещении шахтерской лампочки.

Константин Сергеевич с любопытством осматривал огромное подземное помещение. Оно поражало его несбыковенно раскатистым эхом, которое встречается лишь в пустых каменных гrotах.

В этом искусственном гrotе, образовавшемся после выработки породы, должны были происходить сегодняшние испытания.

— Кон... стан... тин... Сер... гее... еее... вич!.. — раздался из глубины гrotа гулкий голос.

Шабалин, стоявший у входа, откликнулся и направился к светящимся точкам, чуть видимым в глубине гrotа.

У самой стены несколько лаборантов возлились со странным на вид электрическим аппаратом. Большой сигарообразный корпус прибора, покоящийся на массивном треножнике, порождал на стене продолговатую тень, не менее причудливую, чем сам прибор. Множество проводов соединяло его с расположенной невдалеке передвижной аккумуляторной подстанцией.

— Готово Константин Сергеевич! Можно начинать...

Грот стал постепенно наполняться монотонным жужжанием.

Шабалин вращал ручки регуляторов. Круглое отверстие экрана начало светиться тусклым зеленоватым светом.

Вот на зеленом поле появились какие-то смутные очертания. Изображение на экране становилось все более четким.

— Смотрите! — обрадованно обратился Шабалин к сотрудникам. — Появились характерные линии карналлита: вот одна, две, три... О! Да его здесь много!..

— И совсем недалеко от нас! — заметил лаборант, не отрывавший глаз от боковой шкалы прибора. — Его загорживает слой каменной соли толщиной всего метра в три... Жаль, что эту выработку за-

бросили. Шахтеры не знали, что за своим каменной соли опять пойдет карналлит. Да-а, какой мощный пласт...

Но что это? Изображение на экране. Исчезли знакомые линии карналлита, флуоресцирующая поверхность покрывается матовой дымкой. Сплошной зеленоватый туман! Опять неудача.

— Выключить прибор! — с досадой командовал Шабалин. — Довольно...

Прибор включали еще несколько раз, но с прежними результатами.

Неожиданно внимание ученого привлекла светящаяся точка, появившаяся у входа в грот. Кто-то медленно передвигался с шахтерской лампочкой в руках, затем остановился, словно в нерешительности.

Светящаяся точка оставалась неподвижной еще несколько минут, а затем вдруг запрыгала. Человек явно пустился бежать, — но не к группе испытателей, столпившихся вокруг прибора, а к выходу из гrotа. В окружающей темноте трудно было узнать бегущего, но вот на повороте мелькнул яркий отблеск, и в свете его Шабалин прекрасно различил приземистую фигуру украинского ученого...

Директор искал Петренко.

Шагая по длинным, извилистым штрекам, он часто останавливался, чтобы взглянуть попутно в различные уголки своего обширного подземного хозяйства.

Всюду горел яркий электрический свет. Прббегали юезда вагонеток, груженных разноцветной породой. В забоях стрекотали плоские, ползущие по земле врубные машины. Они резали камень острыми зубьями, расположенными на бесконечной цепи. Как пулеметы, стучали отбойные молотки. Немного тише вели себя электродрели, — они деловито ворчали, вгрызаясь в сверкающий камень своими длинными сверлами. Позже в просверленные отверстия будет заложен аммонит, чтобы взорвать и превратить в блестящие брызги массивы карналлита и каменной соли.

Вся эта сложная техника была направлена на то, чтобы разбить, раскрошить на части крепкую кристаллическую породу и сделать ее удобной для транспортировки наверх.

В одном из далеких штреков, где разработка уже давно не производилась, должна была находиться группа Петренко. Губанов легко нашел это место, ориентируясь по карте.

Но украинского ученого на месте не оказалось. Лаборанты объяснили, что их руководитель заходил сюда несколько раз, но каждый раз опять исчезал неизвестно куда.

— Он чем-то очень взволнован, — заявил Губанову один научный сотрудник.

— Мы никогда не видели его в таком возбужденном состоянии, — добавил другой.

Губанов пожал плечами. Он попросил передать Петренко, что сейчас направляется к Шабалину и зайдет сюда снова на обратном пути.

У входа в грот, где работала группа Шабалина, Губанов заметил какое-то темное пятно. Директор поднял фонарь: в углу притаился человек. Он скорчился на коленях у стены, прилаживая какой-то ящик. Фонарь Губанова осветил знакомую приземистую фигуру.

— Петр Тимофеевич! — воскликнул удивленно директор. — Что вы тут делаете?

Петренко вздрогнул, выпрямился, все еще стоя на коленях, и, как показалось директору, загородил ящик. Шахтерская лампа в его руке медленно погасла.

Он скорчился на коленях у стены, прилаживая какой-то ящик.

— Тише... — прошептал он в темноте. — Одну минутку...

Губанов направил луч своего фонаря на Петренко. Тот, торопясь и нервничая, отсоединял от продолговатого ящика какие-то провода.

— Вы меня извините, — пробормотал он, засовывая обрывки проводов в карман и завертывая ящик в спещовку, которую он еще раньше снял с себя. — Я сейчас...

Сунув ящик подмышку, он побежал по штреку, пригибаясь, словно от большой тяжести.

Директор, недоумевая, посмотрел ему вслед. Затем быстро направился в грот.

— Ну, как? — спросил он, подходя к группе Шабалина.

— Сначала было все хорошо, — ответил тот, вытирая носовым платком руки. — А потом... все заволокло. Словно радиопомехи какие-то... Но откуда им здесь быть, под землей?

* * *

— Попрошу вас, Николай Иванович, немедленно распорядиться насчет чаю, — приподнятым тоном проговорил Петренко, обращаясь к директору. — Иначе никаких разговоров и быть не может...

Петренко был в веселом возбуждении. Шабалин с удивлением наблюдал за своим коллегой. В маленькой уютной гостиной царил полумрак. Настольная лампа с зеленым абажуром оставляла в тени лицо украинца, шагавшего из угла в угол.

— Как у вас успехи, Петр Тимофеевич? — спросил Шабалин, когда директор вышел распорядиться насчет угощения.

— У меня успехи? — отвечал Петренко, круто останавливаясь перед ленинградцем. — Вы шутите? Вот у вас удача — это да! Есть с чем поздравить.

Он вдруг крепко пожал руку Шабалину. Рука Петренко была сухая и горячая.

— Я вас совершенно не понимаю, — тихо проговорил Шабалин. — В последнее время вы говорите какими-то загадками.

— Загадка решена! — радостно сообщил Петренко и щелкнул пальцами. — Теперь я знаю, кто это бродил под землей!

В сопровождении работницы, несшей поднос с чаем, в гостиную вошел директор.

— Так вот, насчет этих скрипов и шорохов, о которых я вам уже говорил... — начал Петренко, усаживаясь за стол.

«Опять со своими таинственными звуками, — подумал директор. — Что они ему покоя не дают!»

— Много приходится слышать разных звуков с помощью подземной акустической аппаратуры... — продолжал между тем Петренко. — А тут, представьте себе, как будто что-то

Это было феерическое зрелище.

немного знакомое... «Что это может быть?» думаю. Этаким характерный шорох с потрескиванием...

Рассказ украинского ученого не столько интересовал директора, сколько беспокоил. Глаза Петренко горели, как казалось директору, ненормальным, болезненным блеском. Его веселость тоже была какой-то подчеркнутой и неестественной.

— Пейте чай, Петр Тимофеевич, — проговорил Губанов. — Остынет...

— Ах, да, да! Чай... — заторопился Петренко. — А вы почему не пьете?

Затем, не говоря больше ни слова, он вытащил из бокового кармана несколько блестящих ярко-красных камней и принялся накладывать их в стакан.

«Все! — мелькнуло в голове у директора. — Рехнулся. Кладет карналит вместо сахара...»

— Петр Тимофеевич... — кинулся к нему директор, но был остановлен предупредительным жестом Петренко.

— Тише! Одну минутку, тише... — торжественно произнес он, отодвигая стакан с карналитом на середину стола. — Слушайте!

Множество пузырьков какого-то газа начали бурно подниматься сквозь темнокрасную жидкость чая. Из стакана, где растворялся карналит, слышался треск, сливающийся в непрерывное шипение.

— Слышите? — торжественно воскликнул Петренко. — Слышите? Что это такое?

— Это вырывается из растворяющихся кристаллов так называемый «микровключенный газ», — ответил директор.

— Вот именно, — с воодушевлением перебил Петренко. — Частицы газа «вкраплены» в кристаллы и находятся там под давлением чуть ли

не в несколько десятков атмосфер!.. Газ, попавший в кристаллы еще при образовании кунгурского яруса пермской системы, теперь вырывается наружу! Как только стенки ячеек, в которых он находился, стали тоньше от растворения, газ вырвался из многовекового плена. Вам ясно, Константин Сергеевич?

— Понятно, — проговорил ошеломленный Шабалин.

— Теперь вы догадываетесь, почему у вас на экране появляется туманная дымка? — обрадованно закончил Петренко. — Газ-то становится электропроводным! Ну, а вам, физику, остальное все должно быть ясно.

— Вы хотите сказать...

Шабалин остановился — слишком печальной была подсказанная ему догадка. Под влиянием дециметровых волн в породе возникают ионные процессы и происходит разогрев газа... Газ, расширяясь, ломает стенки и разрушает кристаллы. Значит... не годятся дециметровые радиоволны для разведки в калиевых рудниках. Разрушение кристаллов рисуется, как дымка, на экране и мешает исследованию.

Шабалин посмотрел на Петренко. Как наглядно и убедительно тот доказал, что прибор Шабалина в калиевых рудниках бесполезен! И этот жестокий удар был нанесен в присутствии директора, на совещании, созванном по требованию самого Петренко.

— Я установил, — продолжал все тем же радостно-возбужденным тоном Петренко, — что характерный этот шорох возникает именно тогда, когда работает ваша аппаратура, Константин Сергеевич. Слышу шорох — бегу к вашему штреку, смотрю: работаете. Выключен ваш аппарат — и шороха нет. Вчера подтащил портативный акустический прибор

прямо к вашему гроту. Бегать уже был не в силах. Устал... Всю эту ночь просидел за вычислениями... Простите, я, может быть, кажусь вам немного странным.

— Очень благодарю вас, — сухо проговорил Шабалин. — Вы уделили мне много внимания. Вы доказали, что применение моей аппаратуры в калиевых рудниках невозможно. Теперь мне не придется тратить время на решение безнадёжной задачи.

Шабалин резко поднялся из-за стола.

— Позвольте, товарищи, — заволновался директор. — Соррится вы опять собираетесь, что ли?

— Зачем соррится? Из-за чего? — закричал Петренко, вскакивая со своего места. — Константин Сергеевич, дорогой! Разрешите мне расцеловать вас на радостях... Неужели вы не поняли еще? Да ведь перед нами — открытие!.. И какое еще! Я очень рад, что помог в этом деле... Мощище пердатчика мы увеличим и... Понимаете?

Петренко направился к Шабалину с широко распростертыми объятиями. Шабалин неожиданно просиял и с радостным криком бросился навстречу украинскому ученому.

Комната наполнилась шумом.

— Ионизация газовых ячеек... А я-то дурак! — кричал в восторге Шабалин. — Значит, чем больше мощище, тем гуще дымка, тем энергичнее разрушаются кристаллы. Петр Тимофеевич, дайте я вас еще поцелую!

«Ну теперь оба они с ума сошли. Кажется», подумал директор.

* * *

В подземном гроте слышался стук металлических инструментов, хруст шагов. Заканчивалась установка прибора, более мощного, чем тот, с которым работал раньше Шабалин.

— Волнуетесь? — тихо спросил Петренко, подходя к Шабалину.

Вместо ответа Шабалин взял под руку украинского ученого.

— Будем бороться вместе, — проговорил он. — Какие бы ни были первые результаты — не отступать! Вы мне доказали, что и неудачи многое открывают.

Начало не предвещало ничего хорошего. После того как аппарат был приведен в действие, на стене появилось голубое пятно, озарившее грот слабым мерцающим светом. Прошло несколько минут. Голубое пятно потускнело. От стены отвалилось несколько мелких кусочков — как будто осыпалась штукатурка, шорохом сползли на землю одинокие кристаллы.

Это было совсем не то, чего ждали ученые.

— Укоротим волну, — предложил Шабалин. — Опять начались неудачи в этом заколдованном гроте!

Он подошел к аппарату и стал вращать рукоятки настройки. Яркость светового пятна увеличилась. Вот оно засверкало ослепительной голубизной. Несколько крупных кусков выпало из середины пятна.

Шабалин еще повернул рукоятку.

Вдруг стена, на которую было направлено излучение дециметровых волн, стала словно дрожать и расплываться на глазах у зрителей.

Шипели лопавшиеся кристаллы. Казалось, тысячи невидимых острых игл впивались в породу. В том месте, где сияло голубое пятно, стена рассыпалась, расплзлась. Точно невидимая врубовая машина быстро вгрызлась в породу, нагромождая кучи глыб и разломанных кристаллов.

Шабалин начал медленно водить по стене своим чудодействующим лучом. Голубоватое светящееся пятно пришло в движение. И всюду, где оно появлялось, разрушалась стена подземного грота, сыпался белый песок, падали камни.

Шорох, подслушанный когда-то Петренко, превратился теперь в разрушительную бурю. Мощный поток дециметровых волн, во много раз более сильный, чем тот, который применял раньше Шабалин для геологической разведки, нагревал микровключенный газ. Миллиарды газовых пузырьков ломали свои ячейки, вырываясь наружу. Разорванные изнутри кристаллы превращались в песок.

Это было феерическое зрелище. Невидимый радиолуч долбил твердую породу быстрее, чем врубовые машины и отбойные молотки, безопаснее, чем аммонит.

Директор подошел к стоявшим рядом ученым и положил руки им на плечи.

— А ведь я думал было... — сказал он улыбаясь, — что у вас в смысле товарищеских отношений не все ладилось. А оказалось, что у вас творческое соревнование.

Шабалин щелкнул выключателем. Голубое пятно погасло. Прекратилось жужжание прибора. В наступившей тишине слышно было тихое потрескивание — точно угольков в гложившем самоваре. Остывающие в глубине кристаллы кое-где продолжали еще лопаться.

Петренко подошел к стене и приложил к ней ухо.

— Ну, как, шуршит? — весело спросил директор.

— Шуршит! — ответил Петренко. — Слышите?

Слабый шелест, как замирающая нота, медленно угасал под сводами подземелья.

* * *

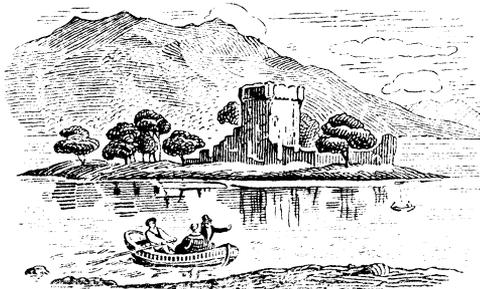
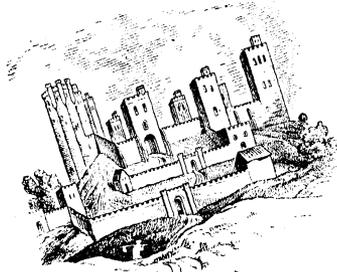
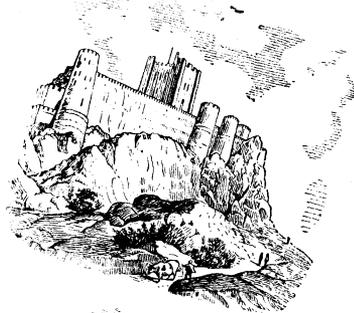
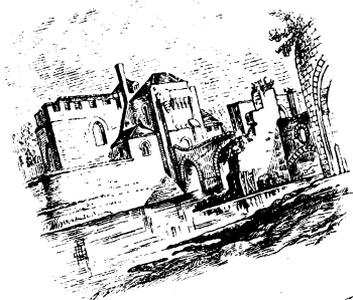
Историко-археологическая экспедиция Арктического института изучила остатки древнего зимовья и временного лагеря русских промышленников — мореходов первой трети XVII века в заливе Сикса на восточном побережье Таймырского полуострова и на острове Фаддея в море Лаптевых. Раскопками обнаружены бытовая утварь, остатки колчанов, стрел, рогатины, кремневые ружья, свинцовые пули, порох. Найдены одежда того времени, расшитая позументом, полусгнившая пушнина, мореходные инструменты шахматы и большое количество серебряных монет. Эти находки доказывают, что еще за два столетия до знаменитого путешествия Э. Норденшельда безвестные русские мореплаватели уже обогнули Таймырский полуостров с запада.

* * *

На дне морских глубин таится ответ на многие задачи, еще не разрешенные наукой о Земле. Коренные породы, слагающие дно океанов и морей, пока еще совершенно не изучены, тогда как составляют они свыше 70 процентов поверхности земного шара — ведь суши занято всего около 30 процентов.

В течение многих десятилетий изучают геологи Урал, но мы пока ничего не знаем о дальнейшем направлении уральской складчатости, уходящей далеко под соды холодного Карского моря. На острове Вайгач имеются руды, содержащие ценный для промышленности металл, но их залежи также уходят под морскую поверхность.

Советской наукой уже многое сделано для того, чтобы отвоетать у моря его подводные богатства. В районе Апенсонского полуострова разведка и добыча нефти ведется не только на суше, но и в десятках километров от берега, из морского дна. В наступившем пятилетии Арктический институт займется проектированием специальных кораблей и приборов для подводных исследований.

На родине Вальшер-Шотта

К. БАДИГИН
Герой Советского Союза

(Из записок капитана дальнего плавания)

ДО СВИДАНЬЯ, РОДИНА!

Ранним утром наше судно покинуло родные советские берега, и вскоре далеко за кормой остались дымчатые контуры Лепая — чудесного городка, которому немцы нанесли такой большой ущерб. Я глядел на уходящие вдаль ажурные силуэты портовых кранов, на тонкие струйки дыма, поднимавшиеся из заводских труб, на еле заметные домики на берегу и думал о нелегкой жизни моряка, которого судьба бросает от одного конца света к другому. Нелегкая эта жизнь, но интересная! Еще так недавно над мсей головой пылало южное солнце Калифорнии, форштевень моего судна бороздил волны Тихого океана, и я радовался тому, что бог морей Посейдон был милостив к нам, советским морякам, а теперь вот снова предстояло уйти за море, в далекие края. И снова пришлось мне и моим спутникам пережить волнующую и грустную минуту расставания с родиной.

Родина! Она всегда стоит перед глазами советского моряка, где бы его судно ни качали мятежные океанские волны, куда бы ни заносила его моряцкая жизнь, исполненная суровых лишений и радости победы человека над водной стихией. Когда десятки тысяч километров отделяют нас от родных берегов, когда между нами и землей, которая нас вскормила, пролегли великие моря и континенты, — с какой жадностью мы ловим в эти дни каждое слово, которое доносит нам радио из отечества!

...Балтика, порою негостеприимно встречающая морехода, на этот раз милостиво приняла наше судно на свою спокойную, легко колеблющуюся гладь.

Наш путь лежал к берегам Британских островов.

КУРС НА БРИТАНСКИЕ ОСТРОВА

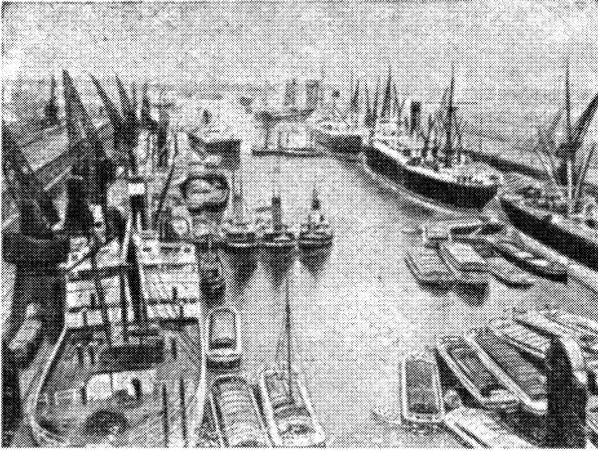
Выйдя через Кильский канал в Северное море, судно взяло курс на Англию, в порт Гулль.

На третий день пути открылись низменные, издали казавшиеся затопленными водой берега Англии.

Когда наше судно подходило к Гуллю, я обратил внимание на мощные оборонительные сооружения, выступавшие из воды.

Вскоре советские моряки увидели порт Гулль. Вначале показались как бы выступавшие из-за гигантского забора портовые краны. Их было множество. Издали они были похожи на огромные пулеметы с поднятыми вверх стволами. Городских строений еще не было видно.

Подойдя к входу в порт, нашему судну пришлось встать на якорь, так как вход в доки Англии связан с приливным течением. Только во время прилива шлюзы открываются, и суда могут беспрепятственно входить в порт и выходить из него. Поэтому каждый англичанин, мало-мальски связанный с морем, всегда имеет при себе карманный справочник приливно-отливных течений.

Док «Короля Георга» в Гулле.

Гуль расположен у глубокого эстуария¹ Гембер, куда впадает несколько рек. Это крупный, хорошо механизированный порт, имеющий большое значение для северо-восточной части Англии.

По-английски наименование этого города произносится «Холл», и поэтому наше название «Гуль» для англичан непонятно.

По состоянию порта можно было подумать, что Гуль почти не пострадал от воздушных налетов фашистской авиации. Но как только выходишь в город, видишь иную картину. Целые кварталы превращены в развалины. И хотя улицы выглядят опрятно, большинство уцелевших домов не отремонтировано и они имеют довольно печальный вид.

На стенах домов и на заборах я увидел следы прошлой предвыборной кампании: надписи, плакаты, лозунги. На некоторых плакатах с изображением Черчилля можно было прочесть оригинальную надпись: «Если хочешь быть голодным, голосуй за Черчилля».

Вскоре мне пришлось выехать по железной дороге в шотландский порт Гранджмаут, расположенный на берегу залива Форт.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

В окне вагона мелькают зеленые луга и пастбища, аккуратные участки полей, огородов и садов, перемежаемые лесными участками. Благодаря мягкому морскому климату луга, рощи и сады зеленеют

¹ Эстуарий — расширенное воронкообразное устье реки.

Гуль. Одна из центральных улиц.

в этих краях почти круглый год. Когда поезд приближался к Шотландии, долины сменялись высокими холмами, пейзаж стал более живописным. В южных районах Шотландии, богатых каменным углем, я видел искусственные горы — огромные каменные насыпи. Это отходы, остающиеся при добыче каменного угля. Поезд пронесется мимо множества густо заселенных местечек и городов. Мы приближаемся к берегу моря. Поезд мчится среди причудливых скал и обрывов, то грохоча по мостам, то скрываясь в тоннелях. Но вот мы, наконец, в Эдинбурге — родном городе писателя Вальтер Скотта, известного замечательными произведениями, изображающими борьбу шотландского народа за свою независимость. Невольно вспомнились его увлекательные романы, которыми я зачитывался в детстве.

Около двух тысяч лет прошло с тех пор, как римляне покорили Британию, мечтая проникнуть и в северную ее часть — Шотландию, которую они называли Каледонией. В те времена Шотландия была населена пиктами и другими воинственными племенами. Позже (около VI века н. э.) сюда пришли и скотты. Пользуясь благоприятными природными условиями, они не только отстаивали свою независимость, но и причиняли много беспокойств противникам, нападая на римлян и бриттов (или бритонов). Опасность от вторжения народов, населявших Шотландию, была настолько велика, что римляне построили стену в самом узком месте острова, между проливами Клайдом и Фортом. Остатки этой стены можно увидеть и в наше время.

Вал, построенный римлянами между Фортом и Клайдом, они называли Антониновым. Но вал этот не был первым: ему предшествовал Адрианов вал между Тайном и Солвзем.

После того как римляне ушли с Британских островов (это произошло в начале V века н. э.), бритты не смогли защитить свои владения. Скотты и пикты часто опустошали их земли. Так продолжалось до тех пор, пока англо-саксы не овладели Британией (в V—VI веках н. э.) Они помогли бриттам расправиться со скоттами и пиктами, прогнав их за стену, построенную римлянами. Вскоре англо-саксы становятся хозяевами всей низменной Британии. Со времени покорения Британии англо-саксами она стала называться Англией.

Что же происходило в эти времена за Римской стеной? Пикты и скотты вели жестокие междоусобные войны, в результате которых пикты были частично уничтожены, изгнаны из страны, а остатки их обращены в рабство. После этого страна эта и стала называться Шотландия (Скотланд).

Граница между Англией и Шотландией не была постоянной. И все же она всегда располагалась недалеко от древней Римской стены. По остаткам этой древней стены можно видеть, что она некогда пересекала остров по прямой линии, несмотря на то, что на ее пути возвышались горы и лежали топи и болота.

Англия вначале состояла из семи англо-сакских королевств, которым пришлось вести борьбу с данами. В единое государство они объединились в IX—X веках н. э. Вся их история до этого момента состоит из ожесточенных войн, с победами и поражениями как с той, так и с другой стороны. В XI веке они были покорены норманнами, постепенно слившимися с англо-саксами в английскую народность.

Свободолюбивые шотландские кланы (роды) на протяжении столетий отстаивали свою независимость в борьбе с более сильными и многочисленными народами. Они возвели могучие крепости, выстроили прекрасные города.

Объединение Шотландии с Англией (так называемое «Слияние корон») относится к 1603 году, когда Иаков VI Шотландский занял английский престол под именем Иакова I.

Древняя столица Шотландии принадлежит к числу красивейших городов Европы. Живописный рельеф

местности, удачная планировка города, обилие парков и памятников придают Эдинбургу оригинальный вид.

Старинный замок с многочисленными башнями, валами и воротами на протяжении восьми веков стоит на крутой террасе западного склона холма, вокруг которого расположен Эдинбург. На восточной оконечности холма возвышается старый королевский дворец «Холируд» с зубчатыми башнями на фасаде. Рядом с ним находятся развалины древнего аббатства.

В 1920 году Эдинбург слился с портовым городом Лит, являющимся ныне неотъемлемой частью шотландской столицы. Эдинбург известен своим старинным университетом, основанным в 1582 году. Здесь находятся также знаменитое медицинское училище, различные высшие учебные заведения, картинная галерея, много музеев, зоологический и ботанический сады и другие культурные достопримечательности. Жители Эдинбурга не без оснований называли когда-то свой город «Северными Афинами». В окрестностях Эдинбурга много старинных замков. Недалеко от шотландской столицы, в местечке Линлитгау, когда-то высился красивый замок, который слыл Версалем королей Шотландии. В этом замке родилась в 1542 году Мария Стюарт.

Крутая дорога вьется вверх по склону холма. Здесь некогда были рвы, которые преграждали неприятелю путь к Эдинбургскому замку. Все напоминает о седом прошлом. Вот массивные ржавые железные ворота. Кажется, что в течение многих столетий к ним не прикасалась рука человека. Не эти ли ворота пытались в свое время протаранить храбрые воины, пришедшие сюда, к этой эдинбургской твердыне, с далекого юга? Не на эти ли стены, сложенные из тяжелых каменных глыб, пытались взлезть неприятельские воины? Я вхожу в главное здание замка. Тянет сыростью. Тяжело давят каменные своды. Зеленая плесень, словно плющ, вьется по стенам, взбирается на потолки, заполняет углы. Когда-то в этих темных и холодных залах жили люди. Здесь пировали они по случаю ратных побед. Отсюда выходили на рыцарские турниры, столь увлекательно описанные впоследствии Вальтер Скоттом.

Я вышел во двор и поднялся на стену. Весь город лежал передо мной в ослепительном сиянии весеннего солнечного дня. У подножья холма высился ажурный готический шпиль памятника Вальтер Скотту. Рядом с памятником пролегла главная улица Эдинбурга — Принцесс-стрит.

Осматривая крепость, я подумал, что в одном из таких замков совершил когда-то свое злодейское преступление Макбет, герой знаменитой шекспировской трагедии, ставший впоследствии, как гласит народное предание, королем Шотландии.

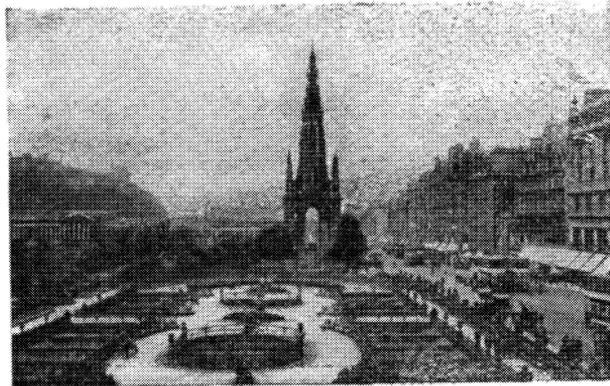
Вспомнился мне и другой герой Шотландии — могучий борец за ее национальную независимость — Вильям Уоллес. Он встал во главе народа в трудную для отечества годину, когда шотландские короли продали свою страну и в ней хозяйничали англичане.

«Он был велик и страшен, — говорили о нем летописцы. — Никого не было сильнее и храбрее Уоллеса; никто искуснее его не владел оружием».

Уоллес скрывался в горах и лесах Шотландии, пока ему не удалось собрать отряд единомышленников и открыто выступить в бой.

Искусный военачальник, он одерживал немало побед над регулярными английскими войсками. Имя Уоллеса было настолько популярно, что впоследствии он был избран правителем Шотландии, несмотря на его «низкое» происхождение.

После многих битв, 5 августа 1305 года, Уоллес был схвачен англичанами, 22 августа перевезен в Лондон и на следующий день казнен там. Но его героическая борьба не была забыта народом. Под руководством шотландца Роберта Брюса произошло второе сражение при Фалкирке (24 июня 1314 года), из которого шотты вышли победителями. Это было их реваншем за жестокое поражение, понесенное в первом бою при Фалкирке в 1298 году.

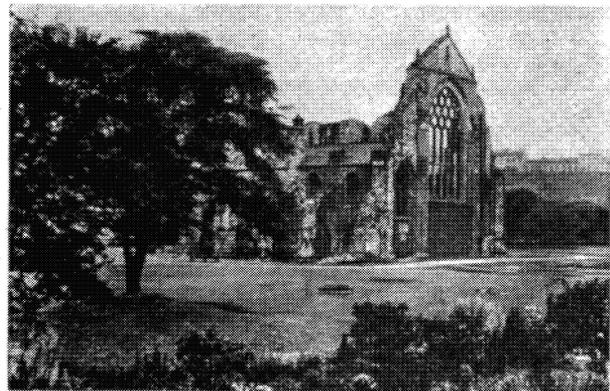

Улица Принцесс-стрит с памятником Вальтер Скотту.

НА УЛИЦАХ ЭДИНБУРГА

Я снова вышел на улицу. Солнце клонилось к закату, и в городе наблюдалось то интенсивное движение автомобилей, трамваев и людских потоков, которым обычно завершается деловой день.

В вечерние часы на улицах особенно много велосипедистов. Все жители города, имеющие велосипеды,

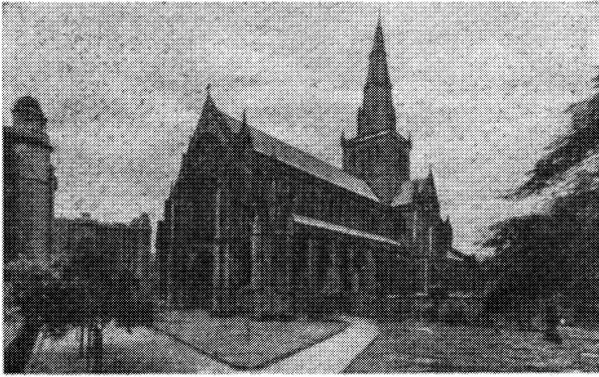

Старинное аббатство в окрестностях Эдинбурга.

предпочитают пользоваться именно этим нехитрым средством передвижения. Часто можно видеть, как шотландец везет на велосипеде поклажу довольно внушительных размеров. Она обычно помещается в корзине, прикрепленной у руля. А порой в этой корзине с серьезным видом восседает мальчик или девочка; в потоке уличного движения для них это наиболее удобный вид передвижения.

Панорама Эдинбурга.

Собор в Глазго.

Из «офисов» — банков, контор, учреждений — выбегали клерки в поношенных котелках и шляпах, — те средние жители Британских островов, на мнение которых обычно ссылаются газеты, когда они пытаются придать в глазах читателя вес своим аргументам. Клерки спешили к своим домам, чтобы, наскоро проглотив обед, предаться непритязательным вечерним развлечениям: посмотреть в кино детективную картину с неизменным злодеем, убийствами и счастливым концом или отправиться на одну из площадей, из которой разместились со своими фургонами-грузовиками бродячие балаганы, фокусники, владельцы передвижных качелей, гадалки и хироманты.

Вот проходит группа шотландских солдат в национальной военной форме. Вместо обычных брюк эти солдаты носят широкие и короткие клетчатые юбки. На ногах у них — серые шерстяные чулки и тяжелые ботинки.

Шотландцы проявляют большой интерес к Советскому Союзу. Мне рассказывали, что, когда на экранах Эдинбурга появлялись советские фильмы, хозяева кинотеатров не могли пожаловаться: их заведения всегда бывали переполнены публикой. В витринах книжных магазинов можно нередко видеть книги советских писателей, выпущенные английскими издательствами. Шотландцы отлично понимают, что советский народ, вынесший на своих плечах главное бремя борьбы с гитлеровской Германией, сыграл решающую роль в разгроме общего врага. Шотландцы знают, что Советскому Союзу во многом обязаны жители Британских островов своей свободой и независимостью. Шотландцы, хотя и живут в дружбе с великим советским народом. И сколько мне ни приходилось говорить с рабочими и фермерами этой страны, я всегда слышал от них слова восхищения Советским Союзом, слова дружбы и признательности.

— Советская Россия? — говорили они. — О, это большой корабль! У него большое плавание!

Ньюкасл. Четыре моста на реке Тайн.

В Эдинбурге мне пришлось убедиться в том, насколько велика сила традиций в Шотландии. До сих пор здесь можно увидеть множество пуритан, соблюдающих величайшую строгость во нравах. Они словно перенесены в пятое десятилетие двадцатого века из старинных идиллических романов. Уже в десять часов вечера пустеют улицы, гаснут рекламы кино, замирает городская жизнь: эдинбуржцы готовятся ко сну. Вспоминаю былые времена, старики-шотландцы до сих пор в дни национальных праздников надевают клетчатые юбки, чулки с кисточками, широкие пестрые плащи и небольшие шапки с перьями. На поясе они прикрепляют кожаные сумки, украшенные мехом. На ногах у них ботинки с затейливыми пряжками. Таких шотландцев, облаченных в яркие национальные одежды, с длинными черными трубками в зубах, я часто наблюдал во время народных гуляний. Они проходили группами под аккомпанемент волынки. Сила национальных традиций находит свое выражение и в том, что шотландцы и поныне придерживаются в высшей степени свободолобивых взглядов. И если судьба сталкивает их с англичанином, который пытается говорить с ними чопорно и надменно, то они не скрывают своего неприязненного к нему отношения.

Для меня через два мне пришлось совершить небольшое путешествие на автомашине.

Я нанял такси. Это была машина, которая живо напомнила мне знаменитую «Антилопу-гну» из «Золо-

Вид на мосты в Глазго.

того теленка» Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Шофер-шотландец, плотный рыжий парень, оказался весьма словоохотливым.

— Ну как, нравится вам наша страна? — начал он, признав во мне иностранца. — Вы, наверно, только и занимались тем, что осматривали всякие замки? Все иностранцы начинают свое знакомство с Шотландией с замков.

Я ответил, что поступил именно так.

— Ну, разумеется, — продолжал шофер. — Вы думали при этом, что попали в край, который многим отличается от Англии.

Я не скрыл от своего собеседника, что его догадки довольно близки к истине.

— Осмелюсь доложить, сэр, что вы ошибаетесь. Вот смотрите. — Шофер показал пальцем на вывеску, на которой крупными золотыми буквами красовалась надпись: «Банк оф Скотлэнд». — Вот смотрите: вывеска шотландская, а капитал в этом банке — английский. И так всюду, — заключил он, словно сожалея.

Конечно, то, что рассказывал шофер, не было для меня новостью. Англия и Шотландия сегодня — одно целое. В Шотландии добывают уголь, которым кормятся металлургические заводы в Шеффилде и Бирмингеме. А стальным прокатом этих заводов пользуются судостроительные верфи Глазго. Англия и Шотландия — это звенья одной экономической и политической цепи, которая опоясывает всю Британскую империю. Что же касается шотландского народа, то он имеет

много своеобразных национальных черт. У него своя литература, искусство. У него своя блистательная история, которой он может гордиться.

ФАЛКИРК, ГЛАЗГО, НЬЮКАСЛ

От Эдинбурга до Гранджмаута ехать пришлось в автобусе через Фалкирк. У этого городка интересная история. Несколько столетий назад Фалкирк имел большое стратегическое значение, так как он стоял на военной дороге, по которой двигались вражеские армии, воевавшие с Шотландией. Здесь происходили многочисленные баталии — битвы шотландцев с англичанами.

Вблизи Фалкирка расположен город Стирлинг, ранее служивший укрепленным местом, защищавшим переход через реку Форт. Стирлингский замок связан со многими важными событиями в истории Шотландии. У замка возвышается памятник Роберту Брюсу, шотландскому национальному герою. На большой скале, расположенной близ Стирлинга, находится башня, построенная в честь национального героя Уоллеса. Близ того места, где находится сейчас эта башня, Уоллес сдержал в 1298 году свою первую победу над англичанами. Неподалеку находится живописное озеро Лок-Левек с островками; на одном из них высятся развалины старинного замка, бывшего когда-то местом заключения Марии Стюарт (1567—1568).

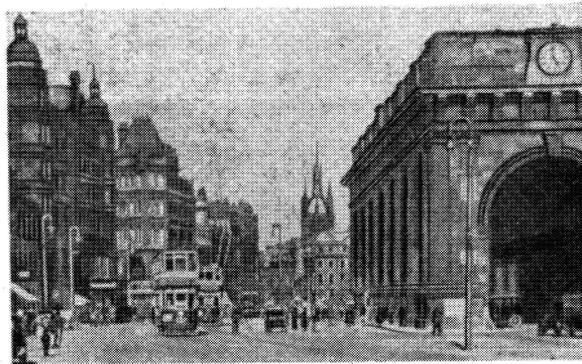
На полуострове Файф, находящемся между заливами Форт и Тэй, расположен старинный город Сент-Эндрюс, который в прежние времена имел большое торговое значение, а сейчас известен главным образом своими древними развалинами и старинным университетом, основанным в 1411 году.

Небольшой городок Гранджмаут, куда меня доставил автобус, находится на берегу залива Форт. С некоторым волнением я отправился в порт, где ждал корабль, на котором мне предстояло совершить обратный путь.

Перед отъездом на родину мне пришлось побывать по делам в городе Глазго. Он расположен на небольшой по размерам реке Клайд. Ее берега всегда были густо заселены шотландцами.

Истоки Клайда находятся в возвышенностях Лоутер-Гильз. Местность, по которой протекает река, очень живописна: причудливые скалы, водопады, много зелени. Здесь жил Уоллес, здесь совершал он первые свои подвиги ради освобождения отечества.

Несмотря на то, что в Глазго много садов и парков, долгое время он был в числе тех городов, где смертность населения превышала даже смертность жителей Бомбея и Калькутты (Индия). Быстрый рост промышленности Глазго привел к большой скученности населения. Власть города долгое время не могли справиться с антисанитарными условиями в рабочих кварталах.

Улица в Ньюкасле.

Город известен своими судостроительными верфями. На реку Клайд спускается более половины судов, строящихся в Англии.

После трехнедельной стоянки в Гранджмауте мое судно направилось в порт Ньюкасл. Через двенадцать часов после выхода в море мы вошли в реку Тайн, на берегу которой расположен Ньюкасл.

От этого города и до самого моря река Тайн представляет собой как бы один громадный док, наполненный бесчисленными судами, которые теснятся у набережной или пристаней или стоят на якоре у фарватера. Различные постройки, дома, фабрики, заводы разбросаны группами по обе стороны реки и тянутся сплошной лентой до самого моря.

Ньюкасл поднимается амфитеатром на левом берегу Тайна. Здесь много заводов, фабрик, кораблестроительных верфей.

Этот город существовал еще в древние времена. В годы римского владычества и в средние века Ньюкасл был военным городом, о чем и теперь напоминают старинные замки, расположенные в нем и его окрестностях.

Вблизи Ньюкасла когда-то находилась древняя крепость Сегендунум, у которой оканчивалась Римская стена.

Одним из интересных памятников строительного искусства Ньюкасла является мост через реку Тайн. Он покоится на устоях, вытесанных в форме триумфальных ворот. Этот мост строил Роберт Стефенсон, колоссальная статуя которого украшает одну из главных улиц Ньюкасла.

..Прошло несколько дней, и мое судно было вполне подготовлено к тому, чтобы выйти в море. С особым подъемом работали в последние дни моряки: перед ним лежал путь на родину.

Л. ПЛАТОВ

Рис. В. Таубера

Научно-фантастическая киноповесть

ПРОЛОГ

Ясный полярный день. Среди льдин по морю плывет шар.

Шар швыряет из стороны в сторону. В причудливых ракурсах отражается небо, покрытое быстро бегущими облаками, и ледяная пленка, собирающаяся складками на воде.

Шар приближается.

Это гидрографический буй. Он вылит целиком из стекла. Внутри его темнеет капсуль.

В Арктике такие буи применяют для изучения дрейфа льдов. Вместе со льдами они пересекают из конца в конец «белую пустыню», начиная свой путь где-нибудь вблизи северных берегов Сибири, в Карском море или в море Лаптевых и заканчивая его, спустя год или два, в Гренландском море, уже в преддверии Атлантики.

Много загадок удалось разрешить с помощью этих своеобразных разведчиков.

Их можно было бы назвать также гонцами. Внутри, в капсуле, надежно укрытом от воды, они несут свернутую трубочкой записку. В записке объясняется назначение стеклянного шара и указывается адрес научного учреждения, сотрудники которого спускали буй на воду. Нашедшего обычно просят сообщить координаты места встречи с бумом, для того чтобы ученые могли проследить весь пройденный им путь.

Вот сейчас произошла такая встреча.

Стеклянный шар покачивается на длинной волне, которую развел за собой могучий ледокол. Темный высокий борт судна вздымается из воды. На нем надписи золочеными буквами:

«Федор Горюнов»

Корабль этот представляет собой пловучий научно-исследовательский институт.

Все население ледокола охвачено вдохновением научной работы, живет «от пробы до пробы», от одной гидрологической станции до другой.

Гидрогеологи сосредоточенно разглядывают пробы грунта. Только что, изучая расположение минералов

Одной из наиболее увлекательных загадок Арктики в течение долгого времени была так называемая «Земля Санникова». Еще совсем недавно, в мае 1946 года, в научных кругах была высказана новая догадка по поводу появления и исчезновения этой таинственной земли.

Предлагаемая вниманию читателя киноповесть «Птица Маук» написана по мотивам научно-фантастического романа академика В. А. Обручева «Земля Санникова». Сюжет сценария значительно изменен по сравнению с сюжетом романа.

Общая научная редакция киноповести осуществлена академиком В. Обручевым, консультация по вопросам истории материальной культуры — доктором исторических наук В. Никольским.

на дне моря в этом участке, они обнаружили новое, неизвестное ранее придонное течение.

Гидрохимики склонились над пробирками. Каждая проба воды, поднятая батометрами с обследуемого горизонта, подвергается разнообразным анализам: на кислород, на азот, на кремний, на соли. Важно установить, где берет начало течение, какого происхождения оно: атлантического, арктического или речного?

Гидробиологи сортируют пинцетом свой пестрый богатый улов. Рачки-калянусы, в пунцовых жилетах, очень маленькие, похожие издали на мелкозернистую икру, шевелят длиннейшими усами. Рядом в тазу лежат микроскопические водоросли, которые способствуют разрушению льдов, скапливаясь на их поверхности.

Эхолот показывает глубины — 54, 61, 76. «Федор Горюнов» идет пока еще по краю материковой отмели, и на регистрационной ленте прочерчивается волнообразный, без резких зигзагов след.

В кают-компани ледокола — три человека. Один, у стола, курит трубку, двое других стоят у иллюминатора, провожая взглядом остающийся за кормой буй. Плавание в пустынном океане всегда однообразно. Появление по курсу судна обыкновенного гидрографического буя — почти событие.

— И они пропадают? — спрашивает молодой человек с крылышками пилота на петлицах кителя.

— Бесследно.

— Но только те, что сброшены поблизости?

— Да.

— А остальные?

— Проходят через весь Полярный бассейн. Как «Фрам», как «Седов».

— Значит, новое неразгаданное течение?

— Или отмель, преграда течению.

С шорохом расступается, раздвигаемый ледоколом, битый лед, мелкое крошево.

Через переборку из кубрика, где помещается команда, доносятся звуки песни: «Нелюдимо наше море». Мужественная, простая мелодия сливается с ровным гулом моторов, со скрежетом и шорохом льдины, являясь как бы музыкальным фоном продолжающегося в кают-компани разговора.

Летчик говорит задумчиво:

— Хотелось бы верить, что там — земля.

Глаза его прищурены, устремлены вдаль. На лице мечтательная улыбка. Он развывает свою мысль:

— Исчезающие бун прибывает к берегу. Они встают на мертвый якорь в таинственной гавани...

— Много лет уже никто не вспоминает об этой земле, — прерывает его, вынув трубку изо рта, сидящий у стола широкоплечий человек со спокойными глазами помора — капитан ледокола.

— Но в прошлом столетии ее видели несколько раз, — не сдается летчик. — В ясную погоду и всегда в одном и том же месте: на северо-северо-восток от мыса Иркапий. Как объяснить это?

— Обычный арктический мираж, — снисходительно бросает третий собеседник, начальник гидрографической экспедиции. Он средних лет, в пенсне. У него худое, усталое лицо ученого. — Помните горы Крокера? — продолжает он. — Они даже были нанесены на карту, хотя только привиделись Россу, когда он искал северо-западный проход. Из тумана вдруг появился горный кряж и преградил ему дорогу. И Росс повернул обратно, а ведь перед ним была чистая вода.

— Нет, здесь что-то другое. Не мог же остров привидеться нескольким людям подряд? Тем более на одном и том же месте?

Капитан снова вынул трубку изо рта.

— В районе предполагаемой Земли Горюнова — я был однажды. Там не было ничего... Ничего! Лед. Туман.

Начальник экспедиции дружески обнимает летчика за плечи.

— В вашем возрасте я также мечтал об этой земле. Верил в нее не меньше самого Горюнова. Не задумываясь, пошел бы пешком по льдам, лишь бы добраться до нее. Но Горюнов погнался за миражем, поверил в аберрацию, в обман зрения.

Начальник экспедиции делает жест, показывая на портрет, висящий над столом на стене. На нем изображен молодой человек примерно того же возраста, что и летчик. Он одет в студенческую тужурку и косоворотку. У него высокий, чуть лысеющий, куполообразный лоб, очень ясные, светлые глаза. Отпечаток хорошей, молодой восторженности лежит на этом лице.

— А какой талант был, — печально покачав головой, продолжает начальник экспедиции. — Вы знаете, наверное, что ссылка помешала ему кончить университет. Но даже на поселении, в Сибири, не прекращал он научной работы. Посмертный его труд об ископаемых льдах до сих пор считается классическим.

— Как могли разрешить экспедицию политическому ссыльному?

— Он отбыл срок к тому времени. Было это в период первой мировой войны, за год или за два до революции. На материк, однако, вернулся только его каюр¹. Горюнова у него на глазах унесло в открытое море на оторвавшейся льдине, когда они пытались переплыть большую полынью.

— Да, я читал об этом...

¹ Каюр — погонщик ездовых собак.

Медленно удаляется стеклянный шар, лоя отблески всякого полярного солнца.

С причитаниями вытес над шаром чайки.

Ослепительно сверкает на солнце искрящийся мелкобитый лед. Вдали, за кормой ледокола, темнеет угрюмый мыс Иркапий — скала, один из створных знаков, по которым берут направление корабли, уходящие отсюда к высоким широтам.

Крепнет, заглушая гул моторов, свист ветра и шорох льда, сумрачная, мужественная песня:

*Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно.
В роковом его просторе
Много бед поребено...*

У штурвала, с сосредоточенным лицом, стоит рулевой. Ледокол, носящий имя безвременно погибшего полярного путешественника, направляется к высоким широтам, в район, куда стремился когда-то и сам Горюнов.

Штурман, подойдя к рулевому, склоняется над компасом. Курс ледокола «Федор Горюнов» — норд-норд-ост (северо-северо-восток)...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПО СЛЕДУ ПТИЦ...

Но погиб ли действительно Горюнов?. Не была ли к нему судьба более милостива, чем думали, и не вознаградила ли его за все лишения так, как только может быть вознагражден истый исследователь — открыватель новых земель?

Потемнело небо, ниже спустились облака. Все вокруг неуловимо и тревожно изменилось. Теперь перед нами очень мрачный, гнетущий своим однообразием пейзаж. Серое с белым море. Серое с белым небо. Линия горизонта стерлась. Между ними — бездна!

И в эту бездну, отверстую темную пасть, неотвратно увлекаются дрейфующие льдины, поток льдин, сталкивающихся, подгоняемых ветром.

Посреди белого пространства темнеет единственное маленькое пятнышко.

Вот пятно дрогнуло, пошевелилось. От толчка льдина поворачивается на ней человек. Он лежит ничком. Волосы его спутаны. Лицо очень худое, глаза ввалились.

Человек приподнялся на руках, огляделся. Пусто. Ничего, кроме льдов. Опять опустил голову, чтобы не видеть пустынного океана, в котором он один, один...

Это Горюнов.

Прошло — кажется ему — бесконечно много времени с тех пор, как льдина унесла его в море, разлучив с другими участниками экспедиции. Одежда его превратилась в отрепья. Силы на исходе. Надежды на спасение нет.

Горюнов даже не замечает, что движение льдин замедлилось, а потом и прекратилось совсем. Их прибило к неподвижному ледяному полю. Что ему до этого? Так же безотрадно было все вокруг. Глубже и глубже погружается он в оцепенение — вялую дремоту.

Но вдруг в монотонный шорох льдин и посвист ветра вплетается новая, резкая нота — крик перелетных птиц.

Горюнов запрокидывает голову. Сначала ему представляется, что небо над ним исчеркано вдоль и поперек. Постепенно возвращается ясность зрения: высоко над ледяными полями летят птицы.

Горюнов смотрит на них, точно в бреду...

Горюнов смотрит на них, точно в бреду, повторяя:

— «Гусей — крикливых — караван — тянулся к югу — приближалось...»

Осеннее солнце совсем низко над горизонтом.

На фоне огромного солнечного диска четко вырисовываются силуэты птиц.

«Да, сейчас осень. Гуси возвращаются на материк после летовки. Но это значит, что они летовали где-то в океане! Значит, там есть место, где они могли найти корм, гнездовать, выводить птенцов».

«Земля?..»

С усилием Горюнов встал. Колени дрожат. Он стискивает челюсти.

«Земля... Я смогу... Птицы там... Значит — земля!..»

Караваны птиц тянутся по небу.

Налетает ветер, надвигается мгла. Низкое солнце чуть видно сквозь белесую пелену.

Человек дышит трудно, прерывисто. Согнутая спина его то возникает, то пропадает среди торосов... Слабый упрямый голос прорывается сквозь вой пурги:

— Гусей!.. Крикливых!.. Караван!..

Горюнов всползает по крутому склону. Катится вниз. Выступ помог удержаться. «Что это чернеет?» Он жадно разгребает снег. Ближе к глазам подносит ладонь, на которой, в комке снега, — несколько темных крупинок.

«Земля!»

Горюнов продолжает ползти вверх. Вот, наконец, он и на гребне горы. Его шатает от усталости.

Внезапный порыв ветра разрывает туман. Точно занавес раздернулся. Туман редет, расплывается в стороны. Открывается огромная котловина, замкнутая со всех сторон горами. На дне котловины лес, лужайки. Над далекими озерами поднимаются испарения.

Резкий, ошеломляющий контраст: оазис среди льдов! Хрипло дыша, Горюнов опускается в снег: силы неясны. Он закрывает лицо руками.

«Мираж!..»

Робко раздвинул пальцы. Сейчас снова увидит снег, торосы. Нет! Туман продолжает редеть. Зеленая долина проступила все ярче, рельефнее.

Горюнов спускается по зеленому склону вниз, в котловину. По мере удаления от вершин, покрытых снегом, меняется растительность. Вместо моха под ногами зашуршала трава, зацвели цветы. Возникают степные кусты полярной березы, ивы, ольхи. Распластались по земле, будто ползут следом за Горюновым.

Появляются и деревья. Делаются все выше и выше. Сначала они по пояс Горюнову. Вот поднялись вровень с ним. Зашумели ветвями над его головой.

Горюнов останавливается, прислушивается к щебетанию птиц. Над травой мелькают бабочки. Бабочки!.. Горюнов опускается на землю, трогает листья, траву, мох, еще не веря в реальность окружающего.

«Одуванчик!»

Широко раскрытыми глазами Горюнов смотрит через цветок на мир, открывшийся перед ним. Одуванчик облетел. Горюнов оглядывается испуганно, — не исчез ли так и все вокруг?

Раздвинув кусты, он видит родник. Струя воды бьет из-под моха и растекается по земле.

Горюнов опускается на колени, поспешно зачерпывает в горсть, резко отдергивает руку. Это — горячий источник!

Над невысоким конусом, сложенным из снежно-белого кремнистого туфа, поднимаются пузырьки пара. Горюнов едва успевает отскочить: из конуса с грохотом вырывается фонтан кипящей воды.

Это очень важная деталь ландшафта. Вдали на фоне яркой зелени, то вздымаясь, то опадая, серебрятся гейзеры — фантастические стражи этого удивительного мира.

Горюнов стоит посреди поляны прислушиваясь. Будто ливень проходит над лесом. Нарастающий грозный гул. Треск сучьев, хруст, топот. Мимо порскнули зайцы, длинными прыжками пронесся олень, протрусил кабан. Гул приближается.

Горюнов оглянулся по сторонам, ища убежища, прикрытия. В глаза бросилась гряда скал посреди поляны; метнулся к ней, быстро взобрался наверх.

Лег между камнями. В углублении, поросшем вереском.

Опушка леса зияет тревожным провалом. Нарастают топот, грубый рев. Ломая ветви, выбегает из леса мамонт. Длинная шерсть его сбилась клочками, хобот вытянут. Неуклюжими прыжками пересекает поляну, уходя от преследования.

Загонщики следуют за ним на почтительном расстоянии, размахивая трещотками, колотя в колотушки, завывая и вопя. Они — в меховых шкурах, у них раскрашенные лица, ожерелья из когтей и зубов.

Мужчины с дротиками опережают мамонта, преграждают ему путь. Мамонт шарахнулся в сторону, исчез.

Ликующие клики. Он пойман! Он провалился в яму, прикрытую ветвями!

Над ловушкой возвышаются только голова с развевающимися космами, похожими на длинную траву, и страшные, круто загнутые бивни. Великан пленен пигмеями.

Люди в шкурах мечут в своего пленника дротик, швыряют острые камни. В разноголосом вое Горюнов с удивлением различает странные выкрики, похожие на заклинание:

— Умри! Длиннозубый брат наш, умри! Не пугай нас! Умри!

Но вдруг над толпой, свиваясь кольцами, точно толстая серая змея, поднялся хобот. Мгновение — и один из охотников подброшен высоко в воздух. Толпа откатывается от ямы.

Разъяренный мамонт силится выбраться из ловушки. Дротики торчат в его спине, как иглы ежа. Могучим броском он вскидывает свое тело. Еще одно усилие, и он стоит на земле, на краю ямы. Раскидывает, расшвыривает наседающих на него людей с копьями и топорами и скрывается в лесу.

Поляна опустела. Охотники унесли с собой убитых и раненых. Выждав, пока не скроется последний из островитян, Горюнов медленно спускается со скалы. Остановился у ямы, присев на корточки, склоняется над оброненным каменным топором.

Неуклюжими прыжками мамонт пересекает поляну, уходя от преследования.

По способу обработки камня можно узнать, на сколько же сотен тысяч лет отбросила Горюнова судьба из современности в далекое прошлое, в историю человечества...

ГЛАВА ВТОРАЯ БОЛЬШОЙ ДАР

У подножья горы колышется взволнованная толпа. Неподвижны только несколько женских фигур на заднем плане, склонившиеся над мертвыми. Слышны крики:

— Голод! Маук! Птица Маук! Страшен гнев Птицы Маук!..

Видны отдельные искаженные ужасом лица.

Охотник, отшвырнув топор, лежит ничком на земле.

— Разве мало было даров?.. Самых лучших оленей — тебе. Первую долю добычи — тебе, Маук!

Из гомона выделяются возгласы:

— Нерхо!.. Говори, Нерхо!.. Пусть говорит Нерхо!..

Нерхо — охотник, руководивший облавой на мамонта, — стоит в задумчивости. Рау, колдун с морщинистым подвижным лицом, выглянул из-за его спины, визгливо кричит, потрясая магической погремушкой:

— Маук — Большой Дар!

Дрожь проходит по толпе.

— Мы скупилась на дары, — продолжает Рау настойчиво.

— Но ей давали оленей, — раздаются жалобные голоса. — Самых лучших оленей!..

— Только оленей!

Нерхо выпрямляется, приняв решение. Тяжелое слово падает, как удар:

— Большой Дар!

Женщины мечутся по стойбищу.

Внутренность пещеры. Воин, откинув шкуру, заменяющую дверь, встает у порога. Мать прижимает к себе двух сыновей. Кого отдать? Толкает одного к воину, но, раздумав, быстро притягивает назад к себе. Толкает другого, снова крепко прижимает обоих.

Воин шагнул, взял ребенка за руку, потащил.

Стойбище. Воины вырывают детей из рук женщин. Рау стоит среди испуганных мальчиков, предназначенных в жертву Маук.

Это и есть Большой Дар.

Горюнов выглянул из-за скалы и снова спрятался, не замеченный никем.

От груди молодой женщины воин отрывает ребенка. Женщина падает, ползет. Подняв исковерканное злобой лицо, она кричит:

— А где твой сын Нерхо? Ты обрек наших детей Маук и спрятал своего сына! Где твой сын? Где Кеюлькан?

Нерхо положил руку на голову маленького мальчика, пугливо прижавшегося к его коленям. По лицу Нерхо текут слезы.

— Вот Кеюлькан! Каменистая площадка в ущелье. Внизу перебе-

Горюнов видит человека, при свете каменной площадки обрабатывающего камень.

гают причудливые огоньки и змеится дым, выходящий из множества расщелин. Еще дальше, на скате горы, сквозь струящуюся пелену дыма то появляется, то исчезает скала странной формы.

Дети — у края пропасти. Пылают факелы. С гор сползает туман. Все происходящее представляется Горюнову какой-то фантазмагорией, кошмаром.

Рау, подняв руки, поворачивается к скале.

— О, грозная Птица Маук! О, великая Птица! Хозяйка бурь, голода и страха! Я, Рау, говорю с тобой. Вот дар. Лучшее — тебе. Возьми этих детей, оставь жизнь другим. Наполни нам животы. Дай удачу в охоте!

Ритмический стук трещоток. Эхо повторяет обрывки заклинания.

— Сними с топоров заклетье! — восклицает Рау. —

Расколдуй копы! Пусть будет удача в охоте!

Люди, охваченные экстазом, повторяют за ним:

— Пусть будет удача в охоте!

Никто не замечает Горюнова, который бегом спускается с горы. «Прими Большой Дар, Птица Маук! — доносятся, подгоняя его, зловещие выкрики. — Веселись сегодня, Птица Маук! Разжигай подземные костры, ешь, громовая Птица!»

Сложенными накрест копьями воины оттесняют детей к пропасти. Пронзительный крик. Кеюлькан, стоящий у самого края, судорожно цепляется за камни. Ноги его висят над пропастью. Внизу по дну ущелья перебегают огоньки. Нерхо отвернулся, закрыл лицо полкой мехового плаща, чтобы не видеть гибели сына.

Вдруг в освещенном факелами круге показывается рука и отводит копы, нависшее над Кеюльканом.

Горюнов встает перед толпой.

— Откуда этот человек? Кто он?

Рау, оскалив зубы, бросается к Горюнову.

— Прочь! Это отдано Маук!

Он вырывает у оторопевшего воина копы. Горюнов швыряет колдуну на землю. Отнимает копы.

— Маук сожжет тебя! — крикнул Рау с земли.

Пелена дыма рассеялась. Далекая скала видна вся, от подножья до вершины. Странные угловатые очертания ее действительно напоминают злобно находлившуюся птицу. Из расщелины поднимается дым, точно внизу курятся жертвенные костры.

Дикари, распростершись ничком, лежат на каменной площадке. Горюнов стоит неподвижно, держа копы. Силуэт его четко выделяется на фоне струящегося из пропасти дыма и отсветов пламени.

Дикари поднимают головы. Нет! Смелчак нередим.

Они нерешительно приближаются к нему, смыкая круг, притягиваемые любопытством.

Нерхо тронул Горюнова за руку.

— Кто ты?

Горюнов всматривается в его лицо. Это хорошее,мышленное и доброе лицо. В нем нет злобы, только удивление и робость.

— Я твой друг, охотник! Что это?

— Маук. Птица Маук.

Горюнов оборачивается к камню, которому приносит жертвы, но его уже снова затянула пелена дыма.

Нерхо, проследив его взгляд, говорит, изумленный:

— Ты отнял дар у Маук!

— Да.

— И ты не боишься Маук?..

Оправившись от поражения, Рау протискивается сквозь толпу. У него спутанные седые волосы, морщинистое и подвижное лицо с темными, беспокойными, глубоко запавшими глазами. Он смотрит на Горюнова снизу вверх, злобно усмехался, гримасничая, разевая рот, чтобы казаться страшнее.

— Ты отнял дар у Маук. Так! Кто же теперь даст нам удачу в охоте?..

Горюнов внимательно следит за его движениями, готовый к отпору. Но колдун изменил тактику. Он хочет осмеять своего соперника. Кривляясь, выгибая колесом грудь и нелепо приседая, он передразнивает гордую осанку Горюнова. Вдруг движением фокусника выхватывает у него из рук копы.

Толпа кольхнула. В свете факелов тускло блеснул кремневый наконечник.

— Вот копы, — кричит Рау торжествуя. — Расколдуй! Пусть летит далеко. Дай вместо Маук удачу в охоте!

Он швыряет копы под ноги Горюнову.

Толпа снова придвинулась к пришельцу.

У воина, стоящего рядом, Рау вырвал топор. Согнулся под его тяжестью. Непочтительный смешок в толпе. Рау злобно оглядывается. Смех тотчас смолкает.

Колдун бросил топор к ногам Горюнова.

— Топор тяжел. Сделай его легким. Сделай его острым. Дай удачу в охоте!

Гул голосов. Мелькнуло озабоченное лицо Нерхо.

Мстительный хохот Рау. Ущелье наполняется разноголосым шумом, будто множество камней сорвалось вниз. Все вокруг гудит, грохочет.

Сжав губы, Горюнов идет на оробевшую толпу острорытня, шаг за шагом оттесняя ее от пропасти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕРТА ОБИТАНИЯ

Горюнов поднял голову со шкуры медведя, на которой лежал. Где он? Над ним нависли сумрачные своды пещеры. Рядом чадит фитиль, плавающий в каменной площадке. Пещера очень велика, края ее те-

ряются во мгле, хотя посредине пылают несколько костров.

Прямо перед собой Горюнов различает огромные угловатые тени. Это на противоположной стене раскачиваются странные силуэты человеческих фигур с косматыми головами и сутуловатыми плечами.

Горюнов жмурится, встряхивает головой, чтобы прогнать навязчивое, снова открывает глаза. Нет, видение не пропадает.

— Выпей отвара, — раздается голос над ухом. — Ты говорил о непонятном. Твоя душа была далеко.

Повернувшись на локте, Горюнов видит человека, сидящего неподалеку в углу и при тусклом свете каменной плиты обрабатывающего камнем камень. Склоненное лицо его, по которому перебегают отсветы пламени, сосредоточенно и спокойно.

«А!.. Ведь это Нерхо!..»

И все пережитое вспомнилось сразу.

На зеленый остров-оазис среди льдов Горюнов добрался уже осенью, к концу полярного дня. Вскоре зашло солнце, взошла луна. Наступила зима, ночь.

На зиму островитяне забираются в пещеры, как медведи в свое логово. Живет племя преимущественно теми запасами, которые собраны за лето. Мужчины готовятся к весенней охоте, изготавливают оружие: каменные топоры, ножи из обсидиана, кремневые наконечники для дротиков. Костяными иглами и кишками животных женщины шьют шкуры — одежду.

У костров тянется томительно-долгая ночь. Уродливые тени раскачиваются на стенах. Иливает под сводами, как дым от костра, тоненькая, заунывно-монотонная мелодия песни. Похоже на сон, на тяжелую дрему.

И вправду — Горюнову казалось вначале, что это все чудится ему в каком-то диковинном, необычайно затянувшимся сне. Возможно, объяснялось это тем, что он был болен: скитания на льдине, в потоке дрейфующих льдов не прошли для него даром. Ноги были отморожены. Удалось сохранить их только стараниями доброго Нерхо.

— Ты враг Маук, — объяснял ему Нерхо, поя его целебным отваром из трав. — Значит, ты друг наш.

Подвиг пришельца, осмелившегося отнять Большой Дар у грозной Птицы, чрезвычайно поразил воображение островитян. По отдельным отрывочным фразам, по особой почтительной робости обращения Горюнов догадался: с нетерпением ждут лета, чтобы увидеть, сумеет ли он расколдовать заговоренные ксэня.

Горюнову было непонятно вначале и другое: почему он стал сразу изъясняться на языке этих первобытных людей? Потом понял: в языке у них было много общих корней с чукотским, который Горюнов изучал еще на поселении.

— Лучше стало. Спасибо, Нерхо! — бормочет он, снова опускаясь на шкуры. — Продолжай свою песню. Ты дошел до Большой воды и остановился со своим племенем в мысе Иркапий.

Это очень длинная песня, почти без мотива, эпический речитатив, однообразный, как тундра, потому что предки островитян были жителями тундры, — передающийся из поколения в поколение рассказ об исходе, о бегстве народа онкилонов с Большой земли.

Подумать только, что об онкилонах Горюнов читал перед самым своим арестом еще в Петербурге, в университетской библиотеке! Небрежно листал «Плавание на «Веге» Норденшельда, проглядывал краем глаза картинки: плохо исполненные изображения разрушенных землянок, фотографии найденных Норденшельдом каменных топоров и кремневых наконечников. Для чего ему это понадобилось тогда? Для какой-то справки в студенческом реферате...

Мог ли он знать, что спустя несколько лет будет наблюдать, как сгибаются и разгибаются над своими изделями каменотесы-оружейники, лежа у первобытного костра в пещере, и слушать, как онкилон напевает тонким голосом:

«...И увидели перед собой воду и лед. Но по пятам за

ними шли оленные чукчи. А за спиной чукчей были Люди Грома...»

Итак, Норденшельд ошибся: народ онкилонов жив. Развалины жилищ из китовой кости на мысе Иркапий, которые посетил и срисовал Норденшельд, проходя на «Веге» вдоль северных берегов Евразии, были предпоследней, а не последней стоянкой племени!

На долю Горюнова выпало проследить дальнейший путь онкилонов по льду в глубь Арктики. Когда он вернется в Петербург, — если он вернется в Петербург! — его сообщение в Академии наук положит конец спору об онкилонах, который ведется более столетия.

Всех ближе на поверку оказался к истине адмирал Врангель¹.

Известно, что в конце XVII века загадочный народ онкилонов занимал весь азиатский берег от Шелагского мыса до Берингова пролива. Уже к началу XVIII века всякие упоминания об онкилонах прекращаются, — они как в воду канули.

Врангель предположил, что онкилоны бежали от чукчей на гипотетическую землю, существование которой довольно точно указал и которая впоследствии была открыта и названа его именем, однако следов пребывания там беглецов не обнаружено.

Почему? Да потому, что, вступив на лед, онкилоны взяли направление не на северо-восток, что вывело бы их на остров Врангеля, а на северо-северо-восток, так как впереди — и они знали это — тоже был остров.

По-иному выглядела отсюда, из пещеры, в отсветах костров, и трагедия народа, потерявшего на бескрайном побережье Ледовитого океана.

Правильно, что оленным чукчам и онкилонам было тесно рядом. Убогая фауна и флора тундры не могли прокормить их. Чукчи оказались сильнее в борьбе. Шаг за шагом они оттесняли противников со старых, привычных охотничьих угодий, гнали к морю.

Но было еще действующее лицо в этой трагедии, кроме чукчей и онкилонов.

«За спиной чукчей шли люди Грома...» — так было в песне.

Да, с юга надвигались на оленных чукчей скупщики пушнины, золотоискатели, казаки. Они были снабжены оружием огнестрельного боя. Онкилоны знали о них понаслышке, только по рассказам оленных чукчей и надеялись, естественно, самыми пугающими свойствами.

Слушая с закрытыми глазами монотонное пение Нерхо, Горюнов совершенно ясно представляет себе схему этой миграции.

«...И увидели перед собой воду и лед».

Все сходилось. Это была Большая вода — океан.

Норденшельд считал, что именно здесь, на берегу водной пустыни, закончился последний акт трагедии онкилонов, которым нехватало места на земле.

Но с мыса Иркапий, по словам песни, беглецы, уцелевшие от истребления, увидели на горизонте темную полосу — это была земля, надежда.

Со всем своим скарбом, с женщинами и детьми онкилоны вступили на лед и тронулись к острову, руководимые безошибочным, почти звериным инстинктом. В песне не упоминалось, каких трудов стоило беглецам добраться до манившей их земли. Эпически повествовалось лишь о том, что:

«...когда, наконец, отцы наших отцов и матери наших матерей дошли до гор и спустились внутрь котловины, то увидели, что в лесах много мяса, а вода в озерах чиста и приятна на вкус».

Вот что произошло более двухсот лет назад в Арктике. Последнюю черту обитания человека онкилоны продвинули от побережья Ледовитого океана к высоким широтам, где среди льдов, окутанный туманом, поднимался со дна остров-загадка с его удивительно теплым климатом.

¹ Адмирал Врангель — выдающийся русский путешественник, исследователь Крайнего Севера.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ПОИСКИ МАУК

С полночи, то есть с середины зимы, Горюнов был уже на ногах. Неизвестно, что подняло его с одра болезни: целебные ли отвары Нерхо, или вдруг овладевший им азарт ученого-исследователя. Слишком много тайн было вокруг, чтобы оставаться в бездействии.

Почему на острове было тепло? Почему весна, по рассказам онкилонов, наступала тут значительно раньше, чем это было южнее, на материке? Почему здесь леса, тогда как в прибрежной тундре можно найти один лишь мох? Почему в этом удивительном мире наряду с другими животными уцелел мамонт?

Что такое, наконец, эта Маук?

Странный культ ее пропозывал всю жизнь онкилонов. Зловещая Птица, распластав крылья, как бы незримо парила над островом.

Многое в культе окружалось особой, ритуальной таинственностью и было доступно только Рау и старейшинам, оставаясь под запретом для остальных членов племени. Сам Нерхо, обычно словоохотливый и доброжелательно настроенный, на все расспросы о Маук отделивался угрюмыми обиняками.

Быть может, поэтому у Горюнова зародилась мысль, что, разгадав тайну Маук, он получит ключ ко всем остальным тайнам острова и сможет правильно ориентироваться в происходящем.

Он терпеливо соединял воедино разрозненные сведения о Маук.

Известно было, что злое влияние Маук преследовало онкилонов еще до их прихода на остров. Затем она отыскала и догнала их здесь.

Что могло это значить?

Горюнов долго размышлял над подслушанной как-то фразой: «Догнала в сопровождении мертвых». Но смысл этих слов продолжал оставаться темным.

Он помнил, что легендарная гигантская птица встречается также в фольклоре якутов, остяков и тунгусов. Есть ли тут какая-нибудь связь? Общий ли это миф, или Маук онкилонов стоит особняком в мифологии народов Крайнего Севера?

Чтобы попытаться разъяснить это, Горюнов отправился в свою первую после болезни подземную экспедицию. То, что осталось недосказанным в песне и рассказах

Нерхо, не доскажут ли, не объяснят ли рисунки на стенах?

Пещера, в «устье» которой располагались на зиму онкилоны, проникала далеко в глубь горы. Это был настоящий лабиринт со множеством переходов, тупиков и сводчатых зал. Один каменный коридор, примыкавший к жилым помещениям, представлял собой нечто вроде первобытной картинной галереи. Все стены в нем были испещрены рисунками, воспроизводившими различные моменты охоты и рыбной ловли.

Еще пробуя ходить, Горюнов забредал сюда. Он с интересом наблюдал за тем, как при свете плоских празднично принаряженные художники, в ожерельях из звериных зубов и раковин, устроившись на высоких подставках, расписывают стены и своды пещеры. В руках у них каменные палитры и костяные флакончики с порошком красной охры. Работая, они сохраняют благоговейное молчание.

Это первобытная иконопись. Почти все изображения

— Ты отнял дар у Маук. Так! Кто же теперь даст нам удачу в охоте?

зверей помечены крестом, углом или крышевидными значками, что определяет магический характер фресок. Это картины будущей удачной охоты, — иначе говоря, ворожба углем и красками, обрядовая живопись.

Ведь в первобытном мире, — Горюнов помнил об этом, — искусство должно было предвещать, опережать жизнь. Онкилоны желали, чтобы с настоящими животными произошло во время охоты то же, что с их изображениями на стенах пещер.

Но среди убегающих мамонтов, оленей с закинутыми назад рогами, горбатых кабанов с торчащими в спине дротиками Горюнов не видел ничего похожего на птицу.

Однажды, когда все спали, он поднялся, перешагнув через лежащего рядом Нерхо и, взяв в руки горящий факел, отправился на поиски Маук.

...Шаги его гулко отдаются под сводами. Немеет рука, потому что приходится все время высоко поднимать факел. Жуткие косматые лики глядят на него со стен. Некоторые животные исполнены с такой экспрессией, с такой убедительной силой, что кажется: вот-вот сорвутся с места, застучат, забьют копытами, понесутся вперед, увлекая за собой Горюнова. То же, наверное, должен чувствовать человек, попавший в середину стада разъяренных быков.

Маук на стенах нет.

И вдруг, почти отчаявшись, Горюнов заметил под сводами край черного крыла.

Сначала ему показалось, что это летучая мышь. Он присмотрелся.

Это, видимо, очень давнее, неподновлявшееся изображение, так как в отдельных местах краска сошла. Встав на цыпочки, Горюнов присветил себе факелом. Можно различить когти, держащие не то змея, не то ветки. Хотя нет, это скорее молнии. Да, совершенно точно, пучок молний. Над сохранившимся крылом — какой-то странный нарост.

Пройдя еще несколько шагов, Горюнов увидел второе, потом третье изображение птицы, несомненно, более позднего происхождения. Изменилась манера письма. Первое изображение было натуралистическим, детали были старательно отделаны. Горюнов готов был биться об заклад, что художник рисовал с натуры, имея перед глазами оригинал или, в худшем случае, срисовывая по памяти. Последующие изображения, к сожалению, делались постепенно все более и более схематическими, как, впрочем, и все остальные фрески. Таково было закономерное развитие первобытной живописи, переход к условным значкам, буквам.

Теперь Маук воспроизводилась на стене всего двумя-тремя белыми мазками — черный контур птицы, один абрис крыла. Очевидно, священный ужас охватывал онкилонов даже перед условным знаком Маук.

Но для исследователя, конечно, этого было мало.

Переноса свой дымящийся факел от одной стены к другой и приглядываясь к рисункам, Горюнов прошел весь коридор из конца в конец. Дальше ход был завален камнями.

Вот и все результаты подземной экспедиции. Немного!

Однако, вернувшись в жилую пещеру и размышляя о виденном, Горюнов вспомнил важную подробность: крышевидных магических значков на птице не было. Стало быть, островитяне никогда не охотились на нее и не собирались охотиться. Наоборот, на одном рисунке человечки с копьями убегали от нее.

Да полно, была ли в действительности такая птица?

Между тем в предании называли трех онкилонов, которые видели ее, прежде чем она превратилась в камень. Двое тут же умерли, ослепленные исходящим от нее страшным блеском. Третий уцелел, но жил недолго, потому что нельзя безнаказанно видеть Маук. Не

Взяв в руки горящий факел, отправился на поиски Маук.

был ли этот смельчак тем давно умершим художником, который нарисовал на стене пещеры первое изображение птицы?

И почему выход из тупика завален камнями? Был ли это обычный в горах обвал, или это — дело рук человека?

Все попрежнему оставалось непонятным для Горюнова. Одно было ясно: чтобы разгадать Маук, надо было ее победить!

(Продолжение следует)

За письмами Гайдара

Р. ФРАЕРМАН

Милый Гайдар!..

Его нет... И вот только его книги стоят перед нами на полке — большие и маленькие, много книг, написанных им для детей.

Вот и письма его лежат передо мною на столе — длинные и короткие, веселые и серьезные, но все одинаково заканчивающиеся его забавной подписью — с круглым росчерком и смешной рожицей на конце. А под рожицей он всегда добавлял: «Это я!» — и вправо, в уголке, рисовал еще звездочку, точь в точь такую, какие рисуют маленькие дети, едва научившиеся держать карандаш. Зачем он это делал?

В книгах талантливый и прекрасный поэт, он в жизни многим представлялся большим ребенком. Роста он был большого, плечи у него были широкие, могучие, однако лицо и особенно светлые голубые глаза всегда сохраняли ясное, детское выражение. Если бывало присмотришься к ним поближе, то увидишь вдруг тысячи ве-

селых и лукавых огоньков, мелькающих в его взгляде.

Гайдар часто шутил. Он любил шутить даже тогда, когда речь шла о серьезных вещах, но в шутках его всегда хранился глубокий и драгоценный смысл жизни.

И недаром, даже в дружеских письмах, он рисовал в уголке пятиконечную звездочку с лучами... С этой звездочкой начал он жить и научился правильно думать о жизни и научился писать свои чудесные книги. И за эту советскую звездочку, сражаясь с врагами, сложил он свою золотую голозу и лежит теперь в своей почетной солдатской могиле у железнодорожной насыпи под Каневым — недалеко от могилы Тараса Шевченко.

Никакими силами не увидеть мне больше Гайдара.

Но книги его живут и будут жить долго, советские дети никогда не расстанутся с ними. Так невозможно расстаться и мне с его письмам,

где он встает передо мною, как живой.

Кажется, что сейчас откроется дверь в мою комнату, и я услышу его тяжелые шаги. Он войдет со своей полевой сумкой, висящей у него сбоку на ремешке, сядет на диван и положит ее с собой рядом. В этой сумке — я уж это знаю хорошо — лежит начало, а не то и конец его новой повести.

С сумочкой своей он никогда не расставался, словно хранил в ней свою собственную душу.

Я жду бывало минуту, две...

Гайдар вынет из сумочки обыкновенную школьную тетрадь и бросит ее себе на колени.

— Вот послушай, что я написал... — скажет он.

Я сажусь напротив.

Но он не открывает своей тетради, а кладет ее снова в сумочку и, подчавшись на ноги или шагая из угла в угол, начинает читать наизусть, главу за главой, свою новую повесть. То это солдат Бум-Бараш, вернувшийся в свою деревню с гражданской войны, то «Синие звезды», то «Дальние страны», то «Тимур и его команда». Какие странные и загадочные названия!..

Ты слушаешь... И романтический дух веет на тебя от каждой страницы, где действуют обыкновенные советские мальчишки или девочки в обыкновенной нашей жизни. Но сколько чарующей силы находил он в этой жизни и в самых обыденных вещах, мимо которых иные пройдут, не замечая их, и открывал перед детьми мир, полный чудес, столь же вечных, как вечно на земле детство.

Вряд ли нужно еще говорить о том, что Гайдар был в глубоком смысле слова советский писатель, верный сын своего времени, советский патриот и солдат. Даже детям не надо этого доказывать. Они знают это лучше других по его книгам.

Хочется лучше рассказать, как нежно относился он к родной природе, как думал, как писал, как берег ее силу и красоту и какой он был веселый человек.

Нас всегда удивляла его чудесная способность, позволявшая ему читать наизусть почти целиком свои повести. Но это происходило не от его и в самом деле редкой памяти, а от неутомимого искания нужного слова. Он выборматывал вслух свои строки, как поэт выборматывает свои стихи. Он долго искал и менял их, пока каждое слово не наполнялось нужным чувством и нужной для воздействия силой. Оттого так легко, так певуче звучит его проза, и повесть его действует, как песня.

Он вырос в Арзамасе, в маленьком городке, стоящем на высоком берегу реки Течи. Недалеко были Ока, Волга, Нижний Новгород, и края Средней России были для него милей всего, хотя он любил каждый уголок нашей страны и побывал в ней повсюду — на севере, и на юге, и на крайнем востоке.

А. Гайдар (справа) и Р. Фраерман с уловом.

К родной природе он был привязан, как человек привязан к матери или к своей семье: чем дальше ты от них, тем сильнее любовь и тоска.

Мы часто уезжали с ним летом в деревню под Рязань отдыхать, писать книги и ловить рыбу. Там на пойме Оки и маленьких луговых озерах — «зеркальцах» — водились во множестве бойкие окуни, чуткая плотва, щука, крупные лещи, шелесперы. Стройные осоки растут там на ветру среди лугов, в своей подвижной серебристой листве скрывая в полдень молодых ястребов; дуплистые, разбитые молниями ивы раскинуты там по берегам стариц; луговая клубника зреет среди высоких цветов и травы. Простор, тишина, — во всей природе простота, умиляющая душу.

И едва только приближалось время ехать, где бы ни был Гайдар, — он первый подавал сигнал: то письмом, то телеграммой, то шутивными стихами, которые он любил сочинять.

Среди друзей это был самый верный голос, самый ранний зов.

Вскроешь конверт, пойдешь к окну, за которым еще холодный весенний воздух лишь отдаленно говорит о лете, и читаешь:

*Из этих теплых крымских стран,
Где вовсе снегу нет,
Рувим Исаич Фраерман,
Мы шлем тебе привет.
Придет пора, — надев трусы
(Какая благодать!),
Ты будешь целые часы
На речке пропадать,
Где в созерцательной тиши,
Премудр и одинок,
Сидишь и смотришь, как ерши
Тревожат поплавок...
Тили-бом-бом, тили-бом-бом!
От ночи до зари
Поют об этом под окном
Нам хором снегири.*

Прочтешь стихи, рассмеешься, представишь себе веселое, лукавое лицо Гайдара, и подумаешь: «Знаем мы этих снегирей... Наверное, не усидел в Крыму и недели, помчался куда-нибудь дальше».

И верно, пройдет немного времени — и снова письмо, и снова читаешь его строки, написанные порывистым почерком, в котором каждая буква стоит отдельно. Это письмо уже из Одессы:

«...Я живу сейчас в домике на берегу моря. Здесь же меня кормят, усыпляют и умывают... Я работаю... Надо в поте лица добывать трудовую копейку — это раз. Во-вторых, надо оправдать свое существование перед людьми, зверями, перед разными воробей-птицами, соловей-птицами, перед рыбой-карась, линь, голень, лещ, плотва, окунь, — а перед глупым ершом, перед злобной щукой оправдываться мне не в чем...»

«...В Одессе я пробуду еще, вероятно, с месяц. К этому времени работу думаю закончить. И знаешь! Конечно, море прекрасно! Но скучаю уж я по России. Где мой пруд? Где

А. Гайдар (справа) на плоту из резиновых мешков ловит рыбу на Селянском озере вместе с ботаником и унтологом проф. М. С. Навашиным.

мой пруд? Где вы, цветики мои, цветики степные? Всех я хороших людей люблю на всем свете — восхищаюсь чужими долинами, цветущими садами, синими морями, горами, скалами и утесами... Но на вершине Казбека мне делать нечего — залез, посмотрел, ахнул, преклонился и потянуло опять к себе, в Нижегородскую или Рязанскую».

«...когда ты едешь в Солотчу... Тоскую по «Канаве», «Промоине», «Старице» и даже по проклятому озеру «Поганому». Выйду на берег моря — ловят здесь с берега рыбу-бычок. Нет! Нету мне интереса ловить рыбу-бычок. Чудо ли из огромного синего моря вытащить во сто грамм — и все одну и ту же рыбешку? Гораздо чудесней на маленькой, задумчиво-тихой «Канаве» или «Промоине» услышать гордый вопль: «Давай подсак!» А что там еще на крючке дрыгается — это уже наверху будет видно...»

Я перечитываю снова эти шуточные строки сейчас — и вижу новый смысл в них, хотя все тот же живой, веселый голос Гайдара слышится мне.

..Надо работать. Надо оправдать свое существование перед миром, который делит он на две части: мир добрый — наш мир, и другой мир — хищный, где обитают злобные щуки, перед которыми ему оправдываться не в чем.

Так он и сделал. Он оправдал свое существование вполне — и жизнью и смертью..

Вот я читаю другие строки из других писем...

Как много он работал! «Живу тихо, глухо, одиноко. Взялся за работу. Выйдет ли чего — не знаю. Вернусь, закончив повесть, к первому. Из пяти листов оставлю, кажется, полтора-два. Остальное чушь, белберда. Все плаваю поверху, а нырнуть поглубже нет ни сил, ни умения...»

Нет, это неправда! Это только строгость Гайдара к самому себе, взыскательность его к своему труду. Он владел большой силой. Он умел глядеть в глубину и смотреть вдаль и видеть далеко, как видит истинный поэт.

Мы это узнали сейчас.

И вот еще строки, написанные им почти перед самой войной, в апреле 1941 года, где среди знакомых для нас и заманчивых предвесенних замыслов он пишет, скрываясь за своей обычной шуткой:

«Скоро вскроются реки и стан вольных рыб воздадут хвалу творцу вселенной. Ты же, старый хищник, вероятно, уже замыслишь против сих тварей зло. Увы, и я замышляю тоже... А на земле война. Огонь слепит глаза, дым лезет в горло и хладный червь точит на людей зубы...»

И в этих строках я вижу Гайдара. Сквозь эти шуточные слова светит его тревога за родину, его любовь к ней, его беспокойство за мир — высокое беспокойство за все человечество — драгоценные душевные черты советского человека и писателя.

Тюлений остров

И. ВИНОКУРОВ, Ф. ФЛОРИЧ

В 1805 году великий русский мореплаватель Иван Крузенштерн, уточняя восточные берега острова Сахалина, нанес на карту маленький каменистый островок.

В более поздние времена на острове побывали геологи, и камни его рассказали им большую и сложную историю своего возникновения, являющуюся частью истории возникновения Сахалина.

В незапамятные геологические времена здесь расстилалась широкая, безбрежная морская гладь. Только на морском дне могли отложиться такие пласты песчаников и сланцев, полные морских ракушек, из которых ныне слгаются недра сахалинских гор. В бесконечном чередовании геологических эпох менялось лицо земного шара. Все новые и новые катаклизмы потрясали его. Земля стонала, гремела, корчилась в судорогах землетрясений, волны океанов бурно вздымались, наступались, — и в мире возникали новые земли и острова. Наступило время, когда весь восток Азии был охвачен грандиозными горообразующими движениями. Дрогнули подводные недра, отложенные морем пласты стали сминаться, дробиться, коробиться и появляться из воды. Вот так однажды, уже в конце третичного периода, при очередном потржении земной коры, и родился этот маленький островок, которому впоследствии дали имя «Тюлений остров».

...Всю ночь мы шли в густом тумане. На рассвете, сбавив обороты, катер

С наступлением весны у острова появляются первые котикки...

«Зверобой» медленно продвигался вперед, а мы, его пассажиры и команда, до боли в глазах всматривались в непроходимую стену тумана и напряженно вслушивались в звуки моря. По расчету времени мы были на подходе к острову. Это подтверждалось присутствием больших стай морских ворон-белогрудых кайр, лениво отплывавших в сторону при нашем приближении. Время от времени мы глушили мотор, прислушивались и плыли дальше, строго придерживаясь курса.

Наконец мы «услышали» остров — именно услышали, а не увидели. Покрывая стук мотора и плеск рассекаемой судном воды, до нас донесся далекий, переливающийся рокот, вначале еще неясный, напоминающий говор многоголосой толпы. По мере приближения к острову звуки становились громче, явственней; но лишь только тогда, когда в белесом тумане показались, наконец, смутные контуры земли, мы поняли их происхождение. Воздух был полон неумолчным гомоном кайр и ревом морских котиков — обитателей островка.

Пока на малых оборотах мы подходили к острову, становились на якорь, пока к нам с берега подошел кунгас, туман рассеялся, и в лучах восходящего солнца перед нами возник весь островок. Представьте и вы себе небольшой клочок земли, длиной всего в 636 метров и шириной в 91 метр. В центре острова возвышается плоское и ровное, как стол, плато высотой в 15—18 метров, с отвесными краями. Со всех сторон оно окружено низким берегом, шириной до 25 метров. И только в южной части островка, где отгорожены загоны для боя котиков, берег раз-

ширяется до 50—60 метров. Лишенная растительности и текучих вод, этот островок зимой покрывается сплошной массой снега, а низкий, залитый морем берег — крепкой ледяной корой. Зимой здесь дуют сильные ветры, сметая с острова все живое. В это время не увидишь здесь ни человека, ни зверя, ни птицы. Но весной эта земля, казавшаяся мертвой и похороненной под белым снегом, оживает, и до поздней осени здесь бурно бьется жизнь.

Мы высадились на восточном берегу островка, в том месте, где у отвесной стены плато расположился стан про-

Маленький, только в этом году народившийся котик.

Перед взлетом кайра, распластав крылья, бросается вниз.

На всем протяжении берега копошилась многотысячная масса котиков.

мышленников. Два-три дощатых домика, две палатки лагерного типа да наблюдательная вышка в центре плато — вот и весь стан. Но даже эти мелкие сооружения внушают морскому котикому большое беспокойство. Весьма осторожный от природы, он боится чуждого звука, запаха, и нарушение естественного вида острова его может легко отпугнуть.

Едва ступив на берег, мы, сгорая от нетерпения, поднялись на плато. Перед нами была картина, буквально ошеломившая всех нас. Сразу трудно было на чем-либо остановить взгляд. Лишь несколько позже внимание стало фиксировать отдельные подробности открывшейся перед нами панорамы. Все плато, от края до края, каждый его уступ, каждая складка, были усеяны плотной массой, сотнями тысяч кайр. Точно огромный ковер, сотканный из живых птиц, устилал все плато, переливаясь на солнце черными и белыми пятнами. У кайры белая грудь и черная спина. Только края крыльев чуть обозначены белыми перышками, и от этого кажется, что на кайре надето нечто вроде фракса с полукруглыми фалдами. Вся масса птиц сидела на плато, так тесно прижавшись друг к другу, что каждая отдельная птица теряла всякую свободу движения. И когда с моря прилетала новая кайра, она просто падала на лапки в середину этой массы и, стиснутая со всех сторон своими товарками, тоже становилась неподвижной. Разекая свой длинный острый клюв, она включалась в громкий говор подруг, перекатами плывущий над островом.

Так было на вершине и гребнях плато, а внизу, у западного побережья островка, на всем протяжении берега и в прибрежной воде, покрывая птичий гомон то бленанием и ревом, то нежным урчанием и злобным рыком, копошилась и плескалась многотысячная масса морских котиков. Кайры и котики, не ссорясь и не мешая друг другу, мирно проводят на этом острове теплые месяцы года.

Мы часами наблюдали за котиками из засады. Мех этих животных на мировом рынке занимает третье место по ценности: он во много дороже других мехов, даже меха чернубурой лисы.

Маленькие, только в этом году народившиеся котики, тесно прижавшись друг к другу, безмятежно спали крепким сном, ни на что не обращая внимания. Остальные — взрослые самки, — несмотря на густоту, с какой они заняли берег, располагались большими группами с точно обозначенными

границами. На страже каждой отдельной группы находился большой котик — самец, или «секач».

Котик-секач бдительно следит, чтобы никто из других самцов не подходил к его владениям. Но вот случайно или по злему умыслу к группе приблизился самец-пришелец. Секач стремглав бросается на него, и, если тот не успеет во-время ретироваться, начинается драка. Пришелец обычно слабее: окровавленный, ревя от боли и досады, он убегает во-свои, а секач, победно отдуваясь и пофыркивая, возвращается на свое место.

Поодаль большими стадами лежат секачи-одиночки, а в воде плещется большая масса старых самок. Они то гонятся друг за дружкой, то ныряют и почти у самой поверхности моря лениво вращаются в воде, как лежащее плашмя веретено, — наслаждаются прохладой. Далеко в море в поисках пищи уходят лишь отдельные группы котиков.

О морских котиках, об их природе, особенностях и привычках в литературе имеются весьма скудные данные. Путем опроса и бесед со старыми охотниками нам удалось несколько пополнить эти сведения.

В мире известны три места, где промысляют морского котика. Первое — острова Прибылова (США) в Беринговом море, открытые в 1786 году русским моряком и носящие ныне его имя. Эти острова до 1887 года принадлежали России, но затем вместе с Аляской и Алеутскими островами были проданы царским правительством Америке.

Второе место, где находится лежбище котиков, — Командорские острова (СССР), открытые Берингом еще в 1741 году. В годы гражданской войны, во время оккупации японцами всего Сахалина и Приморья, ими была послана специальная «экспедиция» на Командорские острова. Ей было поручено залить нефтью лежбища котиков. Из этой затеи японцев ничего не вышло: штормы смыли нефть, и в положенное время котики вновь пришли на острова.

Наконец, третье место, где охотятся на котиков, — это Тюлений остров (СССР).

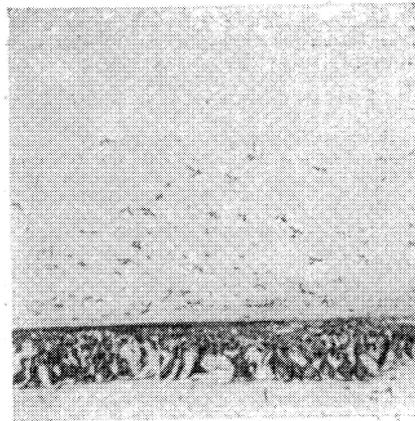
Еще во время Крымской войны, когда внимание русского правительства было обращено к событиям на Западе, к Тюленьему острову на клиперах приходили американцы для охоты на котиков, били их и вывозили в огромном количестве. В 1885 году охрана под начальством лейтенанта Шамова, командированная на остров, на-

шла там котиков, убитых и брошенных браконьерами при поспешном бегстве..

В результате русско-японской войны, пользуясь слабостью царского правительства, японцы отторгли у нас южную часть Сахалина, а вместе с ней и Тюлений остров. Игнорируя географические названия, существовавшие на всех картах мира, японцы заново стали «открывать» Южный Сахалин и нанести на карту свои названия. Так, Сахалин стал называться «Карафут», залив Терпения — «Тарайка-ван», а Тюлений остров — «Койхйото».

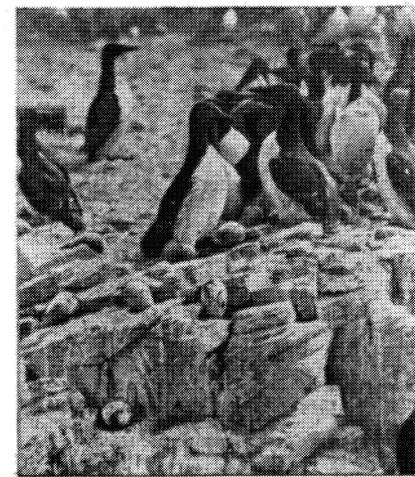
Победа, одержанная советским народом над Японией в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, вернула нам спустя сорок лет эту часть старой русской земли. Она вновь воссоединилась со своей родиной и стала называться нашими старыми именами.

На Тюлений остров котики приплывают в середине мая. Почему они приходят сюда, почему не выберут какой-нибудь другой безлюдный, каменистый островок близлежащей Курильской гри-

Все плато было усеяно сотнями тысяч кайр.

ды? Какая сила, какой непреодолимый инстинкт побуждают их ежегодно приплывать сюда из теплых морей, где они плавают весь год, ни разу не вылезая на берег?! Эта загадка до сих пор не разрешена. Известно лишь, что весь год они проводят в море, не высаживаясь на берег. Беременность у самок длится 350 дней, и все это вре-

Снесенные кайрами яйца лежали прямо на скале.

мя, до самой весны, они не выходят из воды.

Каждый год с наступлением весны, в точно известное время, у острова появляются первые котик-самцы — гонцы-разведчики. Они долго плавают вокруг, присматриваясь, и когда убедятся, что на острове все по-старому, выходят на берег и выбирают места для лежищ. Спустя две-три недели приплывают остальные котики.

Через несколько дней после выхода самки на берег она приносит детеныша, а спустя еще несколько дней начинается брачный период. Этот период длится около трех месяцев. По его окончании секач, впервые с момента своего выхода на берег, уплывает в море на поиски пищи.

Большая часть самцов — пятипестилетки и так называемые «баккаларь», самцы трех-четырёх лет — приплывает на остров с середины июня. Они живут большими стадами вне места размножения, часто уходят в море на поиски пищи, спят на берегу, когда сыты, и шумно играют, когда проснутся. Самки двух-трех лет приплывают на остров примерно в середине июля. Они выходят на берег и располагаются поближе к взрослым самкам. Длина тела самки по сравнению с телом самца невелика: всего 120—123 сантиметра, в то время как самец в возрасте шести-семи лет имеет в длину до 200—250 сантиметров и весит 250—300 килограммов.

Цвет меха морского котика отнюдь не таков, каким он известен по готовым изделиям. Для того чтобы он стал черным и пушистым, его подвергают сложной обработке. В натуральном же виде мех морского котика — серого цвета, разных оттенков, со светлыми и рыжими подпалинами на брюхе. Старые же секачи — бурого цвета, напоминающего цвет шкуры бурого медведя. И только маленькие новорожденные котики — черные, но их мех не ценится, так как волоски у него очень короткие, торчащие, а шуха нет.

Новорожденные котики имеют длину 30 сантиметров. Они вначале питаются молоком матери и боятся воды. Но уже спустя месяц они подползают к воде и начинают учиться плавать. В это время они чрезвычайно потешны и напоминают маленьких ягнят. Через три месяца они достигают длины 60—70 сантиметров, овладевают искусством плавания и начинают промышленно добывать себе пищу.

С наступлением холодов котики покидают Тюлений остров. В своем движении на юг они доходят до пролива Лаперуза, откуда часть из них плывет вдоль восточных берегов Японских островов, а часть проходит пролив Лаперуза и спускается на юг до берегов Кореи. В течение своего передвижения на юг котики ни разу и нигде не выходят на берег. Так они плывут на юг до февраля месяца, а затем поворачивают обратно на север, с тем чтобы в мае вновь показаться у берегов Тюленьего острова.

По земле котики обычно передвигаются медленно, поочередно переставляя передние лапы и подтягивая зад, опирающийся на хвост. Но в случае опасности или иной необходимости котик может двигаться быстро и энергично. В воде передние лапы служат ему веслами, а хвост — рулем. Хвост у котика раздвоенный, каждая часть оканчивается широкой пятёрней, напоминающей большую черную резиновую перчатку, надежную на маленькую руку. Это дает возможность коту обмахиваться хвостом, точно мохнатым веером. С тыльной стороны хвоста, в его упругой части, торчат три когтя, при помощи которых котик почесывается и прочищает свои маленькие остроконечные, в виде рожек, уши. Зрение у котика довольно плохое, но зато сильно развиты обоняние и слух. Питаются они исключительно рыбой.

...До позднего вечера сидели мы в засаде, безустали наблюдая котиков. На следующий день, лишь только обозначился рассвет, мы включились в бригаду промышленников. Вооружившись длинными толстыми палками, мы разделились на две группы и, соблюдая тишину, пополнили по специально устроенным тоннелям, проложенным в южной части острова, с его восточной стороны на западную. Выбравшись из тоннелей, обе группы быстро сомкнулись, и мы, отрезав котикам отступление в море, стали гнать их в широкий загон. Точно предчувствуя смерть, котики, жалобно блея, упирались и не шли в загон. Задние напирали на передних, подминали их под себя, и только после большого труда нам удалось, наконец, загнать их в загон и закрыть за ними широкие ворота.

Чтобы не повредить шкуру котика, его бьют палкой, стараясь попасть в самое чувствительное место — в нос. Убитых котиков вытаскивают из загона на широкую дощатую террасу, прилегающую к загону, и тутчас же принимаются за разделку.

На страже каждой отдельной группы находился большой котик.

Помимо промышленного значения, которое имеют шкуры котика, большую ценность представляет также его мясо. Во вкусовых качествах котикового мяса мы убедились лично, когда во время обеда на стол были поданы превосходный мясной борщ, котлеты и пирожки с мясом. Жир котика идет на различные технические нужды, а его печень, желчь и семенные железы широко применяются в медицине в виде различных эндокринных препаратов.

Пока на террасе шла разделка туш убитых котиков, мы поднялись на плато для сбора яиц кайры. По своему вкусу яйцо кайры мало отличается от куриного. На острове яйца собирают сотнями тысяч. Как высококалорийный продукт, их широко используют для питания. Снесенные кайрами яйца — большие, с толстой скорлупой — лежали прямо на скале. Они были самых различных цветов — голубые, белые, желтоватые, светлорозичневые, с черными замысловатыми узорами или пятнами. Одни яйца были большого размера, другие — поменьше. Позднее мы выяснили, что кайра-самка ежегодно кладет лишь одно яйцо, и только если это яйцо разобьется или пропадет, кайра кладет второе, но уже чуть поменьше

первого. Стоит пропасть и этому яйцу, как кайра кладет третье — последнее, совсем маленькое яйцо, по размеру не больше куриного. Кроме сбора яиц, представляющих большой промышленный интерес, проводится также убой кайры; мясо ее идет в пищу, а шкура после соответствующей обработки, может быть использована в обувной промышленности.

Кайры живут на острове с середины мая до конца лета, то есть до той поры, пока не окрепнут птенцы, а затем улетают в теплые края. По земле кайра передвигается, забавно покачиваясь из стороны в сторону, — наподобие пингвина. Взлететь непосредственно с земли она не может. Перед взлетом кайра подходит к обрыву скалы, распластав крылья, бросается вниз и лишь почти у самой воды выравнивается в полете. Летает она быстро, сильными взмахами крыльев рассекая воздух. Способ плавания кайры напоминает полет: птица распускает крылья и, помогая себе перепончатыми лапами, быстро плывет, а в случае необходимости переходит на «бреющий» полет. Питается

кайра исключительно мелкой свежей рыбой.

...Рабочий день на острове близился к концу. В отсвете уходящего за горизонт солнца остров и все живое на нем меняли свои оттенки и контуры. Из воды на берег, блестя лоснящейся шкурой, с шумом выходили нагретые котики. Со всех концов моря к острову тянулись длинные вереницы кайр. На остров опускалась ночь. Большая отвесная тень от плато ложилась на отмель.

В середине ночи мы покинули остров, держа курс на Сахалин. Мы стояли у борта и делились впечатлениями. Директор этого необыкновенного зверосовхоза — «хозяин острова» — товарищ Соловьев с энтузиазмом рассказывал нам о своих планах развития поголовья морского котика и о задуманных им мерах по рациональному использованию природных богатств островного совхоза.

В штилевой тишине долго слышался остров, потом звуки, доносящиеся с него, стали стихать, перешли в далекий шелестящий шорох, и, наконец, остался лишь один равномерный стук мотора сейнера, увозившего нас от необыкновенного Тюленьего острова.

Д. КАРЕЛИН

Много лет своей жизни отдал проф. В. Ю. Визе (член-корреспондент Академии наук СССР) изучению Арктики. Его труд увенчался замечательной книгой «Основы долгосрочных ледовых прогнозов для арктических морей», за которую автору присуждено почетное звание лауреата Сталинской премии. Рассказать об этой книге — значит рассказать об интереснейших событиях, происшедших в далекой, суровой Арктике.

100 000 КИЛОМЕТРОВ СРЕДИ АРКТИЧЕСКИХ ЛЬДОВ

На карте Северного Ледовитого океана протянулись во всех направлениях извилистые разноцветные линии. Они покрывают густой сеткой огромный район Арктики, от Шпицбергена на западе до Берингова пролива на востоке, и в виде пучков уходят далее к Архангельску и Владивостоку. Это — карта маршрутов полярного исследователя В. Ю. Визе. 12 раз покидал он родные берега и отправлялся на судне навстречу невзгодам полярного ледового плавания. И каждый раз, возвращаясь в Ленинград, он привозил новые научные данные, раскрывающие тайны арктической природы. 35 лет назад В. Ю. Визе впервые познакомился с дрожащим светом полярного сияния, торжественной тишиной нескончаемого полярного дня и злым неистовством арктической осенней пурги. Север тогда был пустыней и таинственен. Но молодой путешественник был захвачен страстным желанием заглянуть в глубь этого холодного края, разбудить его от многовекового сна. Он посвятил свою жизнь этому делу. Сейчас можно сказать, что нет такого уголка в морях советского сектора Арктики, которого не знал бы В. Ю. Визе.

НА ПЕРВОЙ ПОЛЯРНОЙ ЗИМОВКЕ

В 1912 году В. Ю. Визе принял участие в экспедиции на Северный полюс Г. Я. Седова. Тот год был неблагоприятен для плавания. Льды зажали судно у берегов Новой Земли. Началась вынужденная зимовка. Молодой ученый с успехом использовал это время для астрономических наблюдений, а как только закончилась долгая полярная ночь, он отважился на смелое предприя-

тие, не удававшееся до тех пор никому. Поднявшись на ледяной купол Новой Земли, В. Ю. Визе прошел по нему от Баренцева моря к Карскому, не страшась ни холода, ни пурги, ни бездонных трещин в ледниках. В следующем году он же впервые изучил бурные течения в проливах Земли Франца-Иосифа и дрейф айсбергов. Много приключений и бедствий выпало на долю экспедиции, но это не сломило настойчивости полярных исследователей, возглавляемых В. Ю. Визе.

ОСТРОВ, ОТКРЫТЫЙ ЗА ПИСЬМЕННЫМ СТОЛОМ

Во время зимовки на Земле Франца-Иосифа В. Ю. Визе неожиданно встретился с двумя людьми. Это были матрос и штурман, спасшиеся с злосчастной шхуны «Святая Анна», унесенной льдами из Карского моря в центральную часть Северного Ледовитого океана. Моряки, едва держась на ногах от голода и усталости, все же принесли с собой журналы научных наблюдений. Обработывая их, В. Ю. Визе обнаружил, что в одном месте дрейф шхуны странном образом совпало и не совпало ни с ветром, ни с течением. Он высказал предположение, что в этом районе должна быть неизвестная земля. Прошло несколько лет, и однажды перед ледокольным пароходом «Г. Седов», плававшим с научной экспедицией в северной части Карского моря, из туманной дымки поднялся неизвестный остров. Место его совпало с местом, вычисленным В. Ю. Визе по материалам дрейфа «Святой Анны». Острову дали имя «Визе». Сейчас на нем выстроена полярная станция, на которой живут и работают шесть зимовников.

ОТКРЫТИЕ МОРСКОЙ АРКТИЧЕСКОЙ ТРАССЫ

Издавна смелые люди стремились проплыть на судне вдоль северных берегов нашей страны из Атлантического океана в Тихий. Туман, бури, непроходимые льды закрывали этот путь. После тяжелой борьбы, останавливаясь на зимовку, несколько экспедиций прошло по Северному морскому пути. Но можно ли пройти по нему быстро, за одно короткое полярное лето, имея на борту полезный груз? Многие мировые ученые говорили, что нельзя. В. Ю. Визе доказывал, что можно. В 1932 году, по решению советского правительства, ледокольный пароход «Сибиряков» вышел из Архангельска и направился по Северному морскому пути на восток. Используя ледовые прогнозы В. Ю. Визе, судно направилось в высокие широты Карского моря и обогнуло с севера Северную Землю. Осенью «Сибиряков», поборов ледовые препятствия, вышел в Тихий океан, совершив настоящий географический подвиг. Так был открыт для судоходства Северный морской путь, по которому теперь ежегодно плавают десятки судов с грузом.

ДОГАДКА КЛИМАТОЛОГА

Владимир Юльевич, будучи географом, в течение долгих лет своих полярных исследований занимается многими вопросами физической географии Арктики. Но два вопроса всегда особенно сильно привлекали его внимание: об изучении климата Арктики и о режиме ее льдов.

В. Ю. Визе давно уже понял, что овладеть Арктикой невозможно без знания климатических закономерностей, присущих этой части земного шара. И вот на протяжении десятилетий он пристально следит за процессами, протекающими в атмосфере над полярными льдами, шаг за шагом проникает он в тайны громадной «лаборатории холода», одну за другой раскрывает ее загадки. Оказалось, что события, происходящие в Арктике, влияют на некоторые события, протекающие под экватором. Так, например, В. Ю. Визе выяснил, что уровень воды озера Виктория (в Центральной Африке) связан с количеством полярных льдов. Низкому уровню воды в озере соответствует большое количество льдов в холодных морях, и, наоборот, когда уровень озера повышается, количество льдов уменьшается.

Легко понять, что если Арктика оказывает влияние на климат Центральной Африки, то ее влияние на климат СССР должно быть огромным.

Льды! Они не пускают корабли в сердце Арктики, их могучие объятия раздавили не один десяток больших и малых кораблей. Количество льдов, их движение, режим — вот другая группа вопросов, разрешение которых поможет окончательно завоевать Арктику. И В. Ю. Визе в течение долгих лет пристально следит за поведением льдов, пытается в кажущемся хаосе и беспорядочности усмотреть определенные закономерности. И это ему удается. Льдам Арктики посвящены многие из его печатных работ. Не так давно на юбилейной сессии Арктического института В. Ю. Визе сделал доклад на тему «Колесание солнечной деятельности и ледовитость морей», вызвавший оживленный обмен мнений.

В наши дни В. Ю. Визе является лучшим знатоком полярных льдов.

МАСТЕР ЛЕДОВЫХ ПРОГНОЗОВ

В 1944 году тяжелые льды зажали корабли с грузом в море Лаптевых. Мощные ледоколы и пароходы беспомощно дрейфовали, борты их трещали. Некоторые моряки говорили, что все конечно, надо прекращать поход. Но научные работники доказали, что через несколько дней лед разредится и по морю можно будет плыть. Решили подождать. Действительно, случилось так, как предсказали ученые. Важная морская операция была благополучно завершена. Это — результат новой науки, созданной В. Ю. Визе, — науки о ледовых прогнозах.

МОГИЛА ФРЕГАТА „ПАЛЛАДА“

Когда-то самым красивым кораблем русского военного флота был фрегат «Паллада», построенный в начале XIX века из лучших материалов известнейшими русскими корабельными инженерами.

На «Палладе» был совершен большой переход из Балтийского моря на восток, описанный писателем И. А. Гончаровым. Но Гончаров не упомянул о дальнейшей судьбе корабля.

У берегов Японии фрегат пострадал от землетрясения, выдержал беспрецедентную борьбу с тайфуном. Получив значительные повреждения, «Паллада» была отведена в одну из дальневосточных бухт, теперь называемую Советской гаванью.

Вторжение англо-французской эскадры в наши дальневосточные воды во второй половине XIX века помешало восстановлению фрегата. Он был надежно замаскирован командой, но зимой, когда главная опасность обнаружения фрегата противником уже миновала, напуганные царские чиновники из адмиралтейства послали на место стоянки «Паллады» офицера с приказом затопить корабль. 12 января 1856 года трусливый приказ был приведен в исполнение.

Через 80 лет после гибели фрегата «Паллада», в августе 1936 года, в Советскую гавань прибыла из Владивостока группа водолазов Тихоокеанской экспедиции подводных работ. На глубине 18—20 метров они нашли затонувший фрегат. Он лежал с дифферентом на нос, на метр зарывшись в грунт, с креном около 40 градусов на левый борт.

Это был уже не белоснежный красавец. Он весь оброс толстым слоем ракушек и водорослей. Причудливые, длинные стебли морской капусты шевелились на бортах, словно щупальцы.

Фрегат представлял собой печальное зрелище. Корабль длиной в

60 метров, по существу, сохранился лишь на длине 25 метров от носа. Носовая часть фрегата еще носила следы былой красоты. Корма была совершенно разрушена.

На обоих бортах частично сохранилась обшивка из меди, сосны и тика. Когда-то блестящие, надраенные руками матросов, медные и бронзовые части фрегата покрылись окисью, но сохранили свой прежний вид.

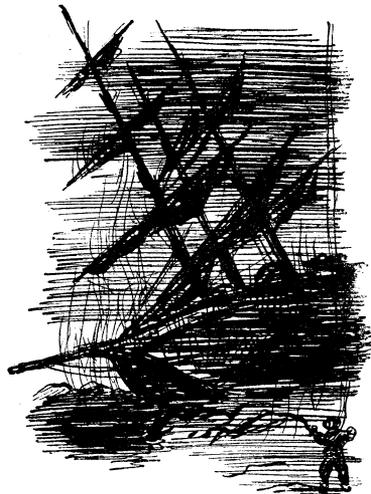
Настил прогнил и во многих местах разрушен. В средней части и на корме палуба тоже разрушена. Деревянные части поел червь-древоточец. За фокмачтой, судя по нескольким обломкам фарфоровых тарелок и двум, найденным водолазами, заржавелым столовым ножам с серебряными ручками, вероятно, была кают-компания.

Водолазы сняли с фрегата все, что можно было снять, не повредив судна, в том числе несколько ядер, иллюминатор со стеклом, койку, кое-какие медные части.

Из сохранившихся кусков деревянных брусьев были изготовлены шахматы в подарок ленинскому комсомолу.

Через четыре года, осенью 1940 года, водолазы произвели детальный осмотр фрегата для выяснения возможности его подъема.

Стало ясно, что при подъеме разрушенный корпус «Паллады» может переломиться в нескольких местах. Однако в одном из номеров журнала «Краснофлотец» за 1945 год капитан дальнего плавания Лухманов, командир парусной шхуны «Товарищ», старый моряк, любивший море и

флот, высказывал уверенность в том, что ветеран русского военного флота фрегат «Паллада», построенный из лучших сортов дуба, тика и ясеня, выдержит подъем.

Однако задача эта не осуществима.

Во Владивостоке, в скромном домике, спрятавшемся в тени деревьев на улице 1 Мая, находится краеведческий музей имени Арсеньева. Здесь, на подставке, под стеклянным колпаком, можно увидеть медный иллюминатор и куски обшивки фрегата, подаренные музею нашими водолазами. Рядом стоит прекрасная выполненная модель «Паллады». Фрегат полностью оснащен, под всеми парусами. Эту модель, по указаниям своего отца, который знал фрегат, сделал смотритель музея, бывший боцман.

Опрятный, чистый корабль, точная копия «Паллады», под парусами, поставленными для хода на полный ветер — фордевинд, как бы просится из-под стекла на морской простор...

Нартыков,
водолаз II класса

ЛЮДИ СПАСАЮТ ЗВЕРЕЙ

Во время весенних разливов леса в Днепровских плавнях на протяжении многих километров стоят в воде. Наводнение продолжается месяца полтора. Долго находясь в воде, деревья пускают из стволов длинные, тонкие «водные» корни. Вода сойдет — эти корни засыхают, и деревья принимают необычный вид: густая бурая шерсть покрывает их стволы. По такой «шубе» на деревьях можно судить, как высоко поднималась вода (нередко выше человеческого роста).

Куда же деваются во время наводнения четвероногие обитатели плавней — зайцы, лисы и другие звери?

Когда вода начинает заливать плавни, звери собираются на возвышенных местах, а там, где речки не преграждают им пути, — убегают в степь.

Вода прибывает быстро. Все меньше остается суши. Самые высокие гряды превращаются в островки. Некоторые из них уже совсем скрылись под водой, и течение уносит трупы утонувших зверьков.

В этот критический момент на помощь пушиным зверям приходит человек. Сельские советы приплавневых сел организуют бригады для спасения зверей. В дни угрожающего подъема воды десятки лодок, с двумя-тремя охотниками на каждой, занимаются вывозом зверей из затопленных плавней в степь. И тогда оживает картина, описанная Некрасовым в его известном стихотворении «Дедушка Мазай и зайцы».

В Каменко-Днепровском районе Запорожской области в довоенное время ежегодно спасали до 600—700 зай-

двѣ, с полсотни лис, десятка полтора лисьих выводков. Зверей сажали в мешки, а если их было много — грузили в лодку «навалом».

Охотники рассказывают, что лисы обычно злые, в лодке лежат смиреннее собак, зайцы сидят, прижавшись друг к другу, не шелочнутся. Но при первом же толчке лодки о береговой песок животные выскакивают, не ожидая приглашения.

После войны хороший обычай возродился. В 1946 году в Каменко-Днепровском районе с маленьких островков было вывезено более ста разных зверьков.

Бригада Григория Лаврентьевича Иванченко, состоявшая из четырех охотников, вывезла на двух лодках из Каменских плавней 38 зайцев, 4 лис, 6 белых хорей, 3 ласок.

Когда лодка приближается к островку, зайцы прячутся в траве. Охотники хлещут по траве длинными лозинами. Зайцы выскакивают и бросаются в воду. Плавают они плохо: ушки вверх и лапки вверх и кружатся на одном месте. К ним подъезжают на лодке: за уши — и в мешок!

НЕФТЬ НА БАЙКАЛЕ

В тихую погоду на поверхности байкальских вод можно видеть желтые, темные или темнокоричневые стуски пористой, мягкой и липкой массы. Стуски всплывают со дна озера. Во время бурь волны выкидывают их на берег. Они бывают величиной с гулак, похожи на воск.

Такие стуски наблюдаются почти по всему восточному, северо-восточному и северному побережью Баргузинского залива — от устья реки Баргузина до полуострова Святой Нос — и в дельте реки Селенги. Местами из прибрежных утесов Байкальских гор и утесов острова Ольхон вытекает бурая жирная жидкость.

Местные жители издавна пользуются этими дарами Байкала, называя их то морской или горным воском, то морской смолой, то горным маслом. В смеси с дегтем эти вещества употребляются для смазки колес, сбруи и обуви. Разбавляя их перичным жиром, старики-анахарики лечат больных от ревматизма.

Впервые обратил внимание на это загадочное вещество знаменитый натуралист и путешественник академик Петер-Симон Паллас в 1770 году. Возвратясь в Петербург из своего пятилетнего путешествия по Сибири, он доставил в Академию наук кусок байкальской смолы. Эта смола была названа байкеритом, в отличие от горного воска, известного под именем озокерита. Во время горения байкерит выделял много темного дыма, сгорал без остатка.

Лисы не прячутся в траве, а сидят и смотрят на людей, но потом бросаются в воду. Их накрывают рыбацкой сетью. Так же берут и белых хорей. Хори не даются; рвут сеть.

Перед выпуском в степь всех зверьков метят: делают на ухах по два надреза.

Охотники села Ивановка обнаружили на одном из островков семью енотов: самца, самку и двух детенышей. Несмотря на то, что еноты плавают хорошо, их догнали, посадили в мешок и отвезли на коренной берег. Проезжая через день мимо того же островка, охотники увидели еще четырех енотов. Поймали их также — и вдруг замечают: ушки у всех с двумя надрезами. Это были те же самые еноты. Они снова вернулись на свой островок, проплыв по воде три-четыре километра.

Спасая пушных зверей от гибели в воде, а также от браконьеров, охотники заботятся о сохранении фауны плавней, об увеличении добычи пушнины в последующие годы.

И. Грязнов

Каменка-Днепровская
Запорожской области

шить проблему залегания байкальской нефти, но пока все, их попытки тщетны. Проявление нефтеносности все еще остается загадкой. Байкал, словно саргата, хранит в своих недрах нефтяные богатства, упорно не желая открыть их человеку.

Первые буровые скважины были заложены горным инженером Рязановым в 1902—1905 годах. Одна из скважин достигла глубины в 350 метров, однако нефть в чистом виде найдена не была.

Поиски нефти были продолжены уже при советской власти. Центром научно-исследовательской работы в этом направлении стала Байкальская лимнологическая станция, организованная в октябре 1928 года Академией наук СССР. Нефтью Байкала заинтересовался виднейший специалист академик Иван Михайлович Губкин. Он предложил начать дело с детального изучения геологического строения Байкала, чтобы выявить таким путем места нефтяных залегающих. В настоящее время ученые заняты решением этой задачи. Недалек день, когда байкальская загадка, не дававшая покоя ученым в течение 176 лет, будет разгадана и седой Байкал раскроет людям свои нефтяные богатства.

Д. Р.

АМУРСКИЙ ПОЛОЗ

Амурский полоз (или полоз Шренка) — самая крупная и самая сильная змея Дальнего Востока.

У нее черная, точно поллированная, чешуйчатая кожа с желтоватыми, неправильной формы, раздвоенными пятнами по бокам тела.

Взрослые полозы бывают двух метров длины, и часто, по незнанию, их принимают за удавов, которые на Даль-

нем Востоке не водятся. С бычьей, встретив такую большую змею, люди стремятся убить ее.

Между тем амурский полоз — змея не ядовитая, больше того — это одно из полезнейших животных в сельском хозяйстве Дальнего Востока. Полоз преимущественно питается мышами-полевками, вредителями полей. В поисках пищи он забирается в норы мышей и здесь, в гнездах, уничтожает их — и взрослых и молодых.

Где грызуны — там и полозы. Из тайги, с опушек леса, из зарослей кустар-

ников они собираются на поля, где находят приют под суслонами скошенного хлеба. Истребля мышей-полевок под одним суслонком, полоз переползает под другой. Так кочет он по всему хлебному полю. Пользу сельскому хозяйству, если учесть количество съеденных им мышей-полевков, полоз приносит весьма значительную.

В Маньчжурии, в фанзах китайцев полозы нередко живут как бы в полудомашнем состоянии. Они часто вылазят из своих убежищ, греются на канах¹ и позволяют брать себя в руки. У некоторых китайцев полозы живут десятки лет, поселившись в фанзах еще при дедах теперешних хозяев. Полозы эти стали ручными и выполняют роль кошек, истребляя мышей и крыс.

Амурского полоза, как полезную змею, население должно охранять.

¹ Канаы—китайские, нагреваемые теплым воздухом нары.

Зоолог Ф. Ниселев

СЛУЧАЙ В ГОРАХ ТЯНЬ-ШАНЯ

Вот уже несколько лет в горах Тянь-Шаня работает Северо-Киргизская экспедиция Академии наук СССР, бессменным начальником которой является Г. А. Авсюк. Еще в годы юности вдохновенные книги знаменитого путешественника Семенова-Тян-Шанского зажегли в нем глубокий интерес к изучению родной земли.

Тянь-Шань хранит в своих богатейших подземных кладовых миллионы тонн ценнейших металлических руд и минералов, ртуть и полиметаллы, радий и нефть, уголь и соль. Долины горных рек богаты золотом. Несколько лет тому назад сотрудники экспедиции обнаружили в горах еще одну руду чудесного металла — индия. Ничтожная примесь его спасает от ржавчины металлическую обшивку морских кораблей. Тончайший слой индия, нанесенный на рефлектор, во много раз усиливает его отражательную способность.

Г. А. Авсюк рассказал мне о любопытном явлении, наблюдавшемся им в горах Тянь-Шаня. Однажды группа геологов поднялась на высоту четырех тысяч метров. С подветренной стороны надвигались темные облака. По расчетам, они еще не скоро могли

скрыть солнце, и остающееся время можно было использовать для работы. Помощники Авсюка быстро установили фототеодолит, с помощью которого они произвели съемку местности.

Геологи успели сделать несколько снимков, пока их не настигли облака, превратившиеся уже в большую темную тучу. Ветер гнал эту тучу с огромной скоростью.

Внезапно Авсюк услышал встревоженный оклик своего помощника!

— Григорий Александрович, пойдите-ка сюда!

Помощник стоял у навинченного на большой деревянный треножник фототеодолита и пристально смотрел на аппарат.

— Прислушайтесь, — сказал он и показал на фототеодолит.

Авсюк наклонил голову и ивственно услышал тонкое, звенящее гуденье, которое издавал аппарат. Казалось, что в глубине его алюминиевого корпуса работала какая-то маленькая машина. В то же время ученого охликнул второй помощник, стоявший несколько поодаль.

Обернувшись, Авсюк увидел, что тот в недоумении подносит ладонь к уху, а потом снова опускает ее.

— В чем дело?

— А вот послушайте!

Геолог поднес свою ладонь с растопыренными пальцами к уху Авсюка, и он ясно услышал странное звучание, исходившее из этой ладони. Правда, здесь не было уже никакого металлического звука: было похоже скорее на тихое трещание, какое издают иногда в летний день в степи тысячи прячущихся в траве кузнечиков.

Когда геолог опускал руку, трещание ослабевало. Но вот он поднял ее над головой, и возник новый, более сильный звук.

— Рука моя просто гудит, как телеграфный столб! — в тревоге воскликнул он.

Впрочем, теперь гудели руки и у самого начальника экспедиции.

Аппарат же, оставшийся в стороне, пел, как настоящий орган, густым, чуть вибрирующим звуком.

Несколько секунд все с удивлением смотрели друг на друга, пытаясь объяснить этот феномен.

Но вот, приблизив свою руку к руке помощника, Авсюк заметил голубоватую искру, быстро проскочившую между пальцами.

— Товарищи, это совершенно безобидная история, — сказал Григорий Александрович. — Нас зарядила электричеством туча, проходящая над нами. Это грозная туча. Ведь мы находимся на большой высоте, и все электрические явления здесь должны проходить более интенсивно.

Так была найдена разгадка чудесного явления. Оно продолжалось не более десяти минут, после чего стало ослабевать. Виновник его — темная грозная туча, гонимая быстрым горным ветром, уходила вдаль.

Когда впоследствии была проявлена фотографическая пластинка, находившаяся в аппарате в момент прохождения тучи, она оказалась испещренной множеством линий. Это были следы электрических искр, вызванных приближением рук к аппарату.

Леонид Эйдельс,

студент Московского городского пединститута имени В. И. Потемкина

„ЖИГУЛЕВСКАЯ КРУГОСВЕТКА“

Так называется маршрут путешествия по большому изгибу, который при подходе к г. Куйбышеву делает Волга, опоясывая Жигулевские горы. Часть пути проходит также по Усе — небольшой речке, в среднем своем течении отделенной от Волги перешейком в два километра шириной. Обычно в этом месте шлюпки перевозятся с Волги на Усу на больших дровах-люшнях¹. Весь путь „Кругосветки“ составляет 200 километров. Начинают его плаванием вниз по Волге, а возвращаются в Куйбышев сверху — через легендарные Жигулевские ворота.

Об одном таком путешествии, участником которого были члены кружков, в студии Куйбышевского дома пионеров, я хочу рассказать. Экспедиция состоялась летом прошлого года. В ней участвовали юные пионеры — моряки, географы, краеведы, зоологи и ботаники — под руководством старших товарищей и научных работников. На всем протяжении этого пути ребята приобретали необходимые знания и навыки. Моряки изучали практику вождения судна, управления катером, рулем, искусство гребли. Краеведы и географы изучали местность, занятую и быт населения; ботаники — растительный мир; зоологи — животный мир. Путешественники познакомились и с промышленностью: в этом районе возникли недавно новые нефтепромыслы. На большую глубину — до двух километров — уходят в недра Жигулей буровые скважины. Богатые горы щедро вознаграждают труд нефтяника. В годы Великой отечественной войны из жигулевской нефти выработывали бензин высокого качества: им снабжались самолеты и танки.

На редкость красивые, живописные места в Жигулях! В 1722 году, как говорит предание, был в Жигулях Петр I. Ему так здесь понравилось, что он даже хотел назвать своим именем одно из жигулевских сел — Моркваша.

С вершины Лысой горы любил смотреть на родную Волгу Владимир Ильич Ленин. Знаменитый русский живописец Илья Ефимович Репин писал здесь свои волжские этюды, своих «Бурлаков». Бывали здесь Алексей Максимович Горький, Федор Иванович Шалапин...

А сколько преданий и сказок сохранилось в народе о кладах Жигулей, об удалой казачьей вольнице, о Степане Тимофеевиче Разине!

Наша экспедиция остановилась и в «Заповедных Жигулях», где имеется небольшая научно-исследовательская станция, изучающая животный и растительный мир Жигулей. Здесь работают ботаник, зоолог, охотовед, лесовод. Оборудован маленький Музей природы Жигулей.

Первая экспедиция Дворца пионеров в 1946 году собрала в Жигулях много ценных коллекций — геологических, ботанических. Кафедре ботаники Куйбышевского педагогического института юные участники экспедиции подарили гербарий в 30 листов. Для выставки „Путешествия по родному краю“ было сделано 75 хороших снимков. Много записано легенд и преданий.

Большую помощь Дворцу пионеров в этой работе оказал Куйбышевский педагогический институт, его научные консультанты — профессор, доценты и студенты-биологи.

«Жигулевская кругосветка» — интересный маршрут. Он ждет других юных путешественников.

М. Емельянов

г. Куйбышев

«РУССКИЕ НА АЛЯСКЕ»¹

В 1648 году сибирский казак Семен Дежнев на лодках под кожаным парусом первый прошел через пролив, разделяющий два материка — Азию и Америку. Трогательное описание его подвига много лет пролежало в архивной избе...

«Мало ли сообщений, подобно дежневскому, погибло в наших архивах или сотню-другую лет пролежало в них без изучения!» с сожалением замечает писатель Сергей Марков в своей книге «Русские на

Аляске». И, как бы стараясь восполнить пробел в этой области, он кропотливо изучает старинные архивы и извлекает из них множество любопытных сведений о славных делах малоизвестных русских путешественников и исследователей далекого и сурового Севера.

Посещение Дежневым Берингова пролива не явилось еще открытием доселе неведомой Аляски. Открытие Аляски и Алеутских островов принадлежит Чирикову и Берингу, и произошло это в 1741 году.

С этого времени начинается постепенное освоение новой земли. Первыми европейцами, начавшими заселение Аляски, были русские. Объясняется это отдаленностью Аляски от центров западноевропейской колонизации и близостью с Северо-Восточ-

ной Сибирью, куда еще в XVII и XVIII веках проникли русские промышленники и исследователи.

По следам Чирикова и Беринга на берега Аляски, изобиловавшие бобрами, котиками, моржами и тюленями, пошли многие люди добывать ценных морских зверей.

Не легким был путь этих пионеров-промышленников и исследователей. Суровая северная природа, вражда и недоверие со стороны туземного населения, коварные происки испанских и других пиратов — со всем этим пришлось встретиться многочисленным энтузиастам на Аляске, таким, как Александр Баранов, Григорий Шелехов, Хлебников, Кашеваров, Загоскин, Вознесенский.

И все же, несмотря на все трудности и препятствия, продолжалось освоение Аляски. Уже в 1784 году Григорием Шелеховым было основано постоянное селение на острове Кадьяке. В 1799 году возникла «Российско-Американская компания», имевшая целью эксплуатировать богатства Севера.

О золотых месторождениях на Аляске тогда ничего не было известно, и царское правительство стало смотреть на Аляску, как на малодоходную область. В 1867 году Аляска была продана правительству Соединенных Штатов Америки.

Но передачей Аляски Америке далеко не кончилась история пребывания русских людей в Новом Свете. Заключительная часть книги Сергея Маркова посвящена борьбе за освоение воздушных путей, соединяющих Старый и Новый Свет. В этой борьбе погибли многие отважные люди, в их числе и Амундсен. И вот одна за другой прошли над Северным полюсом и благополучно приземлились в Америке стальные птицы героев-летчиков Валерия Чкалова и Михаила Громова.

«Словами о счастье я и заканчиваю свое повествование о русских людях в Новом Свете, — пишет автор. — Велико счастье открытий... Счастье было нераздельно с русскими людьми — плыли ли они на корабле, спитом китовым усом, или летели на светлом, как серебро, воздушном корабле».

«СЕВЕРНАЯ ЗЕМЛЯ»²

Под таким названием в издательстве Главсевморпути недавно вышла книга А. Ф. Лактионова, участника Североземельской экспедиции на ледокольном пароходе «Г. Седов» (1930 г.).

Северная Земля представляет собой большой архипелаг, состоящий из четырех крупных островов и ряда более мелких, расположенных на границе между Карским морем и морем Лаптевых и занимающий площадь около 37 000 квадратных километров. Открытие Северной Земли

явилось выдающимся географическим событием первой четверти XX столетия.

Книга А. Ф. Лактионова — это краткий научно-популярный очерк, освещающий историю открытия и исследования Северной Земли, работу первых советских экспедиций, жизнь и быт зимовщиков.

С особым волнением читаются страницы книги, посвященные первым энтузиастам-исследователям Северной Земли: Г. А. Ушакову, Н. Н. Урванцеву, С. П. Журавлеву, В. В. Ходову и др. Тяжел и суров был их труд.

Вот одна из страниц дневника зимовщика Урванцева: «К вечеру ветер еще усилился. Еще было можно стоять на ногах среди слепящего снежного вихря... Ночью буря, повидимому, достигла максимума. Палатку уже не рвет, а натянуло, как барабан, и она гудит глухо и жалобно, подобно шаманскому бубну. Мы лежим и слушаем песни полярной бури. Вот уже четвертый день длится она...»

С уходом «Седова», доставившего сюда зимовщиков, ушли люди, ушло все, что связывало с миром. Осталась четверка отважных.

«Тысячами миль и бесконечными ледяными полями мы теперь отделены от мира, — пишет начальник экспедиции Г. А. Ушаков. — Мы не знаем, сколько пробудем на этом забытом природой клочке земли, на этих задворках земного шара...»

Но завоеватели Арктики не выжили унывать. Люди принимаются за повседневные дела, устраивают жилье, начинают научную работу. Проходит год, другой — и экспедиция блестяще завершена. На смену приходят другие зимовщики...

На основе материалов, собранных экспедициями, в книге подробно описывается природа архипелага, животный и растительный мир Северной Земли.

Я. Б.

¹ С. Марков, Русские на Аляске. М. Воениздат, 1946, 152 стр. Цена 3 руб.

² А. Ф. Лактионов, Северная Земля. М.—Л. Изд-во Главсевморпути, 1946, 152 стр. Цена 9 руб.

Висячие сады ФЛОРИДЫ

Флорида — страна контрастов. Фиалки Севера встречаются там с тропическими цветами Вест-Индии. Множество паразитических растений и растений-эпифитов образуют на деревьях подобие висячих садов.

Эпифит — это растение, которое, прикрепляясь к дереву, пользуется им только как якорем. Пищу дает эпифиту не дерево, а дождь, роса и воздух.

В отличие от эпифита растение-паразит (как, например, омела) черпает свои жизненные соки у дерева, на котором оно растет.

Свыше двух десятков орхидей-

эпифитов украшают леса Флориды.

Чаще других можно увидеть орхидею «баттерфляй», с нежными зеленовато-коричневыми цветами.

Изучение разнообразных орхидей, растущих на деревьях Флориды, представляет исключительный интерес для ботаников.

Рис. 1. Растение-эпифит на гибкой ветви дуба. Разветвления цветка почти достигают одной из верхних горизонтальных ветвей дуба.

Рис. 2. Самая обыкновенная во Флориде орхидея-«бабочка» («баттерфляй») постоянно встречается в центральной части Флориды.

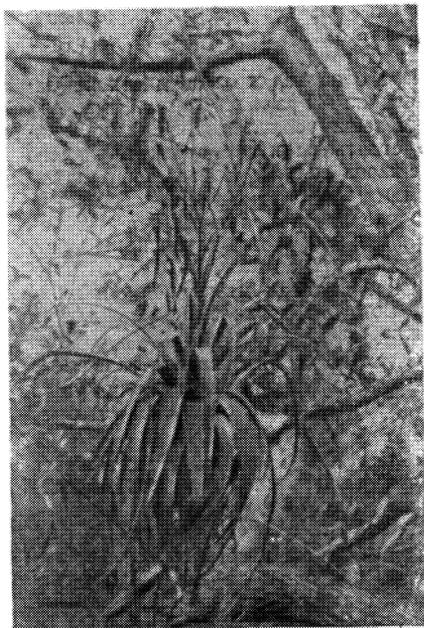

Рис. 1.

Рис. 2.

	Стр.
<u>Алексей Кожевников</u>	
Поездка в Шушенское	2
<u>Николай Бобров</u>	
Москва — Тикси на летающей лодке	5
<u>Родион Коркиа</u>	
Лугела	12
<u>И. Дебрин</u>	
В. И. Ленин на охоте. — Рис. Е. Комарова	13
<u>Н. Кальма</u>	
Закарпатье-живет по-новому	18
<u>Илья Эренбург</u>	
Белые и черные	22
<u>З. Демешева</u>	
В гостях у итальянской молодежи	28
<u>Проф. Б. Аполлов</u>	
Тайна Каспийского моря	33
<u>О. Шебакин</u>	
Богатства Кара-Богаз-Гёла	35
<u>Проф. Н. Н. Зубов</u>	
Подводные вулканы	35
<u>Вадим Охотничков</u>	
Шорохи под землей. — Рис. В. Высоцкого	33
<u>К. Бадигин</u>	
На родине Вальтер Скотта	41
<u>Л. Платов</u>	
Птица Маук (научно-фантастическая киноповесть). — Рис. В. Таубера	46
<u>Р. Фраерман</u>	
За письмами Гайдара	54
<u>И. Винокуров, Ф. Флорич</u>	
Тюлений остров	58
<u>Д. Карелин</u>	
Мастер ледовых прогнозов	53
Нам пишут читатели	60
В мире книг	63
На обложке в рамке: «У глобуса» — рис. худ. В. Иванова	
На цветных вкладках:	
1. «В. И. Ленин на охоте» — автолитография худ. Е. Комарова	
2. «М. В. Ломоносов». — Со старинной гравюры	

★
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Адрес редакции:
Москва, Новая пл., д. 6.
Тел. К 5-21-71.

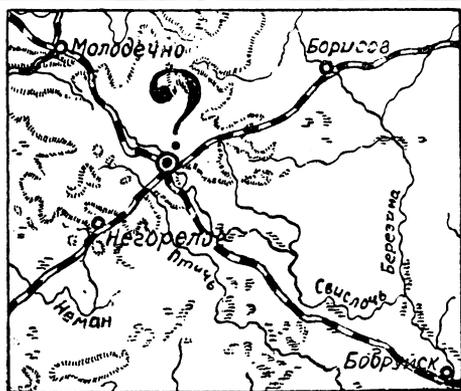
★
Непринятые рукописи
не возвращаются.

Редакционная коллегия: Д. Л. Арманд, И. А. Ефремов, И. В. Иноземцев (ответственный редактор), Н. Н. Михайлов, акад. В. А. Обручев, Н. А. Солнцев

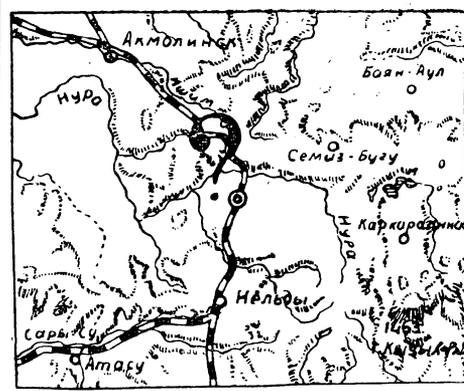
Техн. редактор А. Губер

Подписано к печати 21/1 1947 г. А02314. Бумага 60×92 см ¹/₄. 8 печатных листов по 63 тыс. знаков. Тираж 50.000 экз. Цена 6 руб. Зак. 271.
Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, Суцеская, 21.

О чем рассказывает КАРТА

Перед вами географические карты различных районов СССР. На картах обозначены некоторые из пунктов, где по плану послевоенной сталинской пятилетки будут построены новые заводы, рудники, гидростанции, железнодорожные магистрали. Можете ли вы сказать, что это за пункты и какие новостройки указаны на этих картах?

1. Здесь будут построены три завода-гиганта: автомобильный, тракторный, велосипедный.

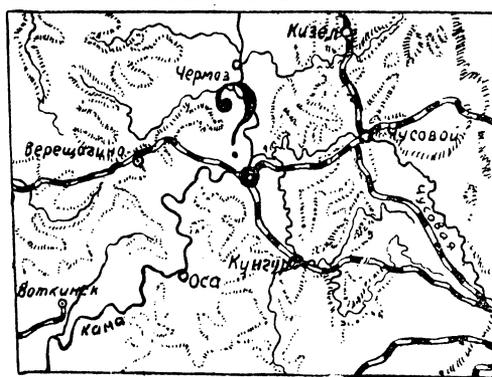
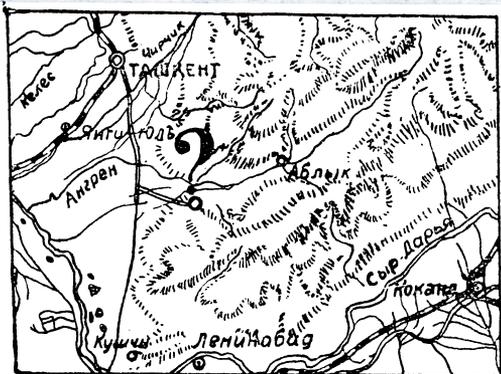
2. Здесь в 1947 году будет закончено строительство первого в этом крае металлургического передельного завода.

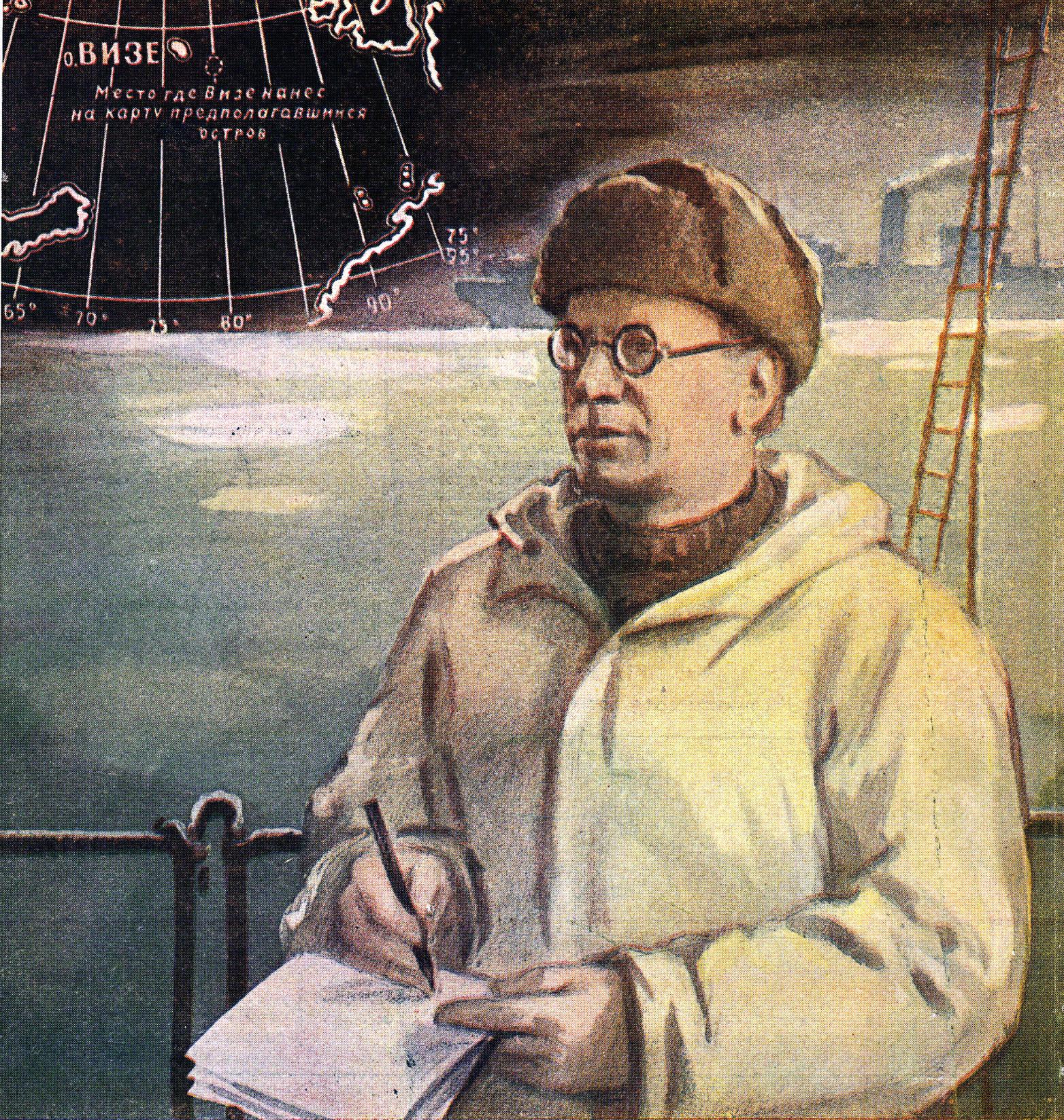
3. Эти пункты соединит крупная железнодорожная магистраль.

4. Здесь начнет свою работу мощный медный рудник.

5. Здесь будет сооружена гидростанция, равная по мощности Днепрогэсу.

Цена 6 руб.

Долгие годы изучал выдающийся ученый В. Ю. Визе закономерности движения льдов в полярных морях. Наука о ледовых прогнозах, созданная В. Ю. Визе, позволяет нашим морякам уверенно водить корабли по всей трассе Великого Северного пути.

На рисунке художника И. Г. Брюлина — портрет В. Ю. Визе, карта с обозначением острова, несущего имя ученого, и маршруты его экспедиций.

